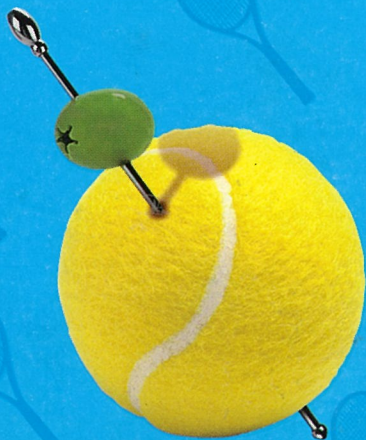

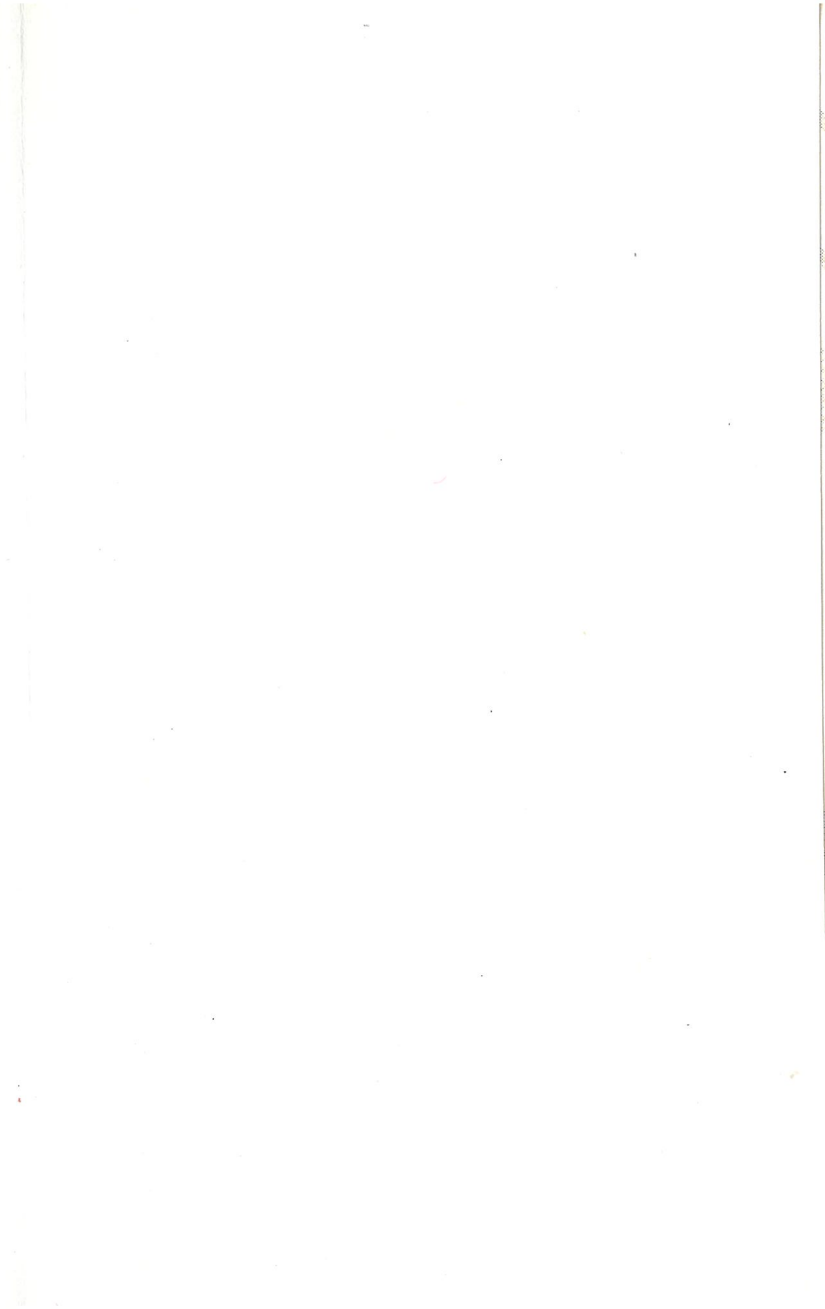
М а д е л и н У и к х е м
более известная как Софи Кинселла

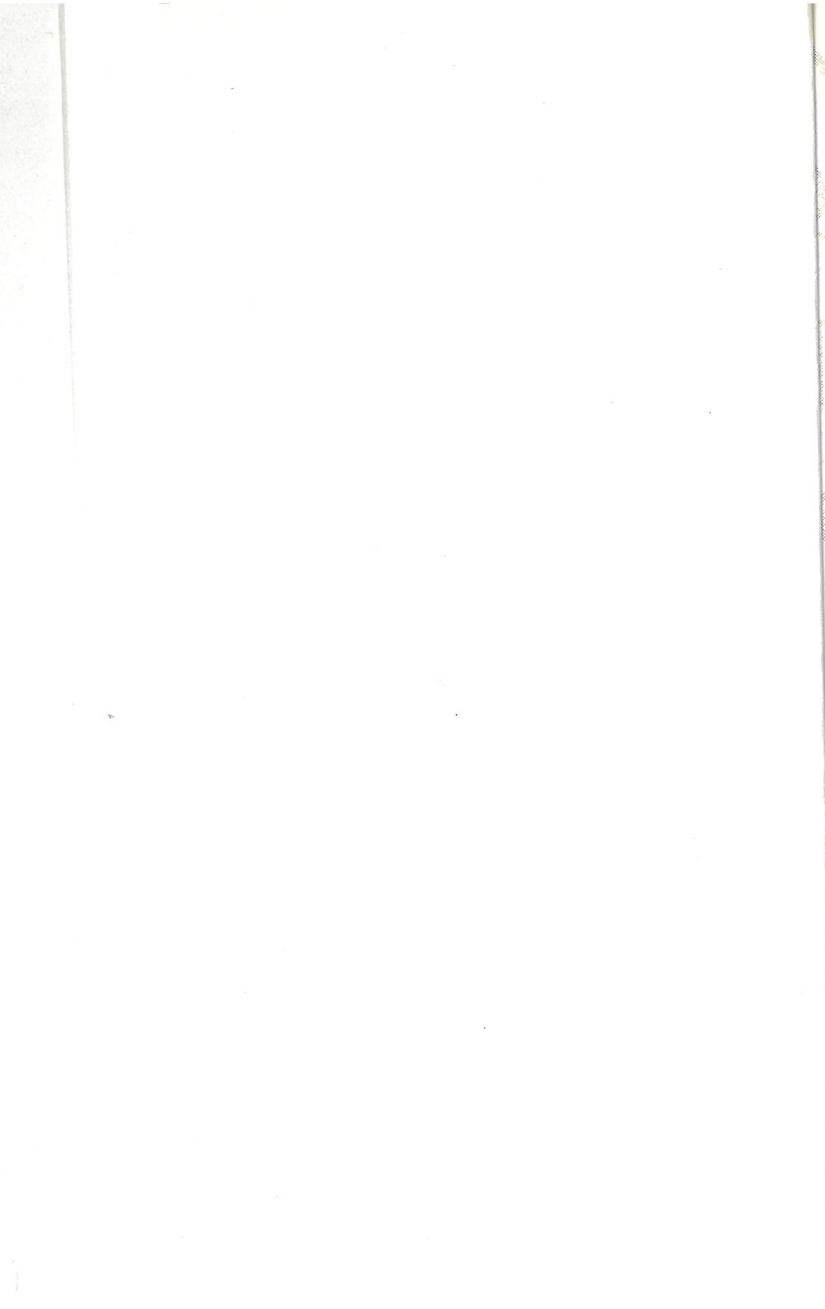
10 07 - 46
327

Меню party

Клуб
любителей
Кукурузы

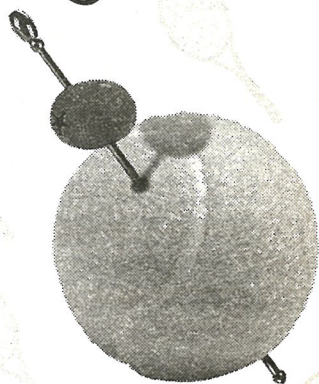
Madeleine Wickham

*The Tennis
Party*

М а д е л и н У и к х е м

10 $\frac{07 - 46}{327}$

Меню- party

Санкт-Петербург ИД Домино
Москва ЭКСМО 2007

Ф52

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
У 35

Madeleine Wickham

THE TENNIS PARTY

Copyright © 1995 by Madeleine Wickham

Руководитель проекта Александр Жикаренцев

Оригинал-макет подготовлен
Издательством «Ломоносов»

2007121198

Уикхем М.

У 35 Теннис-party / Маделин Уикхем [пер. с
англ. О. Степашкиной]. — М.: Эксмо; СПб.: До-
мино, 2007. — 368 с.

ISBN 978-5-699-24891-9

Это была идея Патрика — собрать друзей на уик-энд и провести турнир по теннису, ведь возле его замечательного дома имеется превосходный корт, которому мог бы позавидовать Уимблдон. И никто, даже любимая жена Патрика Кэролайн, не догадывается об истинной причине этого приглашения. Четыре супружеские пары собираются на солнечной террасе, и с первым же мячом, перелетевшим через сетку, начинаются эти два незабываемых дня, наполненных переживаниями и страстями, радостью общения и неприятными открытиями, появлением непрошенных гостей и подлинными потрясениями.

Маделин Уикхем — настоящее имя писательницы Софи Кинселлы, автора суперпопулярной серии романов про Шо-поголика.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© О. Степашкина, перевод
с английского, 2007

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-24891-9 ООО «Издательство «Эксмо», 2007

*Посвящается моим родителям,
Дэвиду и Патриции Таунли*

Глава 1

Стоял теплый, напоенный ароматами вечер, из тех, что ассоциировались у Кэролайн Чанс с отдыхом в Греции — с запахом узо, флиртующими официантами и ощущением прохлады хлопчатобумажной ткани на обгоревших плечах. Только вот сладковатый запах, плывущий по воздуху, исходил не от оливковых роц, а от свежеподстриженного английского газона. И звуки, доносящиеся издалека, не были шумом моря — это инструктор по верховой езде повторяла и повторяла Джорджине все с той же однообразной интонацией: «Рысью! Рысью!»

Кэролайн состроила гримасу и вновь принялась красить ногти. Она не возражала против страстного увлечения дочери верховой ездой, но совершенно его не понимала. Как только они переехали с Сеймур-роуд в Биндон, Джорджина принялась упорно требовать пони. И конечно же Патрик настоял, чтобы пони купили.

Магеллиан Уикхем

На самом деле первый пони Кэролайн нравился. Это была миленькая маленькая коняшка, лохматая и послушная. Кэролайн иногда заглядывала к нему, когда никто не видел, и угощала конфетами «Ферреро Роше». Но нынешняя лошадка была форменным чудищем: здоровенная черная тварь, совершенно дикая на вид. Джорджина для своих одиннадцати лет была высокой и сильной девочкой, но Кэролайн совершенно не понимала, как она вообще решается сесть на эту свою любимую Аравию, не то что ездить на ней и прыгать через препятствия.

Кэролайн закончила красить ногти на правой ноге и глотнула белого вина. Лак на левой ноге высох, и Кэролайн приподняла ногу — полюбоваться чудным жемчужным оттенком в вечернем свете. Она сидела на широкой террасе, примыкающей к главной гостиной. Белый дом был построен как солнечный коллектор; на взгляд Кэролайн, это была изрядная глупость — в английском-то климате! Солнечные лучи, отражающиеся от голых белых стен, освещали внутренний дворик, а главные комнаты смотрели на юг. Да, за стену над головой у Кэролайн цеплялась виноградная лоза, дающая довольно горькие ягоды, а из оранжереи каждое лето выносили несколько горшков с экзотическими растениями и украшали ими террасу. Но все равно это оставалась чертовски холодная Англия, и ничего тут не поделаешь.

Теннис-парты

Впрочем, Кэролайн готова была признать, что сегодня день выдался отменный: ослепительно яркое синее небо, жаркое солнце, ни ветерка. Большую часть дня Кэролайн потратила на подготовку к завтрашнему мероприятию, но, к счастью, все выбранные ею дела — расстановка цветов, приготовление овощей, эпиляция ног — были того рода, какими можно заниматься и на воздухе. Главные блюда — рагу с овощами для обеда и тарталетки с морепродуктами для ужина — доставили от поставщика еще поутру, и миссис Финч успела разложить их по сервировочным блюдам. Она приподняла брови: «Неужто вы не способны сами приготовить угощение на восемь человек?» — но Кэролайн привыкла к приподнятым бровям миссис Финч и не обратила на них внимания. «Да боже мой, — подумала Кэролайн, наливая себе еще вина, — на кой вообще нужны деньги, если их не тратить?»

Урок верховой езды закончился, и Джорджина помчалась через лужайку; длинные белокурые волосы, недавно заплетенные, развевались на ветру.

— Ма! — позвала Джорджина. — Доун говорит, что я никогда еще так не контролировала строевую рысь! Она говорит, что если я проеду так в Ист-Силчестере...

Она выразительно взглянула на мать.

«И что тогда? — подумала Кэролайн. — Тогда ты выиграешь? Тогда тебе лучше отказаться от

соревнований?» Она понятия не имела, следует ли контролировать строевую рысь, или наоборот.

— И я стала лучше прыгать,— добавила Джорджина.

— Замечательно, милая,— сказала Кэролайн.

Голос у нее был хриплый, огрубевший от сигарет и традиционной в последнее время ежевечерней бутылки вина.

— О, лак! — обрадовалась Джорджина.— Можно и мне покрасить ногти?

— Только не с такими грязными руками,— строго ответила Кэролайн.— Сперва вымойся.

— А когда вымоюсь, можно будет?

— Возможно. Если у меня будет время.

— Я хочу ярко-розовые!

— У меня нет ярко-розового лака,— сказала Кэролайн.— Можешь взять вот этот красивый светло-розовый или красный.

— Красный? Фу! — Джорджина сморщила нос. Она впрыгнула на террасу и повисла на спинке букового кресла Кэролайн.— А кто завтра придет?

— Ты сама отлично знаешь, кто завтра придет,— невозмутимо ответила Кэролайн, аккуратно нанося второй слой лака на ногти левой ноги.

— А Николь будет?

Кэролайн издала неразборчивое мычание.

— Ей разве не лучше?

— Уже лучше.

Теннис-party

— Можно мне будет покататься с ней верхом? Ей разрешат?

— Спросишь об этом у Энни. Я не против. Но вам придется взять с собой и Тоби.

— Он еще слишком маленький, чтобы ездить на Аравии.

— Тогда он просто посмотрит, как вы катаетесь.

— А можно мне будет поучаствовать в теннисном турнире?

— Нет.

— А надеть мою юбку для тенниса?

— Как хочешь.

— А можно, я буду подавать улетевшие мячи?

— Если хочешь, — сказала Кэролайн. — Но тебе будет скучно.

— Не будет! — заверила ее Джорджина. — Я знаю, что надо делать. Прокатить мяч вдоль линии, потом поднять и бросить игрокам. Двоюродная сестра Поппи Уортон подавала мячи в Уимблдоне и видела Навратилкову. А еще я могу давать высокую подачу.

Джорджина подбросила воображаемый мяч и с силой ударила по нему, врезавшись при этом в кресло Кэролайн. Кисточка дернулась, и лак размазался.

— Ах ты паршивка, — беззлобно сказала Кэролайн.

— Да все равно твои ноги никто не увидит, — сказала Джорджина. — Ну что, ты покрасишь мне ногти на руках?

Магелли Уикхем

— Только после ванны. Тебе нужно почистить ногти. Они у тебя все в грязи.

Но Джорджина уже потеряла интерес к разговору, прыгнула на газон и прошлась колесом. Кэролайн, сама когда-то занимавшаяся гимнастикой, взглянула на нее и подумала, что Джорджину не научили как следует выходить из колеса — четко приземлиться и улыбнуться судьям. В пансионе, где училась дочь, к гимнастике всерьез не относились. Она воспринималась исключительно как средство подготовки девочек к более важным вещам — нетболу, лакроссу и неизменной верховой езде. Там никто не интересовался соревнованиями, выступлениями, яркими трико и лентами — всем тем, из чего состояло детство Кэролайн.

Патрик Чанс, шедший к дому от теннисного корта, увидел, как его красивая, подвижная дочь крутит колесо на фоне заходящего солнца, и остановился на мгновение, любуясь ее непринужденной грацией, жизненной силой и энергией. Все ли отцы так же сентиментальны, как он сам? Патрику нелегко было, беседуя с другими родителями, подражать их спокойному равнодушию. Они не обращали никакого внимания на успехи своих детей, в то время как Патрик не мог удержаться от перечисления достижений Джорджины, не мог стерпеть и не прервать беседу ради того, чтобы указать на площадку для выступле-

Теннис-party

ний — да-да, соревнуется с четырнадцатилетними, при том что ей самой всего одиннадцать! Когда другие родители кивали, улыбались и возвращались к прерванной беседе, у Патрика начинало колотиться сердце от сдерживаемого гнева. «Посмотрите на нее! — хотелось крикнуть ему. — Вы только посмотрите на нее!» «Еще она играет на пианино, — сообщал он, пытаясь вновь привлечь их внимание. — Учителя говорят, что она делает большие успехи. Мы думаем, ей стоит попробовать еще и флейту».

Патрик заметил, что Кэролайн вновь принялась красить ногти. Ему до сих пор причиняло боль то, что жена не разделяла его пылкового восхищения Джорджиной и отказывалась к нему присоединяться, когда он начинал восхвалять дочь, даже если они в этот момент были одни. В особенности это становилось болезненным потому, что в Джорджине, если говорить честно, было куда больше от Кэролайн, чем от него. Хотя, возможно, Кэролайн именно поэтому и вела себя так безразлично по отношению к Джорджине. Она, красивая, физически совершенная и пользующая популярностью у противоположного пола, привыкла воспринимать это как нечто естественное. А Патрик, низкорослый, коренастый и близорукий, не привык.

Патрик снова двинулся к дому, и Джорджина бочком поскакала к нему.

— Привет, па! — выдохнула она и плюхнулась на землю.

— Привет, котенок,— отозвался Патрик.— Хорошо поездила верхом?

— Отлично!

Патрик взглянул на Кэролайн.

— Как у нас, все готово?

— Еда на тарелках, если ты об этом,— ответила Кэролайн.— А миссис Финч утром осмотрела спальни.

— Кого поселят рядом со мной? — тут же спросила Джорджина.

— Близнецов Мобинов с их няней. Как там ее зовут?

— Кажется, Мартина,— сказал Патрик.— Она немка. Или австрийка. Что-то в этом роде.

Джорджина сморщила нос.

— А почему не Николь с Тоби?

— Спроси у папы,— язвительно предложила Кэролайн.— Он настоял, чтобы Чарльзу и Крессиде отдали большую гостевую комнату, так что близнецы оказались рядом с тобой. Крессиде,— Кэролайн произнесла это имя с нарочитой выразительностью,— любит, чтобы они были под боком.

— Почему нельзя было поселить их всех дальше по коридору? — не унималась Джорджина.— А Энни со Стивеном в большую гостевую комнату, а Николь и Тоби — рядом со мной?

— Папа хочет, чтобы большую комнату отдали Чарльзу и Крессиде,— объяснила Кэролайн,— потому что они очень богатые, а он не хочет, чтобы они над нами насмехались.

Теннис-party

Патрик покраснел.

— Вовсе это и неправда. Я подумал, что хорошо было бы поселить их в этой комнате, поскольку они прежде не бывали здесь.

— Возможно, никогда и не будут,— быстро парировала Кэролайн.— Готова поспорить, что завтра с утра они позвонят и скажут, что не придут.

— Не может такого быть! — возмутился Патрик, как он сам понял, слишком поспешно.

Кэролайн подозрительно взглянула на него.

— Отчего же не может? Именно так они обычно и поступают. Сколько мы здесь живем? Почти три года. И они постоянно были чересчур заняты, чтобы наведаться сюда.

— Крессида — просто задница,— объявила Джорджина.

Кэролайн рассмеялась. Патрик уставился на Джорджину.

— Где ты научилась так разговаривать?

— Ой, не будь таким нудным,— перебила его Кэролайн.— Солнышко, а почему ты думаешь, что Крессида — задница? Ты же ее практически не знаешь.

— Мне нравилась Элла,— упрямо произнесла Джорджина.

— Ты вряд ли можешь помнить Эллу,— усомнилась Кэролайн.

— Нет, помню,— возразила Джорджина.— Она была очень хорошая. Она пела мне песни. А Чарльз играл на гитаре.

Патрик взглянул на дочку с восхищением.

— Вот это память! Тебе же было тогда всего шесть лет!

— Мне нравилось на Сеймур-роуд,— со вздохом произнесла Джорджина.— Лучше бы мы там и остались.

Кэролайн снова засмеялась.

— Это тебе, Патрик, за сельскую жизнь!

Ее голубые глаза на миг встретились с глазами мужа, и он отвел взгляд, охваченный бессильным гневом. Казалось, в глазах Кэролайн он увидел отражение собственных неудач и неприятностей; за миг молчания в памяти его всплыли все разочарования и утраченные иллюзии последних тринадцати лет.

— Пойду составлю график соревнований на завтра,— заявил Патрик.

Скорее ради Джорджины, чем ради себя, он поднялся на террасу и поцеловал жену в губы. У ее губ — как и в тот раз, когда он впервые поцеловал ее за одним из стендов на финансовой выставке «Дейли телеграф», — был вкус помады, сигарет и спиртного.

— Меня, пожалуйста, поставь восьмой,— сказала Кэролайн, когда Патрик выпрямился.— Тенисист из меня неважный.

— Играть будут пары,— ответил Патрик, чувствуя, как в нем закипает раздражение.

— Смешанные пары,— добавила Джорджина, снова изготавившись пуститься вскачь.— Я мо-

Теннис-парту

гу играть вместе с Тоби, а Николь — с кем-нибудь из близнецов. А второй близнец может играть вместе с няней. Да, папа?

Но Патрик уже вошел в дом.

Когда Патрик добрался до кабинета, он почувствовал себя совершенно опустошенным. Последняя подковырка Кэролайн насчет сельской жизни задела его неожиданно сильно. Жизнь в Биндоне оказалась не совсем такой, как ему хотелось бы, и Патрик тоже часто втайне тосковал по годам, проведенным на Сеймур-роуд. На самом деле он решил переехать в сельскую местность из-за Джорджины. Все те умненькие маленькие девочки, которых он встречал в пансионе у Джорджины, похоже, жили в селе, в старых домах приходских священников или на фермах, в обществе собак, лошадей и овец. Никто не обитал в красных кирпичных домах в пригородах Силчестера.

Потому они продали свой дом, номер двадцать четыре по Сеймур-роуд, переехали в Биндон и купили Джорджине пони. По ощущениям Патрика, здесь им предстояло перейти на новый уровень жизни. На протяжении нескольких месяцев перед переездом в воображении его теснились заманчивые картины: большие дома с плавно изогнутыми подъездными дорожками, девушки-аристократки, выводящие лошадей из денников, крокет на лужайке и мальчики по имени Генри и Хьюго, вместе с которыми будет расти Джорджина.

Но Биндон оказался совсем другим. На самом деле ни одна из проживающих здесь семей не подпадала под представления Патрика о знати. Многие переехали в Биндон из Силчестера или даже Лондона, привлеченные хорошим железнодорожным сообщением с вокзалом Ватерлоо. Патрика бросало в дрожь от их плаксивого лондонского выговора, совершенно не похожего на четкую речь соучениц Джорджины. Кроме того, они держались замкнуто, предпочитая приглашать на приемы друзей из Лондона — а когда тем надоедало, самим ездить в Лондон. Предыдущие хозяева Белого дома продали его, чтоб вернуться в Баттерси — сельская жизнь наскучила им прежде, чем они успели ее распробовать.

Тут, в Биндоне, была небольшая сельская община. Патрик с Кэролайн каждое воскресенье посещали церковь, помогали в финансировании церковных праздников и состояли в приятельских отношениях с фермером, чья земля граничила с их владениями. Они были знакомы со старой леди, чьей семье некогда принадлежал местный помещичий дом и которая теперь жила в соседнем коттедже. Они были знакомы с двумя хлопотливыми сестрами, чей ныне покойный брат был прежним викарием Биндона. Они общались с довольно эксцентричным семейством Тайлоров, проживавших в Биндоне много поколений — и, похоже, много поколений заключавших внутри-семейные браки, как любила добавлять Кэролайн.

Теннис-party

Но Патрик так и не обнаружил здесь ни одной аристократической и при этом общительной семьи, ведущей тот деревенский образ жизни, о котором он мечтал.

Как он слышал от других родителей в школе Джорджины, проблема с Силчестером была в том, что он превратился в очередной пригород Лондона и кишел людьми, работающими в Лондоне и каждый день курсирующими туда-сюда. Патрика, который и сам каждый день ездил на работу, это замечание не задело. Он понимал, что не вписывается в местное общество, равно как и Кэролайн. Но вот Джорджина могла бы войти в него — и должна была войти! — если бы только удалось наладить связи с нужными людьми. Сейчас Патрик всерьез обдумывал вариант переезда подальше — в Дорсет, Уилтшир или Сомерсет. Ему представлялся большой георгианский дом и при нем участок в десять — двадцать акров. Если этот год выйдет успешным, они смогут начать присматривать такой дом.

Если год выйдет успешным.

Взгляд Патрика упал на стол, на бумаги, приготовленные им на завтра. После ланча надо будет как бы между делом зазвать Чарльза в кабинет. Никакой назойливости — просто вполне уместное деловое соглашение между друзьями. Кроме того, назойливость вообще не в его стиле. И никогда не была ему присуща. Даже когда он еще продавал инвестиционные планы по телефо-

ну, он всегда вежливо отступал при первых признаках раздражения, действуя непринужденно и любезно. Любезность прежде всего. Иногда потенциальные клиенты после этого проявляли интерес, а иногда даже сами перезванивали ему. Когда Патрик чувствовал, что ему удалось заинтересовать клиента, он иногда переключался на задумчивый, полный энтузиазма тон — «только для вас, как для друга». Но не в том случае, если потенциальный клиент был умудренным опытом инвестором либо — самый сложный вариант — считал себя таковым. Тогда следовало применять ровную тактику типа «я ни в коем случае не ставлю под сомнение ваш ум». Самое главное при продаже — правильно оценить клиента. Вот верный путь к чужому карману.

Патрик сел, положил рядом папку с надписью «Чарльз» и принялся старательно вычерчивать график турнира. Но сомнение продолжало подтачивать его мысли. Чарльз с Крессидой постоянно умудрялись отклонять все предыдущие приглашения в Биндон: то у них болел ребенок, то они повздорили с няней, то — наименее убедительное объяснение — обе машины не завелись. И хотя Чарльз твердо заверил его, что они непременно будут на завтрашнем рауте, от самой мысли о том, что Мобины могут снова не приехать, Патрика передергивало. Если они не встретятся завтра, у него в ближайшие несколько месяцев, наверное, не будет возможности повидаться с Чарльзом.

Теннис-party

Патрик откинулся на спинку кресла, уткнувшись невидящим взглядом в книжный шкаф. Может, стоит позвонить Чарльзу и Крессиде и проверить, собираются ли они приехать? Патрик мысленно представил себе этот разговор. Неприужденный, ненавязчивый тон. «Чарльз, старина, только не говори, что ты опять собрался нас кинуть. Кэролайн никогда тебе этого не простит». Или, если трубку возьмет Крессиде, надо будет задать какой-нибудь связанный с бытом вопрос, который ей понравится. «Я только хотел убедиться, что у близнецов нет аллергии на пуховые одеяла». Патрик заглянул в свой органайзер и набрал номер. Пальцы у него немного дрожали.

— Алло!

Вот черт! Няня-немка. Но возможно, Чарльз где-нибудь рядом.

— Алло! Могу я поговорить с мистером Мобином?

— Его нет, извините, передать сообщение, пожалуйста?

Черт!

— Это Патрик Чанс — хотел уточнить, будете ли вы завтра на теннис-пати.

— Теннис-пати... — В голосе няни послышалось сомнение, и Патрик затаил дыхание. — Да, кажется, мы уезжать отсюда в десять утра.

Патрик постарался скрыть ликование.

— А! Хорошо.

— Какое сообщение, пожалуйста?

— Э-э... да никакого,— ответил Патрик.— Я только хотел проверить, едете ли вы.

— Это сообщение?

— Да, да,— сдался Патрик.

Он положил трубку и закрыл глаза. Завтра к этому времени все уже будет в порядке: подписано, скреплено печатью и проштамповано. Патрик взял папку и пару раз пролистал ее. Но он и так отлично был знаком с ее содержимым. Он положил папку в верхний ящик, закрыл его и запер. А потом развернул большой лист бумаги со схемой турнира и написал наверху имена четырех пар. Патрик и Кэролайн. Стивен и Энни. Дон и Валерия. Чарльз и Крессида.

Чарльз и Крессида Мобины находились в это время на вечеринке в доме сэра Бенджамина Сатклиффа, прежде чем отправиться на благотворительное представление «Мессии» в Силчестерском кафедральном соборе. Держа в руках бокалы с «Кир Ройял», они общались с самыми выдающимися жителями Силчестера, а также со знаменитостями, прибывшими из окрестных мест и даже из Лондона. Гостиная сэра Бенджамина была длинной, с высокими потолками и огромными окнами, выходящими прямо на ярко освещенный собор, и большинство гостей бессознательно поворачивались туда и так часто глядели на собор, словно желали проверить, на месте ли он.

Крессида, одна из немногих, расположилась спиной к собору. Высокая, элегантная и царст-

Теннис-party

венная, она словно бы не замечала этого могучего соседства, хотя всем было известно, что Крессида является одним из самых неутомимых участников фонда «Уэст-Тауэр». На самом деле ее имя красовалось в конце сегодняшней концертной программы, где перечислялись члены комитета, благодаря усердному труду которых и стало возможным провести это представление.

В настоящий момент Крессида беседовала с пользующимся всеобщей любовью радиоведущим, который должен был произнести речь перед началом концерта. Ведущий эффектным жестом указал на собор, и Крессида, словно слегка захваченная врасплох, обернулась взглянуть на него. Почти мгновенно она повернулась обратно и вежливо улыбнулась ведущему. В конце концов, она видела этот собор почти каждый день на протяжении последних четырех лет. В конце концов, она жила напротив него.

Чарльз, наблюдавший за женой с противоположной стороны комнаты, мог проследить за ее мыслями, словно за своими собственными. Даже после стольких лет совместной жизни сочетание ее ограниченного ума, белокурой красоты и богатства до сих пор действовало на него возбуждающе. Когда Крессида во время завтрака отрывала взгляд от газеты и с невинным видом интересовалась, что тут понимают под денационализацией или что такого плохого во внутренних биржевых сделках, Чарльз неизменно ощущал

бурный прилив сексуальной энергии. Когда Крессида открывала письма от ее банковского управляющего, слегка хмурилась с озадаченным видом и бросала их на стол рядом со своей тарелкой, Чарльз не знал, плакать ему или смеяться. Вопреки широко распространенному мнению он женился на Крессиде не из-за денег, а из-за ее полного к ним безразличия.

Крессиду, единственное дитя преуспевающего производителя игрушек, вырастила мать-аристократка. Девочка жила среди чековых книжек, счетов из магазинов и кредитных карточек — и за все это платил папочка. Даже сейчас Крессида практически не носила с собой наличные. Ее капиталовложения, которыми управляла чрезвычайно авторитетная лондонская инвестиционная фирма, обеспечивали устойчивый приток средств на ее банковский счет, и теперь уже Чарльз, а не папочка взял на себя ежемесячную оплату счетов.

За последние три года капиталовложения, правда, изрядно истоцились. Значительная часть пошла на дом рядом с собором, и еще одна — на выкуп доли у Энгуса, бывшего делового партнера Чарльза. Ныне Чарльз являлся единственным владельцем силчестерского Печатного центра — полугалереи-полумагазина, имеющего дело с полиграфией во всех ее видах. Когда они с Энгусом и Эллой начинали дело, все было совсем иначе. Они часто устраивали выставки молодых ху-

Теннис-пати

дожников, держали небольшую типографию, спонсировали ежегодное соревнование по печатному делу в местном колледже техники и ремесел. Но когда дело стало его собственным и у него появились Крессида и близнецы, Чарльз начал тяготеть к более безопасному и предсказуемому сегменту рынка. Старые фотографии Силчестерского кафедрального собора. Копии акварелей Сарджента. Даже постеры с «Подсолнухами» Ван Гога. Для себя Чарльз обосновывал эту смену направления финансовыми причинами. Дела шли не так хорошо, как хотелось бы. Пора прекратить выбрасывать деньги на экспериментальные проекты и укрепить свои позиции. Когда внутренний голос робко говорил ему, что финансовое положение его только ухудшилось, стоило ему отказаться от всех экспериментальных проектов, Чарльз предпочитал ничего не слышать.

Чарльз не жалел о том, что оставил Эллу. Время от времени на него накатывали мимолетные приступы ностальгии по их уютной совместной жизни на Сеймур-роуд. Но это не была настоящая жизнь. Вот эта жизнь, с важными людьми и важным домом у собора, — настоящая. Когда обсуждаешь, в какую школу отдать близнецов, и открываешь банковские счета для них — это настоящая жизнь. Когда тебя, как сегодня, зовет в крестные отцы преподобный Себастьян Фэйрфакс — вот это настоящая жизнь.

Непритязательная Сеймур-роуд с ее домами из красного кирпича была всего лишь подготов-

кой к реальному миру. Чарльз тепло вспоминал об этом местечке и до сих пор испытывал ностальгию по нему, но это была ностальгия того же рода, какую он испытывал по своей лошадке-качалке, когда перерос ее. Что же до Эллы, о ней он практически не думал.

Когда Стивен провел свой велосипед через ворота дома номер восемнадцать по Сеймур-роуд и привязал его к ограде, в доме зажегся свет. Из заросшего палисадника тянуло вечерней свежестью и ароматом жимолости. Стивен отворил входную дверь — и в палитру ароматов добавился соблазнительный запах жарящихся грибов.

В уютной кухне, расположенной в цокольном этаже, Энни готовила омлет с грибами, а Николь сидела за кухонным столом и старательно раскрашивала контурную карту Африки. Стивен на миг остановился в дверях, глядя на дочку. При виде того, как Николь стискивает карандаш, изо всех сил контролируя свои движения, и нетерпеливо хмурится, если от внезапного рывка зеленая линия вылезает за пределы заштрихованного, у Стивена сжалось сердце.

Раскрашивание было полезно для развития координации. Так сказал врач, лечивший Николь. Все занятия, задействующие правую, поврежденную часть тела, следует поощрять. Потому кухонный стол был постоянно завален раскрасками, погремушками, которые следовало бросать

и ловить, скакалками, цветными карандашами, ножницами для вырезания, всякими бирюльками, резиновыми кольцами, мячиками и мозаиками-паззлами. Рядом с картой Стивен заметил папку Николь с заданием на каникулы. «Африка — это континент, а не страна, — прочел он. — Замбия и Зимбабве расположены в Африке. Там очень жарко и мало воды. Иногда люди там голодают». Николь, когда у нее случился инсульт, как раз только училась писать. Теперь почерк у нее был неразборчивый, с неровными буквами, и писала она с сильным нажимом, продавливая бумагу. И каждая неровная линия свидетельствовала о нарушении двигательных функций.

Тут Николь подняла голову, и глаза ее за толстыми стеклами очков радостно заблестели.

— Привет, па!

Энни оторвала взгляд от сковороды.

— Стивен! А я и не слыхала, как ты вошел.

Стивен прошел через кухню, по дороге взъерошив волосы Николь, и поцеловал Энни. Щеки ее покраснелись от жара, а темные волосы завились кольцами.

— Как сегодня прошел день? — спросила она.

Стивен прикрыл глаза и наскоро припомнил последние двенадцать часов. Дорога до Лондона на утреннем поезде. Час сидения в департаменте, ради того, чтобы пятнадцать минут поговорить с методистом. Сэндвич в Британской библиотеке, пока пришлось дожидаться заказанных

документов. Несколько часов напряженной работы. Опоздание на семинар, на котором он обещал быть. Возвращение на поезде... Стивен открыл глаза.

— Неплохо, — сказал он.

Стивену полагалось завершить работу над диссертацией следующим летом. При тех темпах, которыми он продвигался, это было вполне реально — но одна лишь мысль о необходимости расположить свои разрозненные записи, идеи и теории в надлежащем порядке и превратить их в логически последовательный и солидный ученый труд приводила Стивена в ужас. Данные, которые казались ему достаточно вескими, когда он подавал заявку на диссертацию, доводы, представлявшие убедительными, мгновенно ускользали, как только Стивен пытался сформулировать их научным языком или хотя бы найти для них место во вступлении к работе.

В департаменте, на семинаре и даже дома, с Энни, Стивен держался внешне уверенно, с беспокойщей его самого легкостью напуская на себя вид человека, убежденного, что движется к успеху. Он никогда ни с кем не говорил о своих тайных страхах — что столь амбициозный проект ему не под силу, что ему следовало бы оставаться тем, кем он является на самом деле — скромным школьным учителем, — и не пытаться изменить представления об истории музыки четырнадцатого века.

Теннис-party

Стивен достал из холодильника пиво и вскрыл его.

— Я, кажется, сказал, что день был неплохой? — шутливым тоном произнес он. — Я, должно быть, рехнулся. Марк был занят и не принял меня в назначенное время, заказанные документы пришлось ждать черт знает сколько, а еще меня заставили пойти на семинар какой-то чокнутой болгарки.

Николь хихикнула.

— А она вправду чокнутая?

— Не то слово, — с серьезным видом отозвался Стивен. — Она целый час пудрила нам мозги, рассказывая, что все, что мы видим в природе, — музыка.

— Это она про пение птиц? — поинтересовалась Николь.

— Если бы только! — ответил Стивен. — Нет, она говорила о деревьях, о раковинах улиток и прочих исключительно молчаливых созданиях.

— Точно чокнутая, — подытожила Энни.

Стивен хлебнул пива.

— А вы как провели день? Хорошо? — Он огляделся по сторонам. — Тоби уже спит?

Энни улыбнулась.

— Да, мы его измотали прогулкой по холмам. Устроили там пикник — больно уж погода выдалась чудная.

— А потом мы приготовили для всех одежду на завтра, — сказала Николь.

Стивен озадаченно взглянул на нее.

— А что такое будет завтра?

— Теннисный турнир, конечно же, — удивленно отозвалась Николь. — Ты же должен знать!

— Да знает он, знает, — сказала Энни. — Просто делает вид, будто забыл.

Стивен покачал головой.

— Нет, на этот раз я не делаю вид. У меня и вправду все вылетело из головы.

— Хорошо, что у мамы не вылетело, — сказала Николь. — А то все наши принадлежности нужно было стирать.

Стивен скорчил удивленную гримасу.

— Я и не знал, что у меня есть «принадлежности».

— Старые белые шорты и тенниска, — быстро отозвалась Энни. — А ракетка твоя почти в порядке. Одной струны не хватает, но...

— Но человек с моими талантами в экипировке не нуждается, — закончил Стивен. — Знаю-знаю. А вы как?

— Неплохо, — сказала Энни и слегка покраснела. — Кэролайн любезно предложила одолжить мне что-нибудь из ее вещей. Я думаю, она понимает...

Энни не договорила и уставилась на Стивена своими темными глазами. Стивен внезапно разозлился. Он прекрасно помнил сочувственные, чересчур громкие реплики Кэролайн, ее оценивающие взгляды, ее полное непонимание того,

Теннис-party

как это можно уйти со вполне приличной работы преподавателя ради каких-то научных исследований. Наверняка ему целый день придется терпеть ее доброжелательные замечания. Но сказать об этом Энни было бы непростительно.

— Очень мило с ее стороны, — весело произнес Стивен. — Жаль, что Патрик потолще меня. А то и я мог бы покрасоваться в его «Лакосте». А может, я так и сделаю.

И, взвалив рюкзак на спину, он вышел из кухни и отправился наверх, чтобы убрать свои книги.

Глава 2

На следующее утро Кэролайн проснулась, почувствовав на шее теплое дыхание Патрика. Не открывая глаз, она сперва ощутила яркий свет — должно быть, утреннее солнце, — проникающий сквозь сомкнутые веки. Короткие пальцы Патрика заскользили по ее телу под ночной рубашкой, против воли вызывая приятное возбуждение. Однако Кэролайн не стала открывать глаза, изображая сон или, по крайней мере, вялость.

Даже когда Патрик вошел в нее с неподдельным энтузиазмом утреннего секса, Кэролайн умудрилась сохранить бесстрастное выражение лица. Она заставила себя думать о том, что сегодня наденет, потом поразмышляла, не выщипать ли брови, а затем, внезапно, с невольным вскриком, ее сосредоточенность рассеялась и Кэролайн поглотило наслаждение.

Изнуренный Патрик плюхнулся рядом с ней.

— Тебе ведь понравилось, — укоряющим тоном произнес он.

Теннис-party

Кэролайн проигнорировала его заявление, но Патрик не унимался.

— Понравилось?

Кэролайн пожала плечами.

— Пожалуй, да.

— Тогда почему ты делаешь вид, будто тебе не понравилось?

Он приподнялся на локте и посмотрел на жену. Кэролайн лениво улыбнулась. Ее пальцы слегка подрагивали, и настроена она была скорее благожелательно.

— Не знаю,— сказала она.— Наверное, чтобы позлить тебя.

Несколько минут они лежали молча, потом Патрик поднялся, стараясь не глядеть на Кэролайн. Он неизвестно зачем завернулся в полотенце и с укоризненным видом удалился в примыкающую к спальне ванную комнату. Кэролайн посмотрела ему вслед, но не нашла в себе сил окликнуть его. В прежние времена она последовала бы за ним в душ — поцеловаться и помириться.

Но нынешним утром Кэролайн чувствовала вялость и тяжесть во всем теле. Она едва-едва заставила себя дотянуться до ящичка с сигаретами — где уж тут вскакивать ради повторного секса. Кэролайн смотрела на белый потолок, на белые муслиновые занавески, пронизанные лучами утреннего солнца, и рассеянно размышляла о том, почему больше не может заставить се-

бя откликаться на любовные ласки Патрика. Она определенно не фригидна, а он точно не утратил потенции. Возможно, дело в том, что ей не хочется давать Патрику возможность быть довольным собой.

Кэролайн вздохнула, взяла зажигалку и, так и не поднимаясь, закурила сигарету с ментолом; она глубоко затянулась и выпустила облачко дыма под балдахин их кровати из темного дуба. Из ванной доносился шум льющейся воды. Патрик вот-вот вернется — возможно, все с той же уязвленной миной. Ну что ж, сегодня ему придется постараться, чтобы дуться и дальше. Вскороости он повеселеет. Пускай еще радуется, что они по-прежнему — хотя и не всегда в полной гармонии — делят одну постель. Кэролайн знавала пары, которые, начав экспериментировать с отдельными постелями и отдельными спальнями, так никогда больше и не вернулись к уютной близости под общим одеялом.

Но когда Патрик вернулся в спальню, с прилизанными, зачесанными назад волосами и каплями воды, блестящими на груди, он уже на-свистывал. Кэролайн с подозрением взглянула на него сквозь сигаретный дым. Она ожидала традиционного заявления, что курение в постели может привести к пожару, но Патрик быстро распахнул гардероб, вытащил девственно белые носки, рубашку и шорты и принялся одеваться.

— Чего это ты вдруг так развеселился? — спросила Кэролайн, когда он натянул рубашку.

Теннис-party

Патрик пропустил вопрос жены мимо ушей и стал причесывать влажные волосы. Потом отдернул занавески и распахнул окно. Занавески тут же взметнулись от порыва ветерка, и Кэролайн, укутавшаяся в одеяло, нахмурилась, когда прохладный воздух тронул ее лицо.

— Пора вставать,— сказал Патрик.— Сегодня опять будет пекло.

— Который час?

— Девять. Нам нужно пошевеливаться. Гости подъедут примерно к половине одиннадцатого. Мобины в десять выезжают.

Он оглядел себя в зеркале и сделал несколько замахов воображаемой ракеткой.

«Опять эти проклятые Мобины!» — подумала Кэролайн и посмотрела на Патрика с подозрением.

Стивен с Энни добрались до Биндона ровно в половине одиннадцатого. Дороги из Силчестера, вопреки предсказаниям Стивена, оказались совершенно пустыми, и даже когда они остановились на заправке, дети на удивление быстро выбрали себе мороженое.

— Надеюсь, мы не слишком рано,— сказала Энни, когда их машина въехала на гудронированную подъездную дорожку к Белому дому.— Других машин что-то не видно.

Все уставились в окна машины. По газону перед домом ездил поливалка; достигнув безуко-

риженно подстриженных кустов вдоль дороги, она двинулась обратно, к центральной клумбе. Когда поливалка изменила направление, капли воды застучали по крыше машины, и дети завизжали от восторга.

— Вон машина! — воскликнула Николь, указав на темно-синий «мерседес», припаркованный перед домом.

— Это автомобиль Кэролайн, — отозвалась Энни. — Должно быть, мы первые. Но они сами сказали приезжать в десять-одиннадцать.

— А можно, мы побегаем под поливалкой? — спросила Николь.

Энни взглянула на Стивена.

— Я как-то не уверена...

— А почему бы и нет? — возразил Стивен. — Не вижу в этом ничего плохого.

— Тогда ладно, но смотрите, чтобы...

Энни не успела договорить, как Николь с Тоби выскользнули из машины. Тоби помчался напрямик к газону — маленький, смуглый, в голубых шортах и футболке. Николь заспешила за ним следом, слегка подволакивая правую ногу с предсказуемой неуклюжестью. Она вечно забывала пользоваться обеими ногами, когда спешила. Домчавшись до поливалки, дети притормозили, словно в нерешительности. Потом принялись брызгать друг на друга, но без особого успеха.

Стивен вздохнул.

— Вот что Николь нужнее всего, — сказал он. — Свежий воздух, упражнения...

Теннис-party

Энни хотела было возразить, что упражнений у Николь предостаточно, но прикусила язык и искоса взглянула на мужа. Стивен, нахмурившись, глядел в окно на эффектный фасад Белого дома. Он все утро пребывал не в духе: рассеянно подергивал потертые струны ракетки во время завтрака, рывкнул на Тоби, когда тот опрокинул молоко.

Энни была уверена, что у него какие-то неприятности с работой. Возвращаясь из библиотеки, Стивен больше не лучился энтузиазмом и не фонтанировал идеями. Когда она пыталась расспросить его, он уходил в глухую оборону и обрывал расспросы каким-нибудь язвительным ответом. Все так изменилось по сравнению с теми временами, когда эти исследования были для него не более чем хобби, когда ничто не давило на него и не требовалось выдать осязаемый результат. Энни отчаянно хотелось, чтобы Стивен открылся перед ней, поделился своими тревогами,— но она опасалась, что он не признаётся в них даже себе.

— А вот и он,— сказал Стивен.

Энни подняла голову и проследила за его взглядом. Из-за угла дома показался дородный мужчина в дорогом теннисном костюме. Патрик.

— Лучше бы нам выйти из машины,— сказала Энни, пытаясь разрядить атмосферу и внести в нее нотку юмора.

Стивен неохотно улыбнулся и открыл дверцу.

Патрик заметил их, взмахнул ракеткой и расплылся в улыбке.

— Привет, Патрик! — поздоровалась Энни.

— Ничего, если машина будет стоять здесь? — спросил Стивен, когда Патрик подошел поближе.

— Да, конечно, — ответил Патрик. — Разве что...

Все невольно оглянулись и посмотрели на машину — старый, запыленный «воксхолл» с царапиной на бампере, которую однажды посадил Стивен, когда сдавал назад и зацепил ворота.

— Разве что вы захотите поставить ее под деревьями, — сказал Патрик. — А то она нагреется на солнце.

— Хорошая мысль, — согласилась Энни.

Стивен вернулся в машину и принялся маневрировать, чтобы загнать ее на поросший травой пятачок под деревьями.

— Пошли выпьем! — предложил Патрик, обняв Энни за плечи.

— Но я...

Энни обернулась взглянуть на детей; те по-прежнему скакали по газону.

— Они придут, когда наиграются, — сказал Патрик, угадав ее мысли. — Кэролайн не терпит-ся повидаться с тобой.

— Уговорил, — со смехом отозвалась Энни.

Прикосновение Патрика было теплым, и пахло от хозяина дома дорогим лосьоном. Когда они проходили мимо автомобиля Кэролайн, Энни с восхищением провела рукой по гладкой поверхности.

Теннис-party

— Ну не чудо ли? — восхитилась она.

— Замечательная машина, — согласился Патрик. — Мы ее купили в прошлом году, Кэролайн на день рождения.

— Да, я помню. Счастливая!

— Попробуй убедить ее в этом. А то ей, видите ли, хочется что-нибудь более мощное.

— Что-нибудь наподобие «порше»? — изумленно спросила Энни.

— Тс-с! Не произноси при ней это слово. Я пытаюсь убедить ее остановиться все-таки на нынешней машине.

Они завернули за угол дома, и Энни на миг оглянулась на «мерседес», поблескивающий на солнце.

— У вас, должно быть, дела идут неплохо, — сказала она.

Патрик пожал плечами.

— Да, последние года два были ничего. Мне как-то удавалось удерживаться на плаву. Плыть вместе с потоком. Знаешь, как это бывает.

— Не особенно, — честно призналась Энни. — На Сеймур-роуд с потоком как-то неважно.

Патрик рассмеялся.

— Не наезжай на Сеймур-роуд! Я питаю к этой улице нежные чувства.

— Что, вправду?

— Не гляди на меня так удивленно. На самом деле Джорджина не далее как вчера сказала, что лучше бы мы так и жили там.

Он печально взглянул на Энни, и та рассмеялась.

— Очень по-детски! Полнейшая неблагодарность.

— Вот и я это сказал.

Они подошли к задней стороне дома; на террасе Кэролайн наполняла бокалы двух гостей, которых Энни не знала. Энни с легкой завистью отметила про себя, какой у Кэролайн великолепный загар, и с сожалением взглянула на свои бледные ноги.

— Энни! — воскликнула Кэролайн. — Ты как раз вовремя! Выпей с нами «пиммза»!*

Она плеснула жидкости цвета темного янтаря в высокий бокал, который держала в руках незнакомая Энни женщина; та жеманно захихикала.

— Ну будет, будет, — сказал мужчина. — Валерия, неужто ты собираешься пить спиртное перед игрой?

— А почему бы и нет? — осведомилась Кэролайн, наполняя бокал мужчины.

Валерия снова хихикнула.

— Всем привет, — сказал Патрик. — Энни, знакомься: это Дон Роупер и его дочь Валерия.

— Как поживаете? — подмигнув Энни, сказал Дон, коренастый, бодрый, широколицый мужчина с энергичным взглядом.

* «Пиммз» — напиток на основе джина, а также коктейль из него.

Теннис-party

— Привет! — весело прощепетала Валерия. На вид ей было чуть больше, чем Энни, — примерно около тридцати; лицо у нее было такое же широкое, как у отца, но менее приятное: кожа бледная и тусклая, и светло-карие глаза тоже поблескивали как-то тускло.

— Что тебе налить? — спросил Патрик, широким жестом указав на стеклянный столик на колесиках с напитками.

— Я бы с удовольствием выпила «пиммза», — сказала Энни. — Только, если можно, не слишком крепкого...

Кэролайн налила чуть ли не полный бокал темной жидкости и плеснула туда лимонада.

— Тут немного мяты, — сказала она, взглянув на бокал. — И пара ягод клубники.

Энни присела на шезлонг, глотнула коктейля и подождала, пока спиртное не докатится до желудка. Солнце припекало, и Энни пожалела, что не прихватила с собой солнцезащитные очки. Она тайком рассмотрела, кто как одет, и поняла, что ей определенно стоит принять предложение Кэролайн и воспользоваться ее гардеробом. На Валерии был аккуратный наряд от «Слазенгера», а шорты Дона выглядели такими новенькими, что казалось, будто в них должно быть неудобно. А Кэролайн смотрелась, как всегда, очаровательно в бледно-розовом теннисном топе без рукавов и плиссированной юбке того же оттенка. Ее густые светлые, сияющие на солнце волосы

были собраны в зазорный хвост, а на запястья хозяйка дома надела белые повязки — вытирать пот с ладоней.

Из-за угла размашистым шагом вышел Стивен; на плечах у него восседал Тоби.

— Всем привет! — произнес Стивен.

— Какой очаровательный малыш! — воскликнула Валерия.

— Выпей «пиммза», — предложил Патрик. — Ты знаком с Доном и Валерией?

— Как поживаете? — любезно произнес Стивен. — Я — Стивен Фэйрвезер.

— А это кто? — поинтересовалась Валерия, игриво взглянув на Тоби.

Тоби уткнулся носом в отцовскую шею.

— Это наш сын Тоби, — объяснила Энни.

— Какой чудный малыш! — восхитилась Валерия. — Я обожаю детей.

Из-за угла показалась Николь; футболка у нее промокла, а на очках поблескивали капли воды. Она слегка подволакивала правую ногу и тяжело дышала.

— Поливалка — это клево! — сообщила Николь. — Это даже лучше, чем поплавать.

— У тебя и без того такой вид, будто ты где-то плавала, — заметила Кэролайн, тепло улынувшись Николь. — А Джорджина знает, что ты здесь? Ей не терпелось с тобой повидаться.

Николь слегка покраснела от удовольствия.

— Я ее не видела.

Теннис-party

— Наверное, она у себя в комнате, — сказала Кэролайн. — Может, пойдешь туда? Или хочешь отдохнуть и выпить колы?

— Я, наверное, пойду к Джорджине, — сказала Николь, с тревогой оглядев изящные кресла и сидящих на террасе незнакомых людей.

— Хорошо, ты знаешь, где ее комната. Если хочешь, возьми с собой и Тоби.

— Да, Тоби, иди с Николь, — подхватил Стивен. — Или понадоедай старшим.

Он улыбнулся дочери.

Николь поспешно зашагала прочь, Тоби следом за нею. Валерия повернулась к Энни со смешанным выражением ужаса и сочувствия.

— Ох, бедная малышка, — сказала Валерия. Голос у нее был высокий, довольно мелодичный. — Представляю, как вам тяжело.

— Да вообще-то не очень, — пожала плечами Энни.

— Должно быть, она очень нежная и любящая, — продолжала Валерия. — Я читала, что дети-инвалиды часто лучше всего отзываются на заботу.

Энни со Стивеном переглянулись.

— Но ваш малыш — он-то вполне нормальный, правда? — не унималась Валерия. — Такой очаровашка.

Николь нерешительно шагала по длинным, прохладным коридорам Белого дома, пытаясь вспомнить, какая из комнат принадлежит Джорджи-

не. Она крепко держала Тоби за руку; в доме у Джорджины на тумбах и полках было полно всяких вещей, дорогих и легко бьющихся. Николь смутно предполагала, что, возможно, потому у Кэролайн с Патриком и не было других детей, кроме Джорджины. Все знают, что Джорджина аккуратная — она никогда ничего не роняет и ни на что не налетает. Но если бы у них был кто-нибудь неуклюжий, вроде нее самой или Тоби, который никогда не сидит на месте... Они прошли мимо маленького столика, уставленного китайскими безделушками, и Николь содрогнулась, представив, как все эти безделушки валяются на полу, сбитые широким взмахом руки или запущенным Тоби мячиком.

Через некоторое время Николь решила, что нашла нужную дверь, и робко постучалась.

— Войдите!

Джорджина сидела за столом у окна; когда Николь с Тоби вошли, она подняла голову и просияла.

— Здорово! Наконец-то вы приехали! — воскликнула она. — А почему вы мокрые?

— Мы бегали под поливалкой, — слегка пристыженно объяснила Николь.

— А! Я и сама иногда там бегаю, — дружелюбно произнесла Джорджина. — Хотите пить?

— Да, пожалуйста, — отозвалась Николь, глядя словно заипнотизированная, как Джорджина направилась к большому прозрачному кулеру для воды в углу комнаты.

Теннис-party

— Правда, здорово? — сказала Джорджина. — Мама мне его поставила, потому что я постоянно по ночам ходила пить. А в ванной вода — бе-е! — Она вернулась к столу и взяла с него исписанный лист бумаги. — Я тут составила план для нас.

— А можно, мы пойдем посмотрим на Аравию? — попросила Николь.

— Конечно, — отозвалась Джорджина. — Но ближе к вечеру нам нужно чем-нибудь заняться.

Николь сделала глоток. Вода была чистой, прохладной и вкусной. Девочка выжидательно посмотрела на Джорджину.

— Я решила, что мы поставим спектакль, — сообщила Джорджина. — Мы можем его сочинить. Правда, классная идея? Сегодня порепетируем, а завтра покажем его. Попробуем сделать костюмы и все остальное. Как ты думаешь?

Она устремила на Николь решительный взгляд ярко-голубых глаз, и Николь воззрилась на подругу с уважением.

— Здорово, — сказала она. — Звучит круто.

Энни и Кэролайн, по пути в спальню Кэролайн проходя мимо двери Джорджины, услышали, как девочка решительно раздает инструкции.

— До чего же уверена в себе, — сказала Кэролайн, закатывая глаза. — Вообразила себя героиней книжек Анджели Бразил*.

* Анджела Бразил (1869–1947) — английская детская писательница.

— Зря они в такую чудную погоду сидят в доме, — заметила Энни.

— А и правда! — воскликнула Кэролайн. — Я как-то вечно забываю о таких вещах.

Она распахнула дверь комнаты. Все трое детей усталились на нее.

— Идите-ка вы на улицу, — скомандовала Кэролайн. — Тут вы никогда не загорите.

Платяной шкаф Кэролайн был лишь немногим меньше кладовки дома номер восемнадцать по Сеймур-роуд. Энни, безуспешно пытаясь сохранять бесстрастный вид, смотрела, как Кэролайн швыряет на кровать теннисные юбки, рубашки, футболки и шорты — груда одежды в пастельных тонах. Одни наряды были совсем простыми, другие — со скромной отделкой, третьи же представляли собою буйство абстрактных узоров. Энни исподтишка присматривалась к фирменным знакам, презирая себя за то, что сердце ее начинало колотиться быстрее, когда она видела не только известные спортивные марки — «Эллессе», «Таччини», «Лакосте», — но и более универсальные имена, известные в наши дни всем. Гуччи. Ив Сен-Лоран. Шанель. Взгляд Энни упал на простую белую футболку с двумя переплетенными буквами «Ш». Сколько же такая стоит?

— Я не знаю, что ты предпочитаешь, — сказала Кэролайн. — Если хочешь, померяй все.

Теннис-party

— Прямо не знаю, с чего начать, — призналась Энни. — Я и не думала, что ты настолько увлекаешься теннисом.

Кэролайн взглянула на нее с удивлением.

— Да я вообще-то и не увлекаюсь. Просто мы посещаем загородный клуб в Хэнсли, а там нужна соответствующая одежда для тенниса. Слава богу, что хоть не обязательно белая. В смысле — чтобы носить белое, нужен очень хороший загар.

Энни, нацелившаяся было на белый теннисный топ без рукавов, тут же передумала.

— А ты что посоветуешь? — беспомощно спросила она.

Кэролайн задумчиво оглядела ее, и Энни невольно взглянула на свои ноги, белые и короткие, но хотя бы не дряблые. В отличие от прочих частей тела. У Энни был тот распространенный среди англичан тип кожи, которая из очень белой превращается сразу в розовую, как у поросенка, и Энни предпочитала предоставить прочие части тела их судьбе.

— Абрикосовый! — решительно произнесла Кэролайн.

Стивен принялся за второй бокал «пиммза». Он вытянул ноги, подставив их солнечным лучам, и размышлял о том, где ему набраться энергии для игры в теннис. Патрик принес большую схему с надписью «Теннисный турнир Белого дома» и старательно что-то объяснял Дону. Вале-

рия неуклюже вылавливала кусочки фруктов из бокала с напитком и отправляла в рот. Ее светло-карие глаза встретились с глазами Стивена, и она хихикнула.

— Ох! — воскликнула она. — Я уж подумала...

На этом она иссякла и снова уставилась в свой бокал. Возникла пауза. Стивен мысленно вздохнул. Игнорировать Валерию было бы чересчур грубо.

— Вы живете здесь? — спросил он, стараясь завязать беседу.

Валерия вздрогнула и посмотрела на него. Лоб у нее вспотел, и несколько прядок спутанных темных волос прилипли к влажной коже.

— Ох, нет! — Она рассмеялась, как будто Стивен ляпнул какую-то чушь. — Нет, я живу в Лондоне. Но папа живет тут, прямо у дороги, и Патрик позвонил ему и спросил, буду ли я дома на этих выходных.

— По счастью, вы оказались, — заметил Стивен.

— Ну, не то чтобы по счастью, — возразила Валерия. — Когда папа сказал мне про этот прием, я взяла отгул на пятницу, чтобы приехать сюда. И еще я прошла по магазинам и одним махом просадила всю зарплату! — Она громко хихикнула.

— Так вы приехали специально? — удивился Стивен.

— Просто мне нравится теннис и нравится знакомиться с новыми людьми. Я играю в одном

Теннис-party

клубе в Лондоне, и там очень хорошо, и всякие общественные мероприятия бывают часто — дискотеки, приемы, иногда вечера караоке...

Стивен кивнул, несколько ошеломленный.

— Но на дискотеках никто практически не разговаривает, — продолжала Валерия, — и еще я никогда толком не понимаю, что же надеть.

Она внезапно умолкла, и Стивен почувствовал, что совершенно сбит с толку этой тирадой.

Энни ощущала себя необыкновенно привлекающей в рубашке-поло и плиссированной юбке абрикосового цвета, которые дала ей Кэролайн. Она посмотрела на свое отражение в зеркале и вдохнула чудный цветочный аромат духов, которыми воспользовалась по настоянию той же Кэролайн.

— И еще тебе надо попробовать этот увлажняющий крем, — сказала хозяйка дома. — Он разглаживает морщины и помогает быстрее загореть. — Она продемонстрировала Энни серебристую баночку. — Намажься целиком.

— Я даже не знаю, — нерешительно сказала Энни. — Судя по виду, он ужасно дорогой.

— Сорок фунтов, — подтвердила Кэролайн. — Но он того стоит. А Патрик зарабатывает достаточно.

— Должно быть, у него и вправду дела идут хорошо, — сказала Энни, временно усыпив свою совесть, чтобы размазать по ногам крем стоимостью сорок фунтов.

— Думаю, в его компании у всех дела идут отлично,— отозвалась Кэролайн.— Люди скупают у них страховые пай так, словно завтра конец света. Бог их знает, как они умудряются позволить себе такое. Особенно сейчас. Но премии у Патрика были невероятные.

— А за что он получает премии? — поинтересовалась Энни.— Извини, я в этих вопросах абсолютно несведуща.

— Ему дают задание, контрольные цифры, и если Патрик его выполняет, он получает чертовски большую премию. Все вот это,— Кэролайн взмахнула рукой,— куплено на премиальные.

Энни принялась намазывать кремом лицо.

— Это нечестно! — воскликнула она.— Учителям тоже должны были бы давать премии, если они хорошо подготовят детей к экзаменам! Или Стивену — за написание диссертации.

— Мне бы тоже стоило дать премию за то, что я терплю Патрика,— парировала Кэролайн.— Когда он опасается, что не выполнит задание, то делается совершенно невыносим. И меня доводит.

Она вздохнула и подняла с кровати теннисную юбку в целлофановой упаковке. Юбка была светло-голубая, в белую полоску, с маленькой золотой эмблемкой.

— Я про нее и забыла,— удивленно произнесла Кэролайн.— Надо будет как-нибудь ее надеть.

Теннис-party

Когда Энни с Кэролайн снова вышли на улицу, то обнаружили, что Патрик с беспокойством поглядывает на часы.

— Я хотел начать в одиннадцать, — пожаловался он, — а Мобинов до сих пор нет.

— Ну и что? — пожала плечами Кэролайн. — Все равно одновременно играют только две пары. Мы можем начать хоть сейчас.

— Но Чарльз с Крессидой должны были быть первыми, — упрямыствовал Патрик. — И кроме того, я хотел сперва объяснить всем схему турнира.

— Да ради бога! — воскликнула Кэролайн. Она взяла схему и проглядела ее. — Вот, второй матч — мы против Дона с Валерией.

Она выразительно взглянула на Энни. Та хихикнула. Патрик уставился на схему.

— Я думаю, это должно сработать, — нехотя произнес он.

— Тогда начинаем! — обрадовался Дон. — Давай, давай, Валерия.

Валерия с трудом поднялась, схватила ракетку и попутно сшибла открытую бутылку «Пиммса».

— Ой! — взвизгнула она. — Какая я неуклюжая! Кэролайн, мне ужасно жаль! Ох, я руку порезала! Что за гадость!

Когда лужу вытерли, а Валерия исчезла вместе с Кэролайн в доме — заклеить порез пластырем, — Стивен незаметно пробрался к Энни. Та украдкой любовалась своим отражением в стеклянных дверях террасы.

— Ты выглядишь потрясающе! — сказал он. — И цвет этот тебе очень идет.

Энни опустила взгляд, наслаждаясь своим блистательным внешним видом. Даже носки у нее и те были предметом роскоши — белые, мягкие, с абрикосовыми помпончиками, весело подпрыгивающими над носами ее легких парусиновых туфель.

— Правда, мило? — сказала Энни, безуспешно пытаясь напустить на себя небрежный вид.

— Поинтересуйся у Кэролайн, где она это покупала, — посоветовал Стивен. — Возможно, ты тоже сможешь прикупить себе новую одежду для тенниса.

— За такую цену? Не думаю! — Глаза Энни заискрились весельем. — Ты себе даже не представляешь, сколько стоят эти крокодильчики!

— И пусть, — упрямо произнес Стивен. — Ты заслуживаешь того, чтобы купить тебе несколько хороших вещей.

— У меня масса хороших вещей, — парировала Энни. — Например, тот чудный коричневый пиджак.

Стивен невольно ухмыльнулся. Коричневый пиджак Энни преподнесла его мать, полная наилучших побуждений, а приобрела она эту вещь на церковном благотворительном базаре и решила, что это в самый раз подходит ее трудолюбивой невестке. У пиджака была оранжевая декоративная строчка по краю лацканов, ядови-

то-зеленая подкладка и, как частенько замечала Энни, примерно двадцать пять лет жизни за плечами. Он висел на вешалке на кухне, чтобы миссис Фэйрвезер могла его видеть, когда приходила посидеть с детьми, и никогда не покидал дома.

— Может, вышьем на нем маленького зеленого крокодилчика? — предложил Стивен.

Когда Кэролайн с Валерией снова появились на террасе, левую руку Валерии украшал лейкопластырь.

— Хорошо хоть, что не на правой руке, — заметила Энни, глядя, как Валерия подбирает свою ракетку.

— Не знаю, — с сомнением протянула Валерия. — Дело в том, что бэкхэнд я бью двумя руками.

— Порез неглубокий, — решительно заявила Кэролайн. — Царапина — не более того. Она вам не помешает.

Валерия несколько раз осторожно взмахнула ракеткой и слегка скривилась.

— Да, вроде нормально, — сказала она.

— Возможно, нам следует дать фору, — полуслушливо заметил Дон. — Пару очков на сет — что-нибудь в этом роде.

Патрик взглянул на него и нерешительно хохотнул.

— Это малость сложновато для меня, — сказал он.

— Да ничего, неважно, — отозвался Дон. — Я думал, если Валерия окажется в невыгодном положении из-за своей руки...

Двое мужчин уставились друг на друга, и Энни вдруг поняла, что Дон говорил совершенно серьезно. Энни посмотрела на руку Валерии. Пластырь был в дюйм длиной, не больше. Там никак не могло быть серьезного пореза.

— Валерия, — поинтересовалась она, — вы вправду думаете, что ваша техника игры может пострадать?

Валерия взглянула на нее с мученическим выражением.

— О нет. Думаю, это особенно не повлияет. В смысле, если я постараюсь не применять бэкхэнд...

— Вот и отлично, — громко объявила Кэролайн, прикуривая. — Значит, вам не нужна фора, верно? Так давайте начнем.

Она повлекла Валерию за собой с террасы по травянистой тропе, попутно бросив на Дона презрительный взгляд. Остальные в смиренном молчании последовали за ней. Тропинка спустилась по еле ощутимому склону к теннисному корту, обнесенному оградой; рядом располагалась лужайка для зрителей. Корт был с травяным покрытием; он находился в идеальном состоянии, и Энни с восторгом уставилась на его манящую мягкую зелень.

— Восхитительно! — воскликнула она.

Теннис-party

Патрик обернулся и улыбнулся ей.

— Неплохо выглядит, а?

— Я всегда говорил, такой корт — то, что надо, — заявил вдруг Дон. — Вы слышали историю про американца в Уимблдоне? Он спросил у человека, ухаживающего за кортом, как получить покрытие такого качества. «Да очень просто, — ответил тот. — Укатываете площадку и поливаете, укатываете и поливаете — и так сто лет». — Дон с довольным видом оглядел присутствующих. — Ничто не сравнится со старым добрым английским травяным кортом. Хотя, конечно, это не то покрытие, к которому я привык. Слишком твердое.

— Мы оба обычно играем на крытых кортах, — вмешалась Валерия. — Трава — это совсем другое дело.

— Так что не требуйте от нас слишком многого, пока мы не приспособимся, — весело подхватил Дон. — Может, поначалу вы разобьете нас наголову.

— Думаю, да, — скучающим тоном произнесла Кэролайн.

Патрик бросил взгляд в ее сторону и усмехнулся.

— Я на это не рассчитываю, — сказал он. — Вы говорите как настоящий профессионал. А вот мы, признаться, почти не умеем играть.

— Ага! — с понимающим видом воскликнул Дон. — Настоящие мастера всегда говорят, что они

вовсе не умеют играть. Не верь ни единому слову, Валерия!

Они с дочерью вышли на корт, Энни со Стивеном уселись на насыпь и приготовились смотреть, а Кэролайн кивком подозвала к себе Патрика.

— Кстати, чисто ради интереса, — любезным тоном поинтересовалась она, — а какого лучшего мы пригласили Дона?

Судя по виду Патрика, ему сделалось не по себе.

— Вообще-то он не так уж плох, — сказал Патрик. — Я, правда, не понимал, что он относится к игре настолько серьезно. А кроме того, — обороняясь, добавил он, — Дон мой хороший клиент. И совершенно не помешает выказать ему немного расположения.

— О господи! Мне следовало заподозрить что-нибудь в этом духе. — Кэролайн искоса взглянула на Патрика. — И Мобинов ты пригласил по той же причине, так? Потому что они — хорошие клиенты?

Патрик пожал плечами и отвел взгляд.

— Патрик, предполагалось же, что это будет прием. Для наших друзей. А не какое-нибудь дурацкое корпоративное увеселительное мероприятие.

Кэролайн яростно затянулась сигаретой. Патрик гневно сверкнул глазами.

— Ты не забывай, — прошипел он, — что именно такие, как Дон, платят за все: и за твою

Теннис-party

новую теннисную ракетку, и за твою новую прищеску, и за эти понтовые сигареты. Не говоря уже о доме, машине и пони...

Тут он был вынужден прерваться, поскольку к краю корта подошел Дон.

— Обсуждаете тактику? — весело произнес он. — Пожалуйста, не забудьте: не надо подавать мячи Валерии под раненую руку.

— О господи! — пробормотала Кэролайн.

— Конечно не будем, — громко отозвался Патрик, стараясь не смотреть на Кэролайн. — Идем, дорогая. Давай покажем им, где раки зимуют.

Он улыбнулся Дону; тот понимающе усмехнулся в ответ.

Они принялись разминаться, и вскоре стало очевидно, что Дон с Валерией — действительно серьезные игроки. Валерия решительно атаковала Патрика, а Дон тем временем засыпал Кэролайн хитрыми подрезанными мячами. Кэролайн всякий раз наобум лупила по вращающемуся мячу, а потом с отвращением наблюдала, как тот улетает в сторону, за пределы ее досягаемости.

— Эти мячи отскакивают неправильно, — заявила она некоторое время спустя. — Я уверена, что это не разрешено.

— Это называется «закрутить мяч», — объяснил Патрик. — И совершенно законно.

Кэролайн сердито взглянула на него.

— Но бесит до крайности.

— Понимаете, это воздействие ракетки, — вмешался Дон. — Это очень просто.

— Ну так не могли бы вы этого не делать? — решительно произнесла Кэролайн. — Это выводит меня из равновесия.

Дон с Валерией изумленно уставились на нее. Патрик торопливо улыбнулся им.

— У Кэролайн на корте просыпается своеобразное чувство юмора, — объяснил он. — Не принимайте близко к сердцу.

Дон с Валерией выиграли жеребьевку, и право на первую подачу досталось им. Патрик, прищурившись, смотрел, как Дон дважды постучал мячом, вскинул ракетку и сильным ударом послал мяч через сетку. Патрик ринулся к мячу и отбил его за пределы площадки.

— Хорошая подача, па! Патрик, не повезло! — завопила Валерия.

Она стояла прямо у сетки, подпрыгивая, изготовившись решительно отразить любой удар в ее сторону.

— Дерьмовый был удар, Патрик, — громко произнесла Кэролайн.

Энни, сидевшая на насыпи, хихикнула.

Ошеломленная Валерия в ужасе уставилась на Кэролайн, неспешно двинувшуюся к дальней части корта. Она взглянула на Дона, но тот не слышал реплику Кэролайн и готовился подавать снова. Он дважды постучал мячом об землю, подбросил его и искусно направил его под правую руку Кэролайн. Та взмахнула ракеткой и влепила мяч прямым в Валерию.

Теннис-party

Валерия взвыла и схватилась за плечо.

— Ой, извини,— манерно протянула Кэрролайн.— Я хотела пробить мимо тебя. Кажется, по пятнадцати.

Стивен перехватил взгляд Энни и фыркнул.

— Прелесть что такое.

Он встал и забрал у жены пустой бокал.

— Пойду еще выпью. Расскажешь мне потом, что тут творилось.

Энни кивнула и откинулась на траву; прохладные травинки приятно касались голых рук. Она прикрыла глаза и стала слушать глухие удары мяча об ракетку. Бам, бам, бам. «Мимо!» «А, черт!!!» «Тридцать — пятнадцать». Тишина. И снова — бам, бам, бам.

Энни ощущала покой, счастье, легкую слабость, вызванную спиртным, и почти полное довольство. Ей вдруг вспомнились летние дни в школе — как она лежала у теннисного корта, прислушиваясь в полудреме к шуму игры, и беспокоили ее лишь домашние задания, занятия в хоре да попытки угадать, что будет на ужин. Хотя, как строго сказала она себе, тогда некоторые из этих вещей допекали ее куда сильнее, чем это помнится сейчас. Скажем, сдвоенный урок по биологии отравлял ей всю неделю куда существеннее, чем любая из нынешних ее обязанностей. Но все же, если посмотреть назад, тогда жизнь ее была легка. В ней были порядок, соразмерность и четкая структура, установленные другими. Как бы школь-

ные учителя, составлявшие расписание, оценили ее нынешнюю жизнь? Как неэффективную, перегруженную работой и бестолковую? Или, быть может, то, что касается ее самой, больше не имеет значения? И ее функция как матери заключается в заботе о том, чтобы жизнь ее детей была такой же упорядоченной, как когда-то ее собственная?

При мысли о детях Энни ощутила привычный укол иррационального страха, возникающего всякий раз, когда сына и дочери не было рядом с ней, — что им грозит опасность, они пострадали, они погибли, и все из-за ее безответственности. Но на этот раз боль, от которой дернулось сердце, оказалась приглушенной. С ними Джорджина, а она благоразумная девочка. Стивен у дома, и он услышит, если поднимется крик. Энни чувствовала себя слишком вялой и расслабленной, чтобы вскакивать и куда-то бежать. Сознание все больше и больше затуманивалось. Сделать над собой усилие и продолжать наблюдать за игрой? Или можно позволить себе поспать?

Проснувшись она — как ей показалось, мгновение спустя, — оттого, что Стивен положил ей на лоб кубик льда.

Энни вскрикнула, открыла глаза и увидела над собой смеющееся лицо мужа.

— Ах ты гад!

— Я думаю, пусть Валерия повторит эту подачу, — донеслось с корта.

Теннис-пати

Энни повернула голову и увидела, что Дон неодобрительно взирает на нее.

— Это очень важный момент,— многозначительно добавил он.

— Какой счет? — весело поинтересовался Стивен.

— Три — ноль к тай-брейку,— сказал Дон и повернулся обратно.— Давай, Валерия.

— Я же тебя просил посмотреть и потом рассказать мне, что тут творилось,— пробурчал Стивен, присаживаясь рядом с Энни.— Судя по всему, я пропустил все самое интересное.

— А где тебя столько носило? — парировала Энни.

— Угробил полчаса, чтобы найти кухню,— пожаловался Стивен.— И еще полчаса — чтобы отыскать автомат со льдом. Но я знаю, что мадам не любит пить «пиммз» теплым.

— Тогда ты был прав,— признала Энни. Она поднесла бокал с янтарной жидкостью к губам и сделала несколько больших глотков.— М-м-м, восхитительно!

— Да, классная штука,— согласился Стивен.— А теперь расскажи мне, что такое этот тай-брейк.

— Три — шесть! — крикнул Дон.

— Дону с Валерией нужно всего одно очко, чтобы выиграть,— сказала Энни.— Давай смотреть.

Патрик изготовился подавать. Первый мяч врезался в сетку.

— Промах! — хором произнесли Дон с Валерией.

Патрик подбросил второй мяч и послал его по пологой дуге над сеткой; тот приземлился точнехонько в квадрат.

— Заступ! — раздался голос Дона.

Валерия, кинувшаяся было отбивать мяч, за- тормозила.

— Точно? — запыхавшись, переспросила она.

— Заступ? — недоверчиво произнесла Кэролайн.

— Увы, да, — сказал Дон. — Я это видел совершенно отчетливо. Ваша нога была за линией. Если вас это огорчает, можем переиграть...

Он взглянул на Валерию, многозначительно приподняв брови.

— Нет-нет, — произнес Патрик, пытаюсь говорить добродушно. — Вы наверняка правы. Значит...

— Сет остается за нами, — гордо заключила Валерия. — И матч тоже.

— Какое волнующее завершение, — с сарказмом произнесла Кэролайн.

Патрик настороженно взглянул на нее.

— А заступ вправду был? — тихо спросила у Стивена Энни.

Тот пожал плечами.

— А бог его знает. Мне отсюда не было видно.

— Что-то мне сомнительно, что это могло быть видно Дону, — заметила Энни, многозначительно взглянув в глаза Стивену.

Теннис-party

Они оба повернулись и посмотрели на Дона. Тот с сияющим видом пожимал руки соперникам и, судя по виду, был целиком и полностью доволен собой.

— Ну что ж,— сказал Стивен,— если это настолько важно для него...

— Кажется, да,— откликнулась Энни.— Но все равно как-то нечестно. Нельзя же грести все под себя только потому, что это для тебя важно.

— Думаешь? — переспросил Стивен.— А почему бы и нет?

Энни на мгновение задумалась и уже собралась было что-то ответить, но ей помешало появление Дона с Патриком, поднявшихся по травянистому склону.

— Отлично! — сердечным тоном произнесла Энни.— Очень энергичный матч.

— И не только,— отозвался Дон.— В нем было несколько очень хороших обменов ударами.

— Особенно последний,— донесся сзади голос Кэролайн.— Просто потрясающий.

Энни опустила взгляд и постаралась сдержать смех.

— Кто следующий? — поспешно спросила она.— Мы?

— Вы против Чарльза с Крессидой,— сказал Патрик.— Когда они приедут.

— Знаешь, что,— предложила Энни Стивену,— пошли-ка немного потренируемся.

Она увела Стивена на корт, и они принялись разминаться. Остальные некоторое время наблю-

дали за ними. Энни играла на неплохом школьном уровне, а вот Стивену едва удавалось перекинуть мяч через сетку.

— Извини,— то и дело повторял он.— Черт! Извини, ты можешь это принять?

Кэролайн заметила, как Дон явственно расслабился при этом зрелище. Он явно подумал, что теперь беспокоиться не о чем — они с Валерией быстро выживут эту пару с корта. Внезапно Кэролайн ощутила глубокое отвращение к нему.

— Дорогая, я пойду в дом,— негромко произнес Патрик, подойдя к ней.— Мне нужно закончить одно дело. Если Мобины приедут — я у себя. Хорошо?

— Конечно,— отозвалась Кэролайн, мрачно закуривая сигарету.

Она никак не могла понять, почему с таким нетерпением ожидала этого паршивого приема с турниром.

— Ты и вправду замечательно играешь,— сказал Патрик еще тише.

— Расскажи об этом твоему другу Дону,— огрызнулась Кэролайн, выпустив дым Патрику в лицо.

Патрик покорно пожал плечами.

— Я знаю. Тебе вовсе незачем говорить мне об этом.

Кэролайн посмотрела ему вслед со смесью неприязни и обреченности. Потом она взглянула на теннисный корт. Стивен изготoвился к подаче. Он

Теннис-парту

подбросил мяч слишком высоко, неумело взмахнул своей старой деревянной ракеткой и стукнул ею по ограде.

— Дьявол! — не удержался он. — Я, пожалуй, лучше пойду.

Кэролайн прикрыла глаза. Изумительная команда. Чертов Патрик, омерзительный Дон и Стивен с его старыми шортами и жилистыми ногами, совершенно неумелый игрок. Стивен всегда казался ей каким-то странным — и вот посмотрите на него! Не в состоянии даже нормально сыграть партию в теннис, не то что заработать на приличную одежду для жены. Уму непостижимо, как Энни может быть такой счастливой, имея под боком подобную тряпку. Потом ей представился Патрик — и Кэролайн не смогла ответить на вопрос, как ей самой удастся оставаться такой, черт побери, веселой.

Глава 3

Когда «бентли» Мобинов подъехал к дому, Патрик был у себя в кабинете. Услышав низкий, сдержанный рокот двигателя, он подошел к окну и уставился на безупречные обводы автомобиля со смесью зависти, негодования и сдерживаемого волнения. Машина остановилась, и Патрик заметил, как из нее высунулась белокурая голова, словно бы водитель сомневался, где ему припарковаться. Естественным было бы сейчас забарабанивать в стекло, выкрикнуть приветствие и поспешить наружу, чтобы поздороваться с гостями. Но Патрик остался сидеть на месте. Он еще не был готов к встрече с Чарльзом.

Из-за угла дома вышла Кэролайн; в руках у нее был поднос с напитками. Она что-то крикнула Чарльзу, и тот тут же выключил мотор. Дверь машины открылась, и Чарльз выбрался наружу, потягиваясь и оценивающе оглядываясь по сторонам. Тут же из задней двери показалась няня,

Теннис-party

коренастая девица лет девятнадцати. Она поставила на землю большой, бесформенный портплед и нырнула обратно в машину, за близнецами — двумя неотличимыми с виду малышами, которые, стоило лишь няне опустить их на землю, тут же заковыляли в разные стороны. Последней появилась Крессида. Длинные ноги в безупречных бежевых брюках; коротко подстриженные и прекрасно уложенные белокурые волосы; спокойное, гладкое лицо. Она приветствовала Кэролайн с ничего не выражающей улыбкой и бесстрастно изобразила светский поцелуй.

Патрик невольно сравнил между собой этих двух стоящих рядом и о чем-то разговаривающих женщин. Обе — голубоглазые блондинки, обе в хорошей форме, обе в дорогих нарядах. Но Кэролайн чуть смуглее Крессиды, волосы блестят чуть сильнее, макияж чуть ярче, голос чуть-чуть излишне громок. По сравнению со сдержанной элегантностью Крессиды ее голубой карандаш для глаз и золотые браслеты кажутся аляповатыми. Кэролайн вдруг громко расхохоталась, и Патрик увидел, как Крессида вежливо улыбнулась ей со слегка недоуменным видом. Чарльз взглянул на нее с удивлением. Внезапно Патрика захлестнула волна пылких чувств по отношению к жене. Они с ней были скроены из одного материала — сильнее, грубее и выразительнее, чем все Крессиды, вместе взятые.

Патрик взглянул на бумаги, лежащие у него на столе. С листов на него смотрели цифры —

результаты за этот год. Он поработал хорошо — по любым меркам. О господи, да он продал эти инвестиционные планы всему, что шевелится! Общий результат получился на двадцать процентов больше, чем в прошлом году. Но конечно же, этим ублюдкам такого недостаточно. В прошлом году он выполнил все задания — потому в нынешнем задания увеличили. Патрик достал схему премий в их фирме. На самом верху заманчиво сияла главная премия — сто тысяч фунтов. Но чтобы получить ее, нужно еще здорово потрудиться. Его год заканчивался через неделю, а ему до сих пор не хватало восьмидесяти тысяч фунтов. Пожалуй, даже стоило бы самому вложить эти восемьдесят тысяч фунтов в дело, чтобы получить сотысячную премию. Только вот таких денег у него не было. И он никогда не стал бы покупать ни один из пакетов, которые продавал.

Что ему нужно, так это найти за следующую неделю кого-нибудь, кто выложит восемьдесят тысяч разом. Патрик снова посмотрел в окно. Чарльз поднес одного из близнецов к Кэролайн — поцеловать. Он смеялся и выглядел раскованно и непринужденно — как будто и вправду так себя чувствовал. Это было словно эхо тех дней на Сеймур-роуд, когда Чарльз с Эллой готовили на ужин спагетти и отправлялись в поход автостопом по Европе. Тогда именно Патрик выручил Чарльза, дав ему денег в долг — не так уж много, честно говоря, — когда Печатный центр ока-

Теннис-party

зался на грани банкротства. А Чарльз подсмеивался над Патриком по поводу его отношения к деньгам и советовал ему расслабиться, поостыть и пойти покурить травку с ним и с Эллой.

И вот теперь этот самый Чарльз ездит на «бентли» и носит темно-синий блейзер. Он не нуждается более ни в чьей помощи и уж конечно — в помощи Патрика. Крессида полностью вернула тот долг вскоре после того, как они с Чарльзом поженились. Или, может, даже еще до того. Ей явно неприятна была сама мысль о том, что ее муж может быть у кого-то в долгу. Но Патрик полагал, что Чарльз по-прежнему ему обязан.

Следуя за Кэролайн к комнате для гостей, Чарльз рассматривал все вокруг, и увиденное произвело на него немалое впечатление. Патрик, конечно же, говорил им про свой новый дом — но Чарльз как-то не представлял себе подобной пышности. Этот дом напомнил ему фильмы про Джеймса Бонда начала семидесятых. Конечно, совершенно не в их с Крессидой стиле — Чарльз заметил, как жена содрогнулась, когда они прошли мимо заполненного коктейль-бара, — но определенно роскошный и явно очень дорогой.

Хотя, конечно, здесь недвижимость дешевле, чем в центре Силчестера, где живут они. А за место, где стоит их с Крессидой дом — рядом с кафедральным собором, — приходится выкладывать

и вовсе бешеные деньги. И тем не менее у Чарльза, пока он шагал по прохладным коридорам, зародилось странное ощущение обиды — особенно когда он заметил при взгляде в окно нечто, подозрительно напоминающее конюшню. С тех пор как женился на Крессиде, он привык думать о себе как о человеке, который хорошо устроился в жизни, которому завидуют, — и сознательно старался не хвастаться перед старыми друзьями.

Если он когда и думал о Патрике и его карьере, так лишь затем, чтобы подивиться, что он, Чарльз Мобин, и вправду числит продавца инвестиционных планов среди своих друзей — в число которых ныне входили самые известные и высокопоставленные жители графства. Чарльз знал, что Патрик заработал кучу денег — конечно, он хорошо зарабатывал, — но ему никогда и в голову не приходило, что эти деньги торговца преобразятся в нечто такое, что он, Чарльз Мобин, может возжелать. И однако же, глядя на то, с каким комфортом тут живут супруги Чанс, Чарльз, не удержавшись, сравнил их обиталище с домом у кафедрального собора — да, георгианским и, несомненно, престижным, но мрачным, полным сквозняков и дорогим в содержании.

Главная гостевая спальня представляла собою розовую симфонию — от изголовья кровати, сделанного в форме сердечка, и до бумажных салфеток на туалетном столике.

— Надеюсь, вы здесь найдете все, что вам понадобится, — сказала Кэролайн. — Если захоти-

Теннис-парту

те воспользоваться джакузи — там, на стене, панель.

— Очень мило, — ледяным тоном произнесла Крессида.

— Я тоже так думаю, — согласилась Кэрлайн. — Что же, ждем вас внизу.

Дверь за ней затворилась. Чарльз с Крессидой переглянулись. Крессида осторожно потрогала покрывало на кровати.

— Атлас, — сказала она и пощупала постельное белье. — И простыни атласные. Ужасно. Я вряд ли смогу уснуть.

— Не ворчи, — посоветовал Чарльз. — Атласные простыни — это по-своему занятно. И джакузи!

Крессида вздохнула и с видом человека, примирившегося с обстоятельствами, опустила свою сумку на пол.

— Пойду посмотрю, как там дети.

— Да наверняка с ними все в порядке, — начал было Чарльз, но Крессида уже скрылась за дверью.

Чарльз бросил сумку на кровать и принялся быстро переодеваться в теннисный костюм.

К тому моменту, как жена вернулась, он был полностью одет.

— Слава богу, хоть у них простыни хлопчатобумажные, — сказала она. — Зато, конечно же, украшенные рисунками из «Моего маленького пони».

— Изумительно! — отозвался Чарльз. — Надо пойти взглянуть. С Мартиной все в порядке?

— Она считает, что все чудесно, — ответила Крессидида. — У нее на кровати голубое блестящее пикейное покрывало, обшитое полиэстеровым кружевом.

Чарльз улыбнулся. Мартина, их няня, выросла в уютном маленьком домике неподалеку от Бонна и никак не могла приспособиться к жизни в доме Мобинов. Она всю зиму бродила с жалобным видом, в шерстяных носках и перчатках без пальцев; а однажды произошел незабываемый случай, когда она, ничего не подозревая, плюхнулась в ванну, полную ледяной воды. Как оказалось, в Германии — во всяком случае, в той Германии, о какой рассказывала Мартина, — никогда не бывает неполадок с водопроводом.

— Ах да, — добавила Крессидида, продемонстрировав Чарльзу пачку писем. — Она забрала по дороге почту и забыла отдать ее нам.

Чарльз скривился.

— А я-то надеялся, что, уехав, хоть на выходные избавлюсь от всего этого!

— Это трудно назвать «уехать», — уничтожающе отозвалась Крессидида. — Это же не поездка к Блейкам.

Блейки жили в поместье в Девоне и как раз на эти выходные устраивали у себя прием. Крессидида пыталась убедить мужа отказаться от при-

Теннис-парту

глашения Чансов и вместо этого поехать в Девон, но Чарльз уперся намертво. Они чуть не поскакали из-за этого. Сейчас Чарльз устало взглянул на жену.

— О господи, Крессида, мы тысячу раз ездили к Блейкам. А сюда — еще ни разу. Ты же знаешь, что Чансы — мои друзья.

— Да, знаю.

— Все было бы прекрасно, — продолжил Чарльз, — если бы я мог чувствовать, что они и твои друзья тоже.

— Мне почему-то это кажется маловероятным, — отозвалась Крессида.

Взбешенный Чарльз уставился на жену.

— Но почему? Отчего ты не можешь хотя бы попытаться?!

— Ой, Чарльз, ну в самом деле! Что у нас общего?

— Я! Я у вас общее! — возмутился Чарльз. — Или этого недостаточно? — Он взял свою ракетку. — Я пошел на улицу. Здесь слишком жарко.

Очутившись в коридоре, он увидел Мартину и близнецов, как раз вышедших из своей комнаты.

— Привет! — радостно воскликнул Чарльз. — Как, все в порядке?

— Все замечательно, — отозвалась Мартина. — Это очень хороший дом. Такой большой, такой красивый...

Она восхищенно взмахнула руками.

Маделин Уикхем

— Да, он по-своему хорош,— согласился Чарльз.— Вы как, мальчики? — Он опустил взгляд.— О нет!

Близнецы успели тайком пробраться в нишу у окна. Бен пытался засунуть в рот стеклянного слона, а Джеймс вцепился в светлую занавеску перемазанными шоколадом ручонками.

— Миссис Чанс — она дала мальчикам печенье в шоколаде,— виновато сообщила Мартина, отдирая Джеймса от занавески и вытирая ему руки платком.— Я говорила ей, что миссис Мобин этого не одобрит, но она не стала меня слушать.

— Не волнуйтесь,— сказал Чарльз, отнимая слона у Бена.

Мальчик скривился и с мольбой протянул руки к отцу.

— Нет, Бен. Это опасно. Давай поставим этот кошмар на место.

— Миссис Чанс сказала, чтобы мы пошли посмотреть на лошадь,— с сомнением произнесла Мартина.

— Великолепная идея,— отозвался Чарльз.— Бен, хочешь посмотреть на лошадку?

Бен снова ухватил слона.

— Посмотрим на лошадку? — с энтузиазмом произнес Чарльз, возвращая слона на столик, и понес Бена по коридору.— Посмотрим?

— Лошадка! — подхватила Мартина и взяла на руки Джеймса.— Идем посмотреть на лошадку.

Теннис-party

— Это не лошадка,— отрезала Джорджина.— Это пони.

— Конечно-конечно,— поспешно согласился Чарльз.

Добравшись до выгула у конюшни, они обнаружили, что Джорджина водит Аравию по кругу, а Николь сидит в седле, неловко вцепившись в поводья, и сияет от счастья. Тоби мирно восседал на ограде и наблюдал за происходящим — спокойный малыш с радостной улыбкой. Увидев гостей, Джорджина развернулась и подвела Аравию к ограде.

— Правда, она великолепна? — с гордостью спросила Джорджина и уткнулась лицом в гриву пони.— Ты такая красивая,— пробормотала девочка.

— Джорджина учит меня ездить верхом! — сообщила Николь.— Я уже могу ехать шагом.

— Замечательно! — Чарльз зааплодировал, потом поднял Бена повыше.— Смотри, Бен! Смотри, какая замечательная ло... э-э, пони!

Мартина спряталась у него за спиной и оттуда недоверчиво взирала на Аравию.

— Поднесите Джеймса поближе, чтобы ему было видно,— сказал Чарльз и обернулся.— В чем дело, Мартина? Вы что, не любите лошадей?

Мартина боязливо сделала пару шагов и тут же отступила, когда Аравия вскинула голову и тоненько заржала. Бен уставился на Чарльза круглыми от изумления глазами.

— Ну, будет,— нетерпеливо произнесла Джорджина.— Поехали снова по кругу, попробуем рысью. Надень-ка защитный шлем.

Чарльз с сочувствием наблюдал, как Николь неловко возится с подбородочным ремнем шлема. Она старалась действовать пострадавшей правой рукой так же, как и левой, и несколько раз что-то раздраженно бормотала, когда тканый ремень выскальзывал из пряжки. Джорджина бесстрастно наблюдала за ней, не торопя Николь и не предлагая помощи. У Мартины, когда она только заметила, как дрожащая рука Николь неуверенно потянулась к подбородку, вырвался возглас — но Чарльз строго взглянул на нее, и няня притихла.

— Угу,— сказала Джорджина, когда Николь наконец-то справилась с ремнем.— Поехали.

Она мягко потянула Аравию за поводья, развернула пони и двинулась по выгону, постепенно ускоряя шаг и переходя на бег.

— Держись! — крикнула она Николь.— Когда она пойдет рысью, привставай и опускайся в седле!

Зрелище оказалось неожиданно трогательным. Джорджина рысцой бежала по выгону; ее волосы, реющие за плечами, сияли на солнце. Николь тем временем подпрыгивала в седле, и на лице ее отражалась смесь восторга и ужаса. Чарльз украдкой взглянул на близнецов. Те смотрели на происходящее в полном восхищении.

Теннис-парту

Через некоторое время Джорджина подвела Аравию обратно к ограде.

— Тоби, хочешь проехаться? Самому тебе нельзя, но ты можешь сесть передо мной,— предложила она.

Тоби хихикнул и помотал головой.

— Я думаю, они еще слишком маленькие,— сказал Чарльз, указав на близнецов.

— Да, маловаты,— согласилась Джорджина.— Они, наверное, еще даже не усидят на пони — свалятся.

— Мне бы очень хотелось научить их ездить верхом,— сказал Чарльз.— Возможно, когда они немного подрастут.

— Вам не придется покупать двух пони,— сказала Джорджина.— Если они так и останутся одного роста, им хватит одного на двоих.

— Вот и хорошо,— кивнул Чарльз.— Держать пони очень дорого.

— Ну и что? — с обескураживающей простотой поинтересовалась Джорджина.— Вы можете это себе позволить, раз вы теперь такие богатые.

Крессида распаковывала свою одежду, тщательно встряхивая каждую вещь, чтобы разгладить складки,— так ее приучили в школе,— и все это время брови ее были сурово сдвинуты. Чарльз рассердился на нее за то, что она грубо обошлась с его друзьями — возможно, она и вправду вела

себя немного резковато, — но что ей еще было сказать? Ведь не может же он не понимать, что она не в состоянии завязать дружеские отношения с торгошом-выскачкой и его вульгарной женой?

Крессиде никогда и в голову не приходило, что ее отец тоже был своего рода торгошом. Владельцы больших заводов, в ее представлении, не имели ничего общего с такими вульгарными людьми, как этот Патрик, — который, как отметила Крессиде, не потрудился даже выйти и поздороваться с гостями. Кроме того, Крессиде отождествляла себя прежде всего со своей матерью, аристократкой Антонией Эстли. Ее мать всегда держалась в стороне от жен отцовских коллег. «Помни, ты — драгоценный подарок, — сказала она как-то Крессиде, — и не должна растратить себя на первого, кто попадется на пути». Конечно же, она, как понимала Крессиде, вела речь о сексе — но на самом деле этот принцип был вполне применим и к дружбе.

Проблема заключалась в том, что такие люди, как Чансы, понятия не имели о постепенном сближении — они, похоже, обращались с каждым случайным знакомым с той же фамильярностью, что и друг с другом. Крессиде всегда старалась уклоняться от поцелуев, шуточек, панибратства и поддразниваний, которыми постоянно сопровождались подобные мероприятия. Кэролайн, в частности, принадлежала именно к тому типу женщин, которые тут же принимались навязыв-

Теннис-party

вать тесные приятельские отношения, неприемлемые для Крессиды, и еще постоянно пытались отпускать шуточки на всякие личные темы и, возможно, даже выбалтывали о них посторонним людям. Крессида считала, что безопаснее с самого начала установить дистанцию, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля.

Ей вспомнилась одна женщина, с которой они как-то пересеклись во время отпуска, когда останавливались у друзей в Ментоне. Эта женщина была вполне мила в качестве соседки на пляже; они делились друг с другом кремом для загара, журналами и книгами. Но постепенно новая знакомая стала заводить разговоры на такие темы, которые Крессида вообще редко с кем-либо обсуждала — и, уж конечно, не с чужими людьми. Она становилась все более и более настойчивой — сперва смеялась над Крессидой, потом разобиделась и обозвала ее высокомерной короной. Ситуация еще ухудшилась, когда выяснилось, что эта особа дружна с Джорджем Уоллесом, в квартире у которого Крессида остановилась.

При этом воспоминании Крессида невольно поехала и принялась переодеваться в костюм для тенниса. Упорная привязанность Чарльза к Чансам беспокоила ее, и не только потому, что Чансы являлись людьми не их круга. Дело было еще и в том, что Чансы — наряду с некоторыми другими из присутствующих, возможно, — явились из того периода жизни Чарльза, о котором Крес-

сида предпочитала не думать. Из того времени, когда он еще не встретился с ней и жил на Сеймур-роуд с той женщиной (Крессида никогда не звала Эллу по имени, даже мысленно). Конечно же, теперь все понимали, что та женщина ему абсолютно не подходила. Но у Крессиды до сих пор иногда возникало такое чувство, словно все эти люди с Сеймур-роуд думают, что со стороны Чарльза нехорошо было бросать Эллу. На их с Крессидой свадьбе она замечала немало довольных лиц.

С тех пор им удавалось не общаться с людьми из прежней жизни, не считая странной случайной встречи в Силчестере, — и Крессида думала, что этому конец. Но внезапно, после перерыва в несколько месяцев, от Патрика с Кэролайн пришло приглашение, настойчивое и дружеское, поиграть в теннис.

Крессида застегнулась, аккуратно причесала волосы щеткой от «Мейсон Пирсон» и посмотрелась в зеркало. Тщательно эпилированные ноги, хорошая стрижка, сдержанный макияж. Но Крессиде и в голову не пришло посмотреть на себя со злорадством или попытаться представить, какое впечатление она произведет на корте. Она повернулась — проверить, все ли в порядке с одеждой сзади. Потом внимание ее привлекли письма, так и оставшиеся лежать на кровати. Наверное, нужно просмотреть их. Чарльз будет доволен. Он всегда жалуется, что она не распечатывает письма, если подпись на конверте ей незнакома.

Теннис-party

Но тут ее отвлек оклик, донесшийся с улицы. Крессида подошла к окну и увидела Чарльза, который смотрел наверх, задрав голову. Он широко улыбался, и вид у него был такой, как будто он только что совершил пробежку.

— Кресс, ну давай же! — крикнул Чарльз. — Здесь здорово!

Крессида улыбнулась с некоторым облегчением: Чарльз больше не сердился.

— Хорошо! — отозвалась она. — Уже иду!

И, напрочь позабыв о письмах, быстро вышла из комнаты.

Добравшись до теннисного корта, они обнаружили там разминающихся Стивена и Энни. Кэролайн лежала в шезлонге, курила и время от времени выражала восхищение друзьями. Патрика не было видно.

— Боюсь, мы немного не в форме, — сказал Стивен.

— Говори за себя! — возразила Энни, выходя с корта. Она поцеловала Чарльза. — Ужасно рада тебя видеть!

— Привет, Крессида, — сказал Стивен. — Как дела?

— Какое чудесное имя! — послышался пронзительный голос Валерии. — Кажется, я никогда прежде такого не слышала. Это откуда-то из книги?

— Чарльз, Крессида, — произнес Стивен, пряча улыбку, — познакомьтесь: Дон и Валерия Роуперы.

— Как поживаете? — любезно осведомилась Крессида.

— Дон живет здесь, в деревне, — сообщила с шезлонга Кэролайн; голос у нее был хриплым от сигаретного дыма.

Эта мысль, похоже, показалась ей забавной, и Кэролайн рассмеялась смехом захмелевшего человека.

— Приятно познакомиться, — сказал Дон, кивнув Чарльзу.

— Дон с Валерией только что разгромили нас, — сообщила Кэролайн. — Это был захватывающий матч, закончившийся заступом.

Валерия громко охнула и покраснела, когда все на нее посмотрели.

Кэролайн развернулась в шезлонге и взглянула на Крессиду.

— Замечательный костюм, — заметила она. — Где вы его взяли?

Крессида заставила себя улыбнуться.

— Мне сшили его на заказ.

— Да, мне следовало бы догадаться, — с легкой насмешкой произнесла Кэролайн. — Вот ты, Энни, думала, что у меня хороший гардероб, но в нем нет ничего сшитого на заказ. Готова поспорить, этот костюм стоит кучу денег.

Крессида крепче стиснула ракетку, а Кэролайн весело рассмеялась.

— Нет, правда, сколько? Две сотни? Три?

— Что, в самом деле? — изумилась Энни. — Неужто такой дорогой?

Теннис-party

— Мог бы стоять и больше, — сказала Кэрролайн. — Или меньше. В зависимости от того, кто его тебе шил — модельер или твоя бабушка. — Она снова рассмеялась. — На самом деле, — добавила она, — мне не особенно нравится шить одежду на заказ. Я имею в виду, что главный смысл покупки одежды — пойти в магазин и померить ее. — Она ностальгически улыбнулась. — В молодости я часто проводила всю субботу в «Биба» и «Мэри Квант», выбирая наряды. Это было замечательно. Снимаешь то, что на тебе, и меряешь все, что только есть в магазине. Однажды я ушла из «Биба» с ног до головы в новом.

— Но это же кража! — шокированным тоном произнесла Валерия.

— Вовсе нет, — язвительно отозвалась Кэрролайн. — Я не собиралась этого делать. Я просто забыла, в чем туда пришла.

Чарльз повернулся к Энни.

— Я только что видел, как Николь ездит по загону рысью на пони Джорджины. У нее замечательно получается.

— Последние несколько дней она только об этом и говорила, — улыбнувшись, напомнила ему Энни. — Николь обожает приезжать сюда. И Джорджина очень добра к ней.

— Я заметил, — отозвался Чарльз. — В этой молодой леди определенно что-то есть.

— Они еще в загоне? — спросила Энни. — Может, я пойду взгляну на них.

Магелли Уикхем

Чарльз покачал головой.

— Они как раз заканчивали. Джорджина решила устроить для всех детей какую-то игру или что-то в этом духе. Включая и наших двоих,— добавил он для Крессиды,— и Мартину, хоть верь, хоть не верь. Это наша няня,— пояснил он остальным присутствующим.— Джорджина, похоже, уже всю ею командует.

— Но что они затеяли? — удивилась Энни.— Компания же получается чересчур разношерстная.

Чарльз пожал плечами.

— Я даже знать не хочу. Пусть развлекаются.— Он поднял голову и удивленно улыбнулся.— Наконец-то! Патрик, где тебя носило?

Чарльз двинулся вперед и дружески пожал Патрику руку.

— Извини, что не встретил тебя,— сказал Патрик.— А, Крессида, я рад!

Он подошел поцеловать ее, и тут заметил усмешку Кэролайн. Патрик огляделся по сторонам.

— И кто у нас следующий?

— Энни и Стивен,— сказал Дон.— Против Чарльза и Крессиды вообще-то.

— Замечательно,— отозвался Чарльз.— Пойдем, Кресс, разогреемся.

Мобины были элегантной парой игроков: оба с хорошо поставленными ударами, подвижные и ловкие. Крессида принялась отрабатывать отдельные подачи, и Дон повернулся к Валерии.

Теннис-party

— Вижу, тут нам придется потрудиться. Посмотри, как она подает крученые мячи справа. Будь осторожна с этим ее ударом.

Валерия уставилась на Крессида с благоговейным трепетом.

— Она и вправду очень хорошо играет,— сказала она.

— У нее подача сильная, но, возможно, ее мячи легче отбить. Удары по большей части простые,— продолжал Дон.

— Она немного похожа на принцессу Диану,— заметила Валерия.

Стивен приподнял брови и взглянул на Энни.

— Как знать,— небрежно произнес он.— Возможно, они состоят в родстве.

— Ух ты? В самом деле? — Валерия стремительно обернулась.

— Сомневаюсь,— твердо произнесла Энни и смерила Стивена сердитым взглядом.

Но его было уже не остановить.

— Ее мать была какая-то там distinguished lady,— задумчиво произнес Стивен.— Или какая-то там леди? Во всяком случае, она точно была важной персоной. И я что-то слышал про их родство с королевским домом.

Он с умудренным видом кивнул Валерии; та уставилась на него, явно стора от любопытства.

— Ну,— произнесла она,— я бы сказала...

— Валерия! — перебил ее Дон.— Обрати внимание, как Крессида охраняет сетку. Ее трудно

будет обойти. Смотри: она никогда не отрывает взгляд от мяча.

Энни со Стивеном вышли на корт и принялись разминаться вместе с Чарльзом и Крессидой. И Чарльз, и Крессида сразу же тактично немного изменили манеру игры, как только осознали уровень Фэйрвезеров. Но все равно каждый второй мяч Стивена влетал в сетку. Энни была чуть получше, но, когда Чарльз направил в ее сторону несколько ударов с лёта, она остановилась и растерянно посмотрела на Стивена.

— Он очень сильно бьет! — пожаловалась она. — Я не смогу брать такие подачи!

— Не переживай, — утешил ее Стивен. — Главное — участие.

— Да, но если я вообще не могу в этом участвовать?

Кэролайн критически наблюдала за Крессидой.

— Она думает, что играет в Уимблдоне, не иначе!

— Кто, Энни? — с притворным удивлением переспросил Патрик. — А я бы не сказал.

— Очень смешно! — фыркнула Кэролайн. — Ты только глянь на нее! — не желая уняться, добавила она, когда Крессида аккуратно пробила удар с лёта слева. — Воображает себя чертовской профессионалкой!

— У нее хорошая техника игры, — заметил Патрик. — Мы все могли бы у нее поучиться. —

Теннис-party

Он огляделся вокруг.— А где Джорджина? Ей бы стоило на это посмотреть.

— А бог ее знает,— отозвалась Кэролайн.— Она говорила, что будет подавать мячи. Но хватило ее ненадолго.

— «Три поросенка»,— решительно произнесла Джорджина.— Почему? Потому что все мы знаем эту историю. И еще потому, что малыши могут быть поросятами.— Она посмотрела на близнецов.— Вы можете сыграть поросят?

— Поросята — самые важные персонажи,— запротестовала Николь.

— Вовсе и нет,— сказала Джорджина.— Волк важнее поросят!

— А кто будет волком?

— Я.

Николь ощутила знакомое сокрушительное ощущение разочарования. И здесь все точно так же, как везде! Она опустила взгляд, баюкая большую руку и вспоминая бессчетные рождественские представления, школьные концерты, актовые дни* — бесконечные разговоры у нее над головой: люди думают, будто она ничего не понимает! «Эта Фэйрвезер — надо поставить ее в задний ряд». «Бедняжка! Нам придется исключить ее из танца». «Она вправду не справляется — может, найдем ей замену?»

* Актовый день — торжественное собрание в конце учебного года, с речами и вручением аттестатов.

Магелин Уикхем

— Но важнее всех, — продолжала тем временем Джорджина, — человек, который продает пороссятам солому, хворост и кирпичи.

— Что? — Николь была сбита с толку. Она вообще не помнила такого персонажа. — А он есть в «Божьей коровке»?*

— Не помню, — призналась Джорджина. — Но он должен быть. Не могли же они найти солому и все остальное на дороге! А если бы они не купили для строительства такую гадость, волк не смог бы вломиться к ним в дома, верно?

Она выразительно посмотрела на Николь.

— Кроме кирпичного, — сказала Николь, у которой было развито логическое мышление.

— Кроме кирпичного, — согласилась Джорджина.

Николь ощутила слабую надежду. Но она по опыту знала, что подобные иллюзии обманчивы. Она снова понурилась.

— А ты не хочешь спросить, кто будет этим человеком, который продал пороссятам солому, прутья и кирпичи? — спросила Джорджина.

— А кто будет этим человеком, который продал солому? — пробормотала Николь.

Ответа не последовало. Николь осторожно подняла голову. Джорджина смотрела на нее и улыбалась.

* «Божья коровка» — серия развивающих книг для детей.

Теннис-party

— Ты, глупышка! Конечно ты!

Николь собралась было улыбнуться, но вместо этого рассмеялась — громко, вздохнув, так, что у нее перехватило дыхание, а по лицу разлился румянец. Джорджина инстинктивно обняла ее. Мартину, молча наблюдавшую за этой сценой, похоже, внезапно одолели эмоции, и она отвела взгляд.

— Только глянь на нее, — сказала Джорджина. — Она плачет. Вот нюня!

Она захихикала, Николь, и без того взвинченная, присоединилась к подруге и засмеялась — почти истерически. Ушедший было Тоби вернулся и тоже стал хохотать с ними за компанию. В конце концов Мартина сердито заворчала и встала.

— Тебе нельзя уходить! — воскликнула Джорджина. — Ты должна присматривать за близнецами.

— Надо ее тоже ввести в спектакль, — рассудительно предложила Николь. — Она может быть мамой-свиньей.

— Идет, — согласилась Джорджина и позвала: — Мартина! Будешь мамой-свиньей?

Мартина сердито взглянула на Джорджину, пробурчала что-то по-немецки, подхватила близнецов и зашагала в сторону дома.

— Кажется, она не поняла, — сказала Джорджина и снова засмеялась. — Кажется, она подумала, будто я обозвала ее мамой-свиньей!

Маделин Уикхем

Трое детей попадали наземь, корчась от смеха.

— Мама-свинья! — выдохнула Николь, породив новый взрыв веселья.

Обессиленная от смеха, она некоторое время лежала неподвижно, издавая странный булькающий звук, глядя в небо и вдыхая запах травы, земли и исходящий от ее одежды запах Аравии.

— Я ужасно рада, что мы останемся здесь на ночь, — неспешно произнесла Николь. — Я бы хотела, чтобы мы постоянно жили здесь.

Она тут же пожалела, что сказала об этом. Джорджина решит, что она тоже нюня, как Мартина. Николь украдкой взглянула на подругу. Джорджина лежала на спине, глядя в небо. Она медленно повернулась и взглянула Николь в глаза.

— И я тоже, — сказала она.

Глава 4

Ланч был подан на террасе. Миссис Финч, проходящая работница Кэролайн, появилась ближе к концу матча и твердо объявила от начала тропы:

— Миссис Чанс, я здесь!

— А, миссис Финч, здравствуйте! — отозвалась Кэролайн, обернувшись к ней.

В результате Крессида отвлеклась и впервые засадила мячом в сетку.

— Не могли бы вы помочь с ланчем? Вы знаете, где все лежит. А потом надо бы немного прибрать.

Крессида, остановившись, терпеливо дожидалась окончания разговора.

— Извините, — весело бросила Кэролайн. — Ладно, миссис Финч?

— Да, миссис Чанс.

«Значит, это и есть миссис Финч», — подумала Энни, оторвав взгляд от корта. Не румяная служанка, которую она себе представляла, когда Кэ-

ролайн упоминала о миссис Финч, а худая, решительного вида женщина лет тридцати пяти со вьющимися, выкрашенными в рыжий цвет волосами. Выговор у нее был местный, голос — резкий, пронзительный. Им с Кэролайн явно не удалось достичь идиллии во взаимоотношениях.

Энни заметила неодобрительный взгляд, брошенный миссис Финч на валяющиеся где попало теннисные ракетки, бутылки, пепельницы и бокалы; затем работница подобрала свою хозяйственную сумку и удалилась. «Может, когда-то ее семейство владело этой деревней, — подумала романтически настроенная Энни. — А теперь для нее невыносимо приходить сюда и убирать в доме, в котором когда-то распоряжался ее дедушка». Но потом Энни пришло на ум, что Белый дом построен всего лет десять назад. А может, его выстроили на месте прежнего господского дома?

— Энни!

Энни вздрогнула. Мяч со свистом пронесся мимо нее.

— Ой! Извини, — сказала она с виноватым смешком. — Я не сосредоточилась.

— Гейм, сет и матч, — объявил Стивен.

— О нет! Я что, только что профукала матч? Какой кошмар!

— Шесть — один, — сказал Чарльз, подойдя к сетке, и протянул руку. — Большое вам спасибо. Хорошая получилась игра.

— Ты очень добрый, Чарльз, — сказала Энни. — Я уверена, что тебе было жутко скучно.

Теннис-party

Когда она выходила с корта, ей снова вспомнилась миссис Финч.

— Валерия, — спросила Энни, — а в деревне есть помещичий дом? Или был когда-нибудь?

— О, вы не знаете? — оживилась Валерия. — Старый господский дом купил папа. Он собирается устроить в нем гостиницу. Дом очень милый.

— А! — разочарованно отозвалась Энни.

— Мы будем переодеваться для ланча? — поинтересовалась Крессида.

— Ни за что! — ответила Кэролайн. — Разве что в бикини. Я была бы не против немного позагорать.

Игроки устроились на траве, а Патрик принялся разливать напитки.

— Я бы, пожалуй, попробовала «пиммз», — сказала Валерия. — Фруктовый коктейль просто чудный, — добавила она, обращаясь к Кэролайн. — Никак не пойму, что вы в него кладете.

— Да, прекрасно освежает, — согласился Дон, растянувшийся на траве. — И очень интересный запах.

Он блаженно улыбнулся. Энни снова взглянула на Валерию. На щеках ее играл румянец, и она, похоже, пребывала в превосходном расположении духа.

— Разрешите попробовать, — попросила Энни и отпила из бокала Валерии. — А, теперь я понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она, перехватив взгляд Кэролайн. Тафыркнула в свой

бокал.— Наверное, вам лучше этим и ограничиться, если вы собираетесь играть дальше.

— Чепуха,— весело произнес Дон.— Это ведь прием, разве нет? Я всегда говорил, что относиться к спортивной части таких мероприятий чересчур серьезно — это ошибка.

— Я слышал, вы собираетесь открыть гостиницу,— обратился к Дону Стивен.

— Чистая правда! Я нашел тут, в Биндоне, превосходное место. Ни больше ни меньше как старый помещичий дом. Он непременно будет пользоваться успехом. Но там еще нужно поработать.— На лицо Дона набежало облачко.— Недешевое получается дело.

— А вы раньше занимались гостиничным бизнесом?

— Кто — я? Нет! Я по образованию бухгалтер. Двадцать лет проработал в Сити, а потом подумал: да пошло оно все к черту, а я займусь чем-нибудь таким, что доставляет мне удовольствие. Хорошие вина, вкусная еда, компания круглый год — и красивый дом. Что может быть лучше?

— Звучит великолепно,— сказала Энни.— А когда вы открываетесь?

Дон резко выдохнул.

— Вообще мы думали открыться этой осенью,— сказал он.— Но похоже, что получится только к Рождеству. Еще надо доделать кое-что в отделке и подготовить рекламные проспекты. Об этом собирается позаботиться Валерия. Пос-

Теннис-парты

ле этого мне останется лишь найти повара и экономку. Приличного уровня. Ну, вы понимаете, о чем я.— Дон задумчиво взглянул на Энни.— Если услышите о ком-нибудь подходящем — или о любых хороших гостиничных работниках, — я буду очень признателен, если вы их пришлете ко мне. В одиночку я с этим не управлюсь!

Энни с удивлением посмотрела на обручальное кольцо на руке Дона.

— А мать Валерии?..

— Скончалась три года назад, — отрывисто ответил Дон. — Рак груди. Пятьдесят три года. Она отправилась к врачу сразу же, как только обнаружила опухоль, но было слишком поздно.

— Какой ужас! — воскликнула Энни. — Простите.

Дон резко взглянул на нее.

— Надеюсь, вы проходите обследование каждый год?

— Ну... — нерешительно протянула Энни.

— Своевременный осмотр мог бы спасти Ирену. Если бы она пошла на обследование.

— К сожалению, я плохо в этом разбираюсь, — успокаивающе произнесла Энни. — Но непременно узнаю побольше.

— Если потребуется, заплатите за обследование, — не унимался Дон. — Теперь я говорю об этом всем знакомым дамам. Пройдите обследование. Никогда нельзя быть уверенным. Я каждый год оплачиваю обследование Валерии. Для меня это, в некотором смысле, дань памяти Ирены.

Магелин Уикхем

— Как мило,— неловко произнесла Энни, а потом, осознав, что ее слова прозвучали не вполне уместно, добавила: — Я имела в виду, вы очень заботливы.

Тут их перебила Кэролайн.

— Ланч готов,— сообщила она.— Да, и учти, что не стоит меня за него восхвалять.— Это было адресовано Энни.— Я это не готовила — только заказала.

Энни с трудом поднялась — утренняя выпивка давала о себе знать. На ногах у нее были зеленые травяные пятна, а абрикосовый костюм помялся. «Ладно, все равно мне его не стирать — на то есть миссис Финч»,— подумала Энни и сама изумилась тому, в какой восторг привела ее эта мысль.

Дети уже были на террасе и накладывали на тарелки картофельный салат и чипсы.

— Может, попробуешь этот чудесный террин из овощей? — подбадривающе поинтересовалась Энни у Тоби.

Он сморщился и покачал головой.

— А может, грибной пирог?

— Да не волнуйся ты,— лениво произнес Стивен.— Пускай ест что хочет. Картофельный салат и чипсы. Это же само собой разумеется.

Первой наполнять свою тарелку принялась Валерия. При виде каждого блюда она раздражалась восторженными восклицаниями, а потом принималась громко рассуждать, что бы это такое могло быть.

Теннис-party

— О! Это похоже на рулет с вареньем! Но это явно какая-то закуска. Как оригинально! Что же там внутри? Шпинат?

— В шпинате куча железа,— заметил Дон.— Ага, а в салате зеленый лук. Знаете, он уменьшает уровень холестерина в крови. Такие вещи стоит знать. И повторять, кстати.— Он хохотнул.— Верно? Стоит повторить. Зеленый лук.

Валерия внезапно рассмеялась.

— О-ох, папа, ну что ты в самом деле! — Она взглянула на Крессида, стоящую на другой стороне террасы.— Что люди подумают?

Крессида ничего не думала ни о Доне, ни о его шутке. Она размышляла, когда назавтра они смогут уехать, чтобы это не выглядело грубостью. Предположительно утром они пойдут в церковь — и, несомненно, на завтра намечается большой воскресный обед,— но, на ее взгляд, вполне можно уехать сразу же после его окончания. Впрочем, нужно будет осторожно обсудить этот вопрос с Чарльзом. Он, похоже, чувствует себя превосходно: беспорядочно наваливает еду себе на тарелку и весело размахивает бокалом, болтая с Кэролайн. Крессиде редко доводилось видеть его держащимся так непринужденно. Он словно в отпуске. Но что же получается: повседневная жизнь рядом с ней для него — работа? На миг это предположение неприятно царапнуло Крессида; она подсознательно ощутила, что ответ может привести к выводу, который ей не понравится. Но

ее мысли — как и всякий раз, когда ее начинало что-то тревожить, — спутались и ушли в сторону от проблемы, перескочив на более земную тему: Чарльзу стоило бы надеть панаму при таком-то солнце.

Тут к ней приблизилась Валерия; она что-то жевала, и выглядело это непривлекательно.

— Вам непременно стоит перекусить, — заявила она. — Ланч восхитителен.

— Да-да, конечно. Через минутку.

— Вы, наверное, привыкли к таким вкусным блюдам, — продолжала Валерия. Она взглянула на Крессида с восхищением. — Но у вас такая чудесная фигура! Наверное, вы едите по чуть-чуть, чтобы не показаться невежливой.

Тут она умолкла, а Крессида пыталась сообразить за время возникшей паузы, о чем эта женщина вообще ведет речь.

— Я бываю на многих благотворительных мероприятиях, — сказала она в конце концов.

— Да, понимаю, — кивнула Валерия. — У вас, наверное, масса роскошных вечерних платьев?

Крессида огляделась в поисках путей к бегству.

— Простите, я, пожалуй, пойду положу себе чего-нибудь, — сказала она, натянуто улыбнувшись Валерии.

— Конечно-конечно, — жизнерадостно отозвалась Валерия. — Я сама собиралась пойти за добавкой.

Теннис-party

После ланча никому, похоже, не хотелось двигаться. Все развалились в креслах или на траве, кроме Крессиды — она сидела прямо, словно палку проглотила, и не знала, куда ей деться от заискивающих комментариев Валерии. Патрик огляделся по сторонам. Пожалуй, самое время. Он небрежно подошел к Чарльзу; тот валялся на спине, прикрыв глаза.

— Помнишь коллекцию гравюр, которую я начал собирать? — поинтересовался он. — У меня там пополнение.

Чарльз приоткрыл один глаз.

— В самом деле? И что же ты приобрел?

Патрик рассмеялся.

— Ты меня подловил. Я даже не помню авторов. Впрочем, оба они современные. Влетели мне в копеечку.

— И где ты их взял? — Теперь Чарльз полностью сконцентрировался на Патрике. — Мог бы и к нам зайти.

— Да, конечно, — отозвался Патрик. — Но я поддался порыву и не устоял. Это было в Лондоне.

Чарльз нахмурился.

— Думаю, тебя надули.

— Возможно. На самом деле я надеялся, что ты на них взглянешь, когда приедешь. И скажешь, сильно ли меня нагрели.

— Сейчас?

— Почему бы и нет? Пока все спят. — Патрик оглядел дремотное царство. — Сомневаюсь, что

нам удастся выгнать кого бы то ни было на корт в такую жару.

Чарльз неохотно поднялся на ноги.

— Ладно, пошли посмотрим и оценим размер нанесенного ущерба. Хотя я предпочел бы, чтобы ты сдерживал свои порывы до тех пор, пока не доберешься до Печатного центра. А уж там поддавайся порывам сколько угодно.

— Когда у меня в следующий раз возникнет такое настроение, я непременно припомню твои слова,— пообещал Патрик.

В кабинете Патрика было прохладно и тихо; несколько минут мужчины щурились, привыкая к полумраку. Чарльз опустился на кожаный диван.

— Приятное место,— сказал он и огляделся.— Готов поспорить, что ты не прочитал всю эту кучу книг.

— Нет, но собираюсь это сделать,— отозвался Патрик.— На самом деле изрядную их часть купила Кэролайн. Думаю, потому, что они хорошо смотрятся.

Чарльз пожал плечами.

— Почему бы и нет? Книги как разновидность визуального искусства. Думаю, у этой идеи есть будущее. И на кой нам трудиться читать то, что у них внутри? — Он откинулся на мягкую кожаную спинку.— Показывай свои гравюры.

— Вот.

Патрик положил на колени две небольшие гравюры без рамок. Чарльз выпрямился и внима-

Теннис-party

тельно осмотрел их, потом перевернул, тщательно исследовал подписи и изучил текстуру бумаги.

— На самом деле,— произнес он некоторое время спустя,— я бы сказал, что они очень даже неплохи. Где ты их взял?

— В «Мокэзинсе». На Бонд-стрит.

Чарльз вздохнул.

— Ну конечно. Я вот что тебе скажу, Патрик: тебе пошло бы на пользу, если бы ты не поддавался порыву, толкающему тебя делать покупки там.

Патрик пожал плечами.

— Сейчас самое время вкладывать деньги во что-нибудь. Я это понимаю, мои клиенты это понимают. В смысле — если я поступаю правильно, то ты поймешь, что делают они. Если бы только у меня были деньги, чтобы вложить их в какое-нибудь из известных мне коммерческих предприятий... В общем, я бы тогда не покупал сейчас какие-то там гравюры, а воротил большими делами.

Чарльз продолжал рассматривать гравюры, и Патрик счел за лучшее не мешать ему.

— Один из моих клиентов,— как бы между прочим заметил он,— пять лет назад вложил десять тысяч фунтов. В развивающийся сектор рынка. Сейчас у него сто тысяч.

— Да? — рассеянно откликнулся Чарльз.

— Он мне сказал: «Знал бы, что так будет,— вложил бы в десять раз больше и был бы теперь миллионером!» — Патрик рассмеялся. — А я

ему ответил: «А ты представляешь, каково мне? Я знал, что так будет,— но мне нечего было вкладывать!» — Патрик помолчал и продолжил: — И это правда. Те, кто знает верное дело, не могут этим воспользоваться — а тем временем все те, кто мог бы позволить себе такие вклады, совершенно не в курсе или ничего в этом не понимают.— Он негромко рассмеялся.— Вот ведь чокнутый мир.

Чарльз приподнял бровь.

— Да брось, Патрик. У тебя наверняка должны быть кое-какие средства, которые можно было бы вложить.

— Если бы! — отозвался Патрик.— Ты погляди по сторонам. Дом, машины, пони. Все это влетает в копеечку. Но я вот что тебе скажу: были бы у меня наличные — я бы точно знал, куда их вложить.— Он умолк.— Сигару?

Патрик подождал, пока Чарльз возьмет сигару, прикурит от ониксовой зажигалки, сделает несколько затяжек, и только потом продолжил.

— Есть один инвестиционный фонд,— доверительно произнес он,— который скоро положит все остальные на лопатки. Об этом пока еще никому не известно. Я даже своим клиентам еще не говорю. Мы приняли решение сказать об этом лишь некоторым. Нашим самым надежным клиентам. Как раз сейчас мы им об этом и сообщаем, пока они могут купить акции по дешевке. Эдакое вознаграждение за то, что они столько лет

Теннис-party

остаются с нами. И честно тебе скажу: все, кому мы об этом рассказали, уцепились за этот шанс — все до единого. Мы чуть не утонули в деньгах. — Он снова негромко рассмеялся. — Один так вообще забрал все свои деньги со всех вкладов, которые делал через нас, и вложил в этот новый фонд. Запарка из-за этого получилась — ты себе не представляешь! Настоящий кошмар для администрации. — Патрик выпустил струйку дыма. — Неплохие сигары, а?

Чарльз задумчиво взглянул на него.

— Я так думаю, — сказал он, — ты собираешься рассказать мне, чем этот фонд так замечателен. Было бы жестоко рассказать так много, а потом дать от ворот поворот.

— Вообще-то... — неуверенно протянул Патрик, — мне не полагается рассказывать об этом никому, кроме наших нынешних клиентов. Но поскольку ты любезно взялся проверить, не слупили ли с меня лишку за эти гравюры, — тут он рассмеялся, — я перед тобой в долгу. — Патрик вздохнул. — С чего бы начать? Ты, наверное, знаешь, что такое вклады в международные акции?

— Ценные бумаги и паи, — отозвался Чарльз.

— Верно, — согласился Патрик. — А что такое вклады в сделки на срок и опционы? Когда обещаешь купить акции в будущем, за определенную цену?

Чарльз пожал плечами.

— Смутно припоминаю, что когда-то мне что-то об этом рассказывали. И при чем это тут?

— Так вот этот фонд вкладывает половину в акции, рассчитывая, как будет меняться их цена, а вторую половину использует на рынке срочных сделок и опционов.

Чарльз покачал головой.

— Это чересчур сложно для меня. Я никогда не был силен в математике.

— А зря. Если бы разбирался в этом чуть больше, ты бы видел, какие в этом заложены потенциальные возможности. Если тебе интересно, я могу достать несколько графиков, объясняющих схему действия.

На лице Чарльза промелькнула настороженность.

— Да нет, пожалуй.— Он взглянул на часы.— Может, вернемся обратно?

— Конечно же, это не единственный наш фонд,— ненавязчиво перебил его Патрик,— хотя самый многообещающий. У нас есть некоторые фонды, надежные, словно дома,— мы про них говорим «простые, как кирпичики». Зависит от того, на какую степень риска готов пойти инвестор. Люди же все разные. Вот ты, например, насколько был бы готов рискнуть?

— Да я как-то и не знаю,— отозвался несколько сбитый с толку Чарльз.— Довольно интересный вопрос. Кто как относится к риску.— Он сделал затяжку.— Вообще-то я полагаю, что оставить Эллу и жениться на Крессиде было довольно рискованно. Но по прошествии времени это кажется самым естественным шагом.

Теннис-party

— Вот именно! — подхватил Патрик. — Это та самая проблема, с которой постоянно приходится иметь дело нашим менеджерам вкладов. Вкладывать деньги в определенные акции — это может казаться очевидным шагом, но иногда получаешь куда лучший результат, поступая нестандартно.

Но Чарльз его не слушал.

— Я иногда думаю, что же настолько привлекло меня в Крессиде, — медленно произнес он. — Наверное, то, что она совершенно не похожа на Эллу.

Он провел рукой по волосам и уставился вдаль с неожиданно печальным видом.

— У нас с Эллой были проблемы — ну, ты в курсе. В основном из-за Печатного центра. В смысле — мы ссорились из-за всяких глупостей. Она привыкла вести себя во время споров совершенно иррационально, и это доводило меня до бешенства. — При этом воспоминании Чарльз поморщился. — Элла — она такая страстная и так упрямо стоит на своем, что не в состоянии понять того, кто с нею не согласен — а может, даже и не хочет понимать. Она постоянно обвиняла меня в том, что я слишком апатичен, что занимаю выжидательную позицию. Она привыкла накидываться на меня с руганью. И однажды, когда ссоры наши были в самом разгаре, я встретил Крессиду. Она стала словно противоядием по отношению ко всем этим крикам и воплям. Крессиде никогда даже не повышает голос.

— Она очень утонченная леди,— согласился Патрик. Он выдержал паузу, прежде чем снова заговорить.— А каково ее отношение к риску? В смысле — в отношении вкладов. Потому что...

— Послушай, Патрик,— раздраженно перебил его Чарльз,— ты что, не видишь? Мне это не интересно. Я не сомневаюсь, что у тебя имеются распрекрасные инвестиционные планы и что масса возможностей ждет не дождется, пока ими кто-нибудь воспользуется. Но давай ты найдешь кого-нибудь другого, чтобы использовать его в своих интересах. Наши ценные бумаги доверены очень солидной конторе в Лондоне, и, боюсь, у нас нет свободных капиталов, чтобы вкладывать их в твои фонды.— Он дружелюбно взглянул на Патрика.— Ничего личного. Не обижайся.

Патрик смотрел на Чарльза, и перед глазами у него стояла черно-красная пелена. Не может быть, чтобы он потерпел настолько сокрушительное поражение, чтобы не получил хотя бы десять — двенадцать тысяч! Патрик подумал о тех сотнях тысяч, которые находятся у Чарльза под контролем, и при мысли о том, что ему не удалось ими поживиться, его сердце тяжело забилося. Слепую ярость, которую ему внушал сейчас Чарльз — сидит тут, понимаешь, и улыбается! — сдерживало лишь прагматичное соображение о том, что дело надо вести непринужденно и любезно. Будь на месте Чарльза кто-нибудь другой, он, возможно, использовал бы более агрес-

сивную тактику. Но Чарльз на этоотреагирует плохо. А всегда остается шанс, что его удастся чем-либо заинтересовать в будущем.

Подспудно Патрик чувствовал, что все испортил — и, быть может, навсегда. Чарльз относился к нему с превосходством, сквозь которое трудно было пробиться. Может, позднее они с Крессидой посмеются над тем, как хозяин дома пытался впарить им подозрительный инвестиционный план. При мысли об этом весь прагматизм вылетел у Патрика из головы. Чарльз уже порывался встать. Скоро он уйдет, и все шансы будут потеряны безвозвратно.

— И кто же управляет вашими вкладами? — неожиданно даже для себя поинтересовался Патрик.

Господи, что же он делает? Правило первое гласит: никогда не расспрашивай о своих конкурентах!

Чарльз удивленно взглянул на него.

— Вообще-то это Фонтейны. Частный банк. Патрик изобразил некоторое беспокойство.

— В самом деле? Они до сих пор берутся за управление инвестициями клиентов? Надо же!

Правило второе: никогда не пытайся опорочить своих конкурентов!

— Я слышал, у них сейчас трудные времена.

— В самом деле? — Чарльз посмотрел на него с легким удивлением. — Что ж, Патрик, могу тебя заверить, они очень хорошо служили нам

и семейству Крессиды вот уже пятьдесят лет как. А это семейство, несомненно, умеет присматривать за своими деньгами.

Он снова как будто собрался встать. Патрик смотрел на Чарльза в отчаянии, не в силах остановить его, но понимая, что стоит Чарльзу выйти из кабинета, и все будет потеряно.

Внезапно его внимание привлекла небольшая фигурка, бегущая через лужайку. Это была Джорджина; возбужденная, радостная и разгоряченная, она тащила охапку соломы и над чем-то смеялась вместе с Николь, спешащей за ней следом. При виде любимой дочери, которая была причиной всех его усилий и так мало осознавала это, Патрика охватила паника. Он заметил, что Чарльз все-таки встал и собирается уйти.

— Послушай только, что я тебе скажу, — выпалил Патрик. — Это недолго. Потом ты сможешь поговорить с Крессидой, и вы вместе над этим подумаете. Никакого давления.

Улыбка Чарльза померкла, и на лице проступило отвращение.

— Послушай, Патрик, я, кажется, ясно выразился. Я не заинтересован в том, чтобы покупать у тебя что бы то ни было. Наши деньги хорошо вложены. — Он поколебался, потом добавил: — И, честно говоря, мне кажется, что пытаться провернуть свои дела с кем-то из гостей — это немного чересчур. Встреча ведь планировалась как дружеская, разве нет? Прибереги свои диаграммы для офиса.

Теннис-party

Патрика захлестнуло жгучее ощущение унижения, и ему стало тяжело дышать.

— Что-то ты не был таким щепетильным, когда деньги нужны были тебе! — выкрикнул он.

Получилось это громче, чем Патрик предполагал, и вставший было Чарльз от удивления сел обратно.

— Когда тебе нужен был заем для твоего драгоценного Печатного центра, ты не был таким щепетильным, — повторил Патрик тише. — Преспойненько явился ко мне на кухню потолковать о делах.

— Да, я помню, — отозвался Чарльз. — Я был очень благодарен тебе и признателен до сих пор. Но это совсем другое дело.

— Ничего не другое! — возразил Патрик. — Сосед оказывает услугу соседу. Тогда у меня были деньги, а ты в них нуждался. Сейчас деньги есть у тебя, а я в них нуждаюсь. Я даже не прошу тебя одолжить их мне. Я лишь прошу присмотреться к инвестиционным планам, которые предлагаю.

Чарльз вздохнул.

— Послушай, Патрик, я не сообразил, что ты так нуждаешься в деньгах. В смысле, — он повел рукой, — ты как-то не похож на человека в стесненных обстоятельствах.

Патрик не ответил.

— Если я бы согласился вложить деньги в какой-нибудь из твоих фондов, — спросил Чарльз, — о какой сумме шла бы речь?

Несколько мгновений Патрик стоял недвижно. Его сигара погасла, и он осторожно прикурил заново. Когда та разгорелась, он поднял взгляд на Чарльза.

— Тысяч сто. Может, восемьдесят.

— Что? — На лице Чарльза отразилось искреннее потрясение. — Да ты рехнулся, приятель. Если тебе нужны такие деньги, ты обратился не по адресу. — Он умолк, задумавшись. — Я могу вложить в твои планы тысяч пять — если тебе это хоть сколько-то поможет. В крайнем случае — семь-восемь.

Лицо Патрика застыло. Семь-восемь тысяч. А ему не хватает восьмидесяти до поставленного задания. Такая сумма не стоит возни. Он с усилием поднял взгляд на Чарльза и улыбнулся улыбкой профессионала.

— Я просмотрю все поподробнее и подготовлю предложение, которое, как мне кажется, сможет тебя заинтересовать. Идет?

— Отлично. — Чарльз, похоже, вздохнул с облегчением. Он поднялся с дивана. — Ну что, пошли на улицу?

Патрик покачал головой.

— Нет, мне нужно кое с чем тут разобраться. Увидимся позже.

Они снова улыбнулись друг другу, и Чарльз вышел из кабинета. Патрик подошел к столу и тяжело опустил в свое кожаное вращающее-

Теннис-party

ся кресло. В верхнем ящике стола по-прежнему лежала папка с надписью «Чарльз». Скривившись, Патрик достал ее и разорвал надвое. А потом, чувствуя себя опустошенным, закрыл лицо руками и уронил голову на стол.

Глава 5

Стивен сидел в одиночестве на траве, держа тарелку с недоеденным куском торта со взбитыми сливками и фруктами, и чувствовал, что всего чересчур много для него. Чересчур много еды, чересчур много выпивки, чересчур много зависти. День тянулся и тянулся, и Стивен все отчетливее осознавал, какие здесь все богатые и успешные по сравнению с ним и Энни. Патрик и Кэролайн. Чарльз и Крессида. И даже Дон с его гостиницей в помещицьем особняке. На всех собравшихся лежал отпечаток если не богатства, то, по крайней мере, комфорта. Все они добились своих целей. В то время как он даже не выяснил, в чем же его цель.

Внезапно Стивен встал и стряхнул с колен крошки меренги. Энни сонно взглянула на него.

— Пойду немного пройдуся, — сказал он жене. — Я ненадолго.

Энни улыбнулась и снова закрыла глаза. Кэролайн и Дон, похоже, спали. Валерия оживленно

Теннис-party

болтала с Крессидой. Она умолкла было и взглянула на Стивена, и он прибавил шагу, чтобы она не успела спросить, куда это он направился, или, хуже того, не предложила составить ему компанию. У Стивена не было ни малейшего желания поддерживать разговор.

Он быстро, не думая ни о чем, шагал в дальний конец владений Патрика — за теннисный корт, за конюшню, — пока не уперся в ограду, отделявшую сад от луга, на котором паслись овцы. Тогда Стивен обернулся и внимательно оглядел представшую перед ним картину. Белый дом почти полностью скрывали деревья. Вокруг никого. Он был предоставлен сам себе.

Стивен вздохнул и тяжело опустился на траву. Он не хотел никого видеть — даже Энни. Ему казалось, будто все насмежаются над его неспособностью достичь такого успеха, как они, над его пыльной старой машиной, над неряшливой старой одеждой, над совершенно неопределенными карьерными перспективами. Даже Энни, хоть и не хотела обидеть его, с необычайной легкостью натянула на себя наряд Кэролайн. За ланчем они переговаривались и хихикали, словно школьницы. Его последний союзник в этом глянцево-м, чуждом мире переметнулся на сторону противника.

Где он допустил ошибку? В Кембридже он казался одним из избранных — способный, пользующийся любовью сокурсников студент, получивший с отличием степень бакалавра по исто-

рии, участвовавший в любительских спектаклях и дискуссиях и даже выступавший за университетскую команду по гребле. «Блестящий, всесторонне одаренный молодой человек, — так охарактеризовал Стивена в своем последнем отзыве его куратор. — Он далеко пойдет». Стивен остался в университете, собравшись заняться научной работой. Магистерскую степень он защитил успешно и принялся трудиться над докторской диссертацией. В те времена он по-прежнему был преуспевающим исследователем по сравнению с себе подобными, которые пытались сделать карьеру в рекламе, бухгалтерском деле и даже в розничной торговле. Стивен, оставшийся в Кембридже, жалел их, вынужденных заниматься такой неприятной работой. И подобные настроения преобладали в университете. Стивен до сих пор помнил, как его куратор слегка подсмеивался над одним из студентов их курса, который поступил на работу в известную фирму, занимающуюся приготовлением мясных блюд.

А что, черт подери, плохого в мясных блюдах? Теперь имя этого сокурсника Стивена часто появлялось на страницах газет в разделе деловых новостей, поскольку его компания процветала и поглощала одну фирму за другой. У другого приятеля Стивена, который «загубил себя» рекламным делом, нынче было собственное агентство. Недавно в газетах процитировали его слова: он заявил, что, по его мнению, выпускники вузов не

годятся для занимаемых ими мест. «Лучше дайте мне шестнадцатилетнего парня, — сказал он. — Мне осточертели эти умники, которые считают себя пупом земли лишь из-за того, что могут процитировать отрывок из Платона».

Четыре года Стивен делал выписки, посещал семинары и курировал нескольких студентов последнего курса, но его докторский труд так и не приобрел четких очертаний. На него навалились разочарование, одиночество и бедность. А потом он встретил Энни. Жгучее желание приобретать знания, публиковать научные работы, занять свое место в академических кругах сменилось более приземленными потребностями. Дом, машина, регулярный доход. Решение занять должность учителя в уютном Силчестере казалось единственно верным.

И некоторое время Стивен считал, что приккнул к большинству. Зарплата учителя была неплохой, отцовское наследство позволило им приобрести дом, и они вели вполне комфортную жизнь. Стивен подружился с знатоком местной истории, стал петь в местном хоре. Казалось, все его потребности удовлетворены. Лишь в последние года два что-то начало подтачивать его изнутри. Имена сверстников в университетских списках занятых должностей и в газетах, в разделах, посвященных финансам. Осознание того, что ему не суждено получить ни престижа научной карьеры, ни финансового вознаграждения, сопут-

ствующего карьере коммерческого работника. На несколько месяцев Стивен погрузился в депрессию. Неужто заурядная жизнь в пригороде — это все, к чему стремился он, один из самых ярких выпускников Кембриджа?

Именно Энни предложила, а потом и настояла, чтобы он вернулся к научным изысканиям. Стивен изредка ими занимался после того, как ушел из докторантуры; записи до сих пор лежали в папках; его изначальные идеи по-прежнему составляли суть этих записей. Если он возьмет годичный отпуск для научной работы или даже двухгодичный, убеждала его Энни, они вполне управятся за счет сбережений и ее подработки. Для него еще не поздно реализовать свои честолюбивые замыслы и стать доктором Фэйрвезером. Ее энтузиазм подтолкнул Стивена к тому, чтобы заново подать заявку, найти кое-какие источники финансирования, договориться со школой о годичном отпуске и заново приступить к диссертации.

Стивен сгорбился, обхватив колени руками. У него мучительно заныло под ложечкой — как и всякий раз, когда он думал о своей диссертации. Он не мог, решительно не мог признаться Энни в том, что труд его стоит на месте, а вовсе не продвигается вперед, что он боится провала и что ему некому сознаться в этом. Стивен уставился в землю, чувствуя себя глубоко несчастным. Не совершил ли он новую ошибку? Может, ему следова-

Теннис-party

ло и дальше преподавать в школе? Или, может, лучше было бы заняться какой-нибудь более прибыльной деятельностью? Закончить бухгалтерские курсы? Дон, чертов задавака Дон с его идиотской дочерью, похоже, прекрасно устроился благодаря бухгалтерскому делу. И почему в Кембридже все потешались над этим занятием? Патрик, который вообще никогда не учился в университете, заработал состояние. У Чарльза, возможно, были когда-то финансовые трудности, но сейчас у него все в порядке. Все движутся ввысь, ко все большему благополучию, а они с Энни остались позади.

У Стивена начали затекать ноги, и он встал. Надо вернуться, пока остальные не задались вопросом, куда он подевался. Стивен неохотно двинулся обратно к дому. Волосы у него растрепались, а к рубашке пристали травинки.

Он прошел мимо теннисного корта, стараясь держаться подальше от террасы, и вышел к фасаду дома. Надо привести себя в порядок, прежде чем показываться на глаза людям. Войдя в прохладный дом, Стивен увидел Чарльза, выходящего через боковую дверь в конце холла. Он остановился и взглянул на себя в зеркало.

— Стивен! А я и не слышал, как ты вошел!

Стивен удивленно обернулся. В дверях кабинета стоял Патрик.

— Да я подумал, что стоит быстренько умыться и причесаться,— сказал Стивен.— Явно не помешает.

— Пошли выкурим по сигаре. Кажется, когда ты тут был в прошлый раз, этой марки у меня не было. Мне интересно, что ты скажешь.

— Вряд ли я чем-нибудь тебе помогу, поскольку курю сигары, только когда бываю здесь,— ответил Стивен куда более резко, чем намеревался.

Патрик взглянул на него с удивлением.

— Все равно пойдем.

— Извини,— сказал Стивен, переступая порог длинной полутемной комнаты.— Я, кажется, перегрелся на солнце.

Патрик хлопнул его по плечу.

— Да брось, Стивен! Мы же друзья. Если ты не можешь пожаловаться мне, так кому же еще?

Стивен опустился на кожаный диван. Пепельница на столике рядом с диваном была полна.

— Ты никак и у Чарльза просил совета?

— Что?

Усевшийся Патрик с удивлением взглянул на Стивена. Тот указал на пепельницу.

— Насчет твоих новых сигар. Я только что видел, как он выходил.

Патрик помедлил, прежде чем ответить.

— А! Да. Я спросил, как они ему. Но на самом деле мы, вообще-то, говорили о делах.

— Опять о Печатном центре? Я думал, у него с деньгами все в порядке.

Патрик улыбнулся, словно вспомнил что-то приятное.

Теннис-парти

— Нет, не об этом. О небольшой возможности, которую я хотел ему предложить. Он мог бы неплохо заработать на этом.

— А! — Стивен прикурил. — Так старина Чарльз заделался капиталистом? Не очень это похоже на того Чарльза, которого мы знали и любили.

Патрик пожал плечами.

— На самом деле для этого не надо быть капиталистом. Всякий мог бы воспользоваться всеми выгодами этого предложения, если бы знал о нем. Ты видел лицо Чарльза?

Стивен покачал головой.

— Жаль. Мне даже захотелось измерить, насколько широка его ухмылка.

— А почему? — с любопытством поинтересовался Стивен. — Что это за фантастическая возможность?

Патрик скривился.

— Это все очень скучно. Чисто технический вопрос. Тебе будет неинтересно.

— А почему, собственно? — Уязвленный, Стивен взглянул на Патрика. — Откуда ты знаешь, что у меня нет кучи денег, которые только и ждут, чтобы их во что-нибудь вложили?

— А я и не знаю. А у тебя они есть?

— Нет.

— Тогда ладно. — Патрик с задумчивым видом выпустил струйку дыма. — Хотя, конечно,

это не совсем так,— сказал он.— У тебя есть куча денег.

— Что?

— Они не лежат на виду, но если они очень нужны, так они у тебя есть.

— Ты о чем?

— О твоём доме.

— О каком? Номер восемнадцать по Сеймур-роуд?

— Должно быть, он сейчас стоит немало.

— Наверняка,— ответил Стивен.— Но ты забыл — мы там живём. Если мы его продадим, нам придется покупать другой.— Он рассмеялся.— Мы люди простые, Патрик. У нас не завалилось лишней недвижимости на продажу.

— Я знаю. Но тебе вовсе не нужно продавать дом, чтобы использовать связанные с ним возможности.— Патрик взглянул на Стивена в упор.— Вы ведь ничего не выплачиваете за дом, верно?

— Ничего,— подтвердил Стивен.— Отцовского наследства как раз хватило на полный расчёт.

— И когда это было, десять лет назад? Думаю, с тех пор он изрядно подорожал.

Стивен молча слушал его.

— Я, собственно, что хочу сказать,— произнес Патрик.— Если, скажем, ты решишь, что тебе нужны деньги, ты всегда можешь взять их под залог дома.

Теннис-парти

— Это чересчур,— сказал Стивен.— Если я чему и радуюсь, так это тому, что нам не нужно волноваться из-за платежей за дом.

— Понимаю,— отозвался Патрик.— Я сказал это на тот случай, если тебе вдруг потребуется крупная сумма. Например, на случай какого-нибудь чрезвычайного происшествия.

— Это и будет чрезвычайное происшествие! — воскликнул Стивен.

— Или, если ты решишь, что сможешь на этом заработать,— добавил Патрик.— Но я думаю, это не твоя сфера деятельности.

— Что именно? — поинтересовался Стивен.

— Одно дело, которым занимаются некоторые мои друзья в Сити,— ответил Патрик.— Я и сам бы этим занялся, если бы и так не сидел в выплатах по самые уши. Суть в том, чтобы взять деньги под залог дома и вложить их. В результате, до тех пор пока проценты за вклад будут превышать выплаты, ты в выигрыше.— Он усмехнулся.— Скажу только, что превысить их — не проблема.— Патрик умолк и затянулся.— Но это все весьма влиятельные люди. Они знают, где искать подходящие возможности.

— Этим и занимается Чарльз? — спросил Стивен.

— Примерно,— отозвался Патрик.— Боюсь, я не могу об этом говорить — глупо, конечно, поскольку все мы друзья, но правила есть прави-

ла.— Он встал.— Кстати, ты так и не сказал, как тебе эти сигары.

— Отличные сигары,— рассеянно произнес Стивен.

Он оглядел роскошную комнату, уставленную шкапами с книгами, вдохнул запах кожи и дыма дорогих сигар и принялся мысленно играть с недавно прозвучавшими словами. Капиталовложения, прибыль, деньги. Вот что сегодня является настоящей жизнью. Жизнью, в которой до сих пор для него не было места. Когда кто-нибудь в последний раз разговаривал с ним о том, как делать деньги? Он всего лишь школьный учитель, безденежный научный работник, вечный изгой для этого стремительного мира финансов. Но это еще не поздно изменить.

— Скажи-ка,— осторожно поинтересовался Стивен,— если, допустим, я возьму залог под дом и вложу деньги туда же, куда их вкладывает Чарльз, смогу ли я перекрыть проценты выплат? Заработаю ли я на этом?

Патрик засмеялся.

— Ну ты и спросил! Тебе хочется знать, можно ли на этом сделать деньги? Один мой клиент вложил пять лет назад десять тысяч фунтов в инвестиционный план такого рода. Сейчас у него в кармане сто тысяч. Он мне сказал: «Знать бы заранее, что так получится, я бы вложил вдесятеро больше и был бы теперь миллионером!»

— В самом деле? Всего десять тысяч? — безразличным тоном пробормотал Стивен.

Теннис-party

— Но суть в том,— добавил Патрик,— что ему следовало бы вложить в десять раз больше. Тогда ему никогда больше не пришлось бы работать. В твоём случае,— он взглянул на Стивена,— я бы рекомендовал минимум восемьдесят тысяч. Это, пожалуй, треть стоимости вашего дома. Верно?

Стивен пожал плечами.

— Без понятия.

— Наш дом ушел за двести двадцать тысяч. А с тех пор цены выросли минимум на двадцать процентов. Если ты, например, вложишь восемьдесят тысяч, это будет всего лишь треть наличествующего у тебя капитала. На самом деле это будет преуменьшенный вклад — но, возможно, тебе не хочется рисковать.— Он взглянул на Стивена.— Знаешь, у меня тут есть кое-какие диаграммы. Возможно, тебе любопытно будет взглянуть, о чем я толкую. А пока, может, выпьем бренди?

Стивен откинулся на кожаную спинку дивана и затаился. Он вдруг почувствовал себя энергичным и умудренным опытом. Чарльз — не единственный, кто способен вести дела с Патриком. Он с удовольствием понаблюдав, как Патрик плеснул в два бокала по щедрой порции бренди, а потом уселся с умным видом, когда Патрик подошел к нему с пачкой разноцветных диаграмм. Стивен пригубил бренди.

— Приступай,— сказал он.— Я весь внимание.

По мере того как Валерия изливала на нее смесь дурацких замечаний и льстивых вопросов своим громким, писклявым голосом, Крессида сжимала бокал все сильнее и сильнее. Кэролайн и Энни негромко болтали между собою с такой уютной доверительностью, что было абсолютно невозможно присоединиться к их беседе. Стивен пошел пройтись. Чарльз куда-то исчез вместе с Патриком, а Дон отправился домой кормить собак. Спасения не было.

— Мне очень нравится ваше кольцо, — сказала Валерия. — Это настоящий бриллиант?

Крессида кивнула, ощутив вдруг совершенно несвойственное ей желание рявкнуть: «Нет, это подделка!»

— Я так и думала, — сказала Валерия. Она взглянула на свои пухленькие белые руки. — Я никогда не носила колец.

«Неудивительно!» — подумала Крессида, с отвращением взглянув на похожие на слизняков пальцы Валерии.

— Вообще-то... а можно мне его померить? — выпалила Валерия; в ее глазах, устремленных на Крессида, внезапно появился жадный блеск.

Она выставила палец, и Крессида содрогнулась.

— Извините, мне нужно найти Чарльза, — сказала Крессида и встала.

После утренней партии в теннис тело плохо ее слушалось.

Теннис-party

Валерия разочарованно отвела взгляд. Кэролайн, подняв голову, заметила спасающуюся бегством Крессида и крикнула ей вслед:

— Да зачем тебе Чарльз? Ты же его каждый день видишь! Он тебе еще не надоел? — и ухмыльнулась Крессиде.

Та ответила ей взглядом, полным ледяной ярости.

— Мне нужно кое-что ему сказать, — ровным тоном произнесла она. — Прошу прощения.

Когда Крессида вошла в дом через двери на террасе, сзади раздалось хихиканье Кэролайн и возглас Валерии:

— Крессида! Чарльз здесь! Он идет к конюшне! Крессида!

Крессида не обратила на них внимания. Она быстро прошла через холл. Внезапно ей отчаянно захотелось укрыться в спальне и обрести хоть какой-то покой. Из-за одной из дверей доносились голоса, она узнала Патрика и Стивена. Но ее теннисные туфли ступали по ковру бесшумно, и вскоре Крессида благополучно закрыла за собой дверь отведенной им комнаты. Она опустилась на кровать и скривилась, почувствовав скользкость атласа.

Крессида посмотрела на часы. Всего три часа! Еще минимум двадцать четыре часа провести здесь. Это чересчур! Но она пообещала Чарльзу, что постарается пересилить себя. Он не очень обрадуется, если услышит, что она прячется в до-

ме, игнорируя его друзей. Надо будет сказать, что у нее была причина уйти в дом. Что ей нужно было закончить разборку вещей — взгляд Крессиды упал на полупустой чемодан Чарльза, — и просмотреть письма. Конечно.

Крессида прошла в ванную — довольно неплохо обустроенную, как она неохотно призналась сама себе, — и ополоснула ноги холодной водой. Чувствуя себя посвежевшей, она вернулась в комнату и принялась раскладывать вещи. Письма она оставила напоследок — сперва решила разложить по местам все рубашки, носки, бритвенные принадлежности и запонки Чарльза. Закончив с этим, Крессида со вздохом уселась за розовый туалетный столик в форме боба и начала вскрывать конверты.

Хрустящий белый конверт с лондонским штемпелем она оставила напоследок, хотя он был адресован ей, а не Чарльзу и не им обоим. Все равно это какое-нибудь нудное извещение для держателей акций или какая-нибудь выписка счета, которую она сразу же передаст Чарльзу. Когда Крессида вскрыла это письмо, мысли ее были по-прежнему заняты счетом за одежду, который она обнаружила в предыдущем конверте («Это за кремовый костюм или за платье для коктейлей? Чарльз ведь непременно спросит»), и несколько мгновений она не могла понять представшие ее взгляду слова.

Однако постепенно они начали доходить до ее сознания, одно за другим привлекая ее внима-

ние и соединяясь, так что Крессида вскрикнула, наполовину от нетерпения, наполовину от ужаса, зажмурилась, потом открыла глаза и заставила себя медленно перечитать письмо с начала.

Когда она дочитала письмо в первый раз, ей показалось, что ее сейчас стошнит. С привычным самообладанием она сложила листок, аккуратно спрятала его в конверт и положила к остальным. Несколько мгновений Крессида сидела неподвижно, глядя на свое отражение в зеркале и напоминая себе, что она полностью невежественна в финансовых вопросах. Явно это какая-то ошибка.

Но прежде чем она успела до конца проговорить эту мысль, ее руки снова схватили конверт и вскрыли его, и Крессида снова уставилась на лист бумаги; руки у нее дрожали, сердце бешено колотилось, взгляд скользил от заголовка наверху страницы до подписи внизу и обратно, оставливаясь сперва с недоверием, а затем с ужасом на цифрах — фунтах стерлингов, — черным по белому напечатанных в середине страницы.

Крессида на мгновение прикрыла глаза, раскачиваясь на стуле, и выбросила все из головы. Потом снова открыла глаза. Письмо по-прежнему было зажато у нее в руке; сумма в середине страницы все так же глядела на нее и словно бы увеличивалась в размере до тех пор, пока не заслонила все вокруг. Внезапно Крессиду пронзила острая, унижительная боль; она схватилась за живот и кинулась в ванную.

Когда она вышла оттуда, у нее дрожали и подгибались ноги. Крессида посмотрела на себя в зеркало и с ужасом увидела, что лицо у нее белое, губы пересохли и вся она какая-то помятая. Ей хотелось лечь и свернуться клубочком. Она опустилась на пол и несколько секунд сидела не шевелясь. Но продолжала все осознавать и не могла расслабиться. Она в чужом доме. Вдруг кто-нибудь зайдет и увидит, как странно она себя ведет? Затем Крессиду посетила еще более тревожная мысль. Письмо до сих пор лежало на туалетном столике, у всех на виду. Во внезапном приступе паники она принялась оглядываться по сторонам, пытаясь найти, где бы спрятать письмо до того момента, когда она сможет показать его Чарльзу. При мысли о Чарльзе у нее снова скрутило желудок, и Крессида наполовину ползком, наполовину бегом устремилась в ванную.

Выйдя оттуда, она думала прежде всего о том, как бы убрать письмо с туалетного столика. Она принялась слабо оглядывать комнату. Куда бы его спрятать? Тот ли человек Кэролайн, чтобы держать прислугу, которая разбирает постели на ночь? Никогда нельзя точно знать, какие именно излишества позволят себе подобные выскочки. Через некоторое время Крессида спрятала его за подкладку своей косметички. И тут же в приступе паранойи представила, как Кэролайн заходит занять какую-нибудь косметику, вертит в руках косметичку, громко произносит: «А у вас

Теннис-party

тут что-то торчит!» — вытаскивает письмо, читает, с ужасом смотрит на нее...

Разозлившись на себя за эти глупые и истерические мысли, Крессида убрала письмо с глаз долой и почувствовала некоторое облегчение. Она похлопала себя по щекам, причесалась и побрызгала туалетной водой за ушами. Потом энергично намазала губы гигиенической губной помадой и несколько раз глубоко вздохнула, как ее учили на занятиях по ораторскому искусству, когда ей было одиннадцать лет.

Но когда Крессида подошла к двери, она обнаружила, что утратила присутствие духа. Она дважды бралась за дверную ручку и дважды отдергивала руку; она не находила в себе сил покинуть свое временное прибежище. За дверью находились люди, реальный мир, Чарльз, дети. По эту сторону двери была лишь она сама, постель с розовым атласным бельем и письмо — надежно упрятанное в ее косметичку и пока что как будто не существовавшее. До тех пор, пока она не скажет о нем кому-нибудь.

Крессида посмотрела на часы. Половина четвертого. Прежде ей отчаянно хотелось, чтобы время шло побыстрее. Сейчас же Крессида мечтала, чтобы оно остановилось. Нужно будет поговорить с Чарльзом сегодня ночью, когда они лягут в постель — там их никто не подслушает. А до тех пор — на протяжении нескольких часов — ей, возможно, удастся делать вид, будто ничего не

Магелин Уикхем

произошло. Но придется демонстрировать свою обычную уверенность в себе. Делать хорошую мину при плохой игре. Собрав прежде неведомые ей запасы решимости, Крессида крепко сжала дверную ручку и вышла в коридор. Глядя перед собой невидящим взглядом и стараясь ни о чем не думать, она направилась в сад.

Глава 6

Кэролайн и Энни прихватили с собой кувшин «пиммза» и пошли к корту. Там Джорджина учила Николь играть в теннис, а Тоби радостно устроился в судейском кресле. Николь неуклюже сжимала в руке легкую ракетку и безрезультатно махала ею в сторону подаваемых мячей, лишь изредка попадая. Но Джорджина терпеливо продолжала подбадривать Николь.

— Твоя дочка — просто чудо, — сказала Энни.

— Как и твоя, — улыбнулась Кэролайн. — Николь добилаь замечательных результатов. Ты, должно быть, в восторге. В смысле — думала ли ты, что она сможет играть в теннис?

— Мы никогда не теряли надежды, — отозвалась Энни. — Но должна признать, бывали времена, когда я сомневалась, что Николь сможет вести нормальную жизнь. — Несколько мгновений она молча смотрела вдаль и лишь потом продолжила: — У нее потрясающая сила воли. Она

настолько полна решимости добиться успеха, что по сравнению с ней любой покажется слабаком. Целеустремленности у нее больше, чем у нас с тобой, вместе взятых.

— И ведь она умна, верно? — спросила Кэролайн.

— О да! — Энни просияла. — Думаю, при других обстоятельствах ее назвали бы одаренным ребенком. Но в нынешней ситуации это звучало бы чересчур иронично.

Они невольно взглянули на вывернутую ногу Николь, на плохо слушающуюся руку и на сияющее лицо девочки.

— Бедняжка, — сказала Кэролайн. — А как с ней обращаются в школе?

— В общем, хорошо, — ответила Энни слегка виноватым тоном. — Должно быть, для них это нелегко. Она такая смышленная, так рвется учиться — но, когда приходится записывать, она, конечно же, сильно отстает от других. И от этого разочаровывается в себе. А кроме того, — с ноткой горечи добавила Энни, — некоторые учителя почему-то считают, что хороший почерк превыше всего.

— Звучит не очень-то оптимистично, — сказала Кэролайн. — Не обижайся.

Энни пожала плечами.

— А что тут поделаешь? Они перегружены, у них нет времени на ребенка, который не соответствует их требованиям. Я стараюсь, как могу,

Теннис-party

помогать Николь дома, но... А как дела у Джорджины? — сменила она тему.

— О, в полном порядке, — ответила Кэролайн. — Кажется, собирается в следующем триместре стать старостой в младшем классе, что бы это ни означало. Кажется, она малость практикуется на бедной Николь. Что-то раскомандовалась.

— За Николь я бы не стала беспокоиться, — со смехом отозвалась Энни. — Ей это нравится. Она запоем читает всякие книжки про пансионы. И пообщаться с человеком, который и вправду имеет дело со всем этим — сундучки, посылки с гостинцами из дома, дортуары и всякое такое, — для Николь это блаженство.

— Тогда скажи ей, что она может в любой момент прийти и собрать сундучок Джорджины, — сказала Кэролайн, — поскольку в конечном итоге этим вечно приходится заниматься мне.

— Но ведь это работа для матери, — сказала Энни, улыбнувшись Кэролайн, — и еще полагается спрятать какой-нибудь маленький сюрприз в ночную рубашку. Моя мама всегда так делала.

— Ну и глупо, — откликнулась Кэролайн. — Как только Джорджина перейдет в старшие классы, будет собирать свой сундучок сама или пусть обходится без него. И вообще у нее это получается намного лучше, чем у меня. Я просто не понимаю, откуда у нее столько проворства.

Они посмотрели на Джорджину, занятую подборанием мячей.

— Так она собирается остаться в школе Святой Екатерины? — спросила Энни.

Кэролайн пожала плечами.

— Мы присматривались к другим окрестным школам, но, похоже, нет никакого смысла переводить ее куда-нибудь. Школа нормальная, Джорджина может брать туда с собой своего пони, персонал там неплохой — может, немного чопорный, но в целом приличный. И она привыкла к этому месту.

— Да, школа чудесная, — согласилась Энни. — Помнится, я там как-то раз побывала, когда Николь была еще совсем крошкой.

Кэролайн взглянула на нее с удивлением.

— Правда?

— Мы всегда хотели отдать ее в частную школу, — объяснила Энни, — когда ей исполнится восемь лет. Мы думали, что это даст нам возможность обоим зарабатывать. И Тоби тоже хотели отдать в пансион. — Она пожала плечами. — Но все пошло не совсем так, как планировалось. Сперва этот паралич. А потом Стивен вернулся в докторантуру.

— И сколько он еще там будет? Он же пишет свою диссертацию хрен знает сколько.

Энни пожала плечами.

— Смотря как пойдет. Еще год или, может, два.

— О господи! Я не представляю, как ты с этим справляешься. Я бы не смогла. В смысле — ни работы, ни денег. Я бы свихнулась.

Теннис-party

— Он понемногу преподает,— сказала Энни,— а я беру корректуру, когда есть время. На самом деле все не так уж плохо. За дом нам платить не надо и за школу тоже, так что расходы у нас не особо велики.

Кэролайн передернула плечами.

— Не хотелось бы мне оказаться на твоём месте. А ты не можешь убедить Стивена плюнуть на эту диссертацию и вернуться на работу?

— Он хочет этим заниматься,— твердо сказала Энни.

Тут сзади послышался какой-то шум, и они обернулись. Крессида спустилась по тропинке, ведущей к корту, и остановилась, глядя, как играют девочки. Кэролайн с Энни показалось, будто Крессида пробирает дрожь. В лице у нее не было ни кровинки, а улыбка выглядела натянутой.

— Привет, Крессида,— осторожно произнесла Энни и, колебавшись, добавила: — Ты нормально себя чувствуешь?

— Ты выглядишь ужасно,— заявила напрямик Кэролайн.— Должно быть, перегрелась на солнце. Присаживайся.— Она пододвинула кресло и приглашающе прихлопнула по нему.— Выпей «пиммза». Или тебе чего-нибудь покрепче?

— Если ты и вправду перегрелась на солнце, тебе не стоит пить спиртное,— вмешалась Энни.

— Так это от солнца? — Кэролайн повнимательнее пригляделась к лицу Крессиды.— Пого-

ди-ка минутку. Тебя тошнит? А не может ли случиться, что ты...

Крессида непонимающе уставилась на нее.

— Беременна,— решительно выговорила Кэролайн.— Нет? Говори скорее, а то я сейчас налью тебе этого чудного напитка, а ты заявишь, что тебе нельзя.

Крессида резко выдохнула.

— Не волнуйтесь,— ответила она.— Я могу пить все, что захочу.

— Хорошая девочка,— одобрительно сказала Кэролайн. Она наполнила бокал Крессиды и оценивающе взглянула на нее.— Ну вот, расслабься и не принимай это все близко к сердцу. Мне всегда казалось, что эта затея с игрой в теннис неудачна. Не понимаю, почему бы людям просто не провести выходные вместе. Но Патрик настоял на этом дурацком турнире и норовит превратить все в паршивый Уимблдон.

— Так нечестно! — запротестовала Энни.— Мы же сыграли всего два матча. А мне нравится играть в теннис. А тебе? — дружелюбно спросила она, повернувшись к Крессиде.— Ты замечательно играешь. Тебе наверняка это нравится.

— Что? — переспросила Крессида, встревоженно подняв взгляд.— Извините, я не расслышала.

— Да нет, ничего важного,— ответила Энни, взглянув на Кэролайн.

— Эгей, что это вы тут сидите и бездельничаете?

Теннис-party

Это оказался Патрик, сияющий, веселый и пахнущий сигарами. За ним шел Стивен, определенно очень довольный собой.

— Вы что, сигарами обкурились? — поинтересовалась Энни, бросив на Стивена поддразнивающий взгляд.

— Сигары и бренди, — отозвался Патрик, оживленно потирая руки. — То, что надо перед партией в теннис.

— Не представляю, как в вас столько влеза-ет! — воскликнула Энни. — Я и без того словно пьяная.

— Да у вас, женщин, не хватает выносливости, только и всего, — заявил Патрик. — Верно, Стивен?

— Я бы так не сказал, — отозвался Стивен.

Вид у него был на редкость жизнерадостный, и Энни подумала, что ей, возможно, стоит держать дома запас бренди и сигар.

— Давайте-ка вернемся к делам, — сказал Патрик. — Где наша схема турнира?

Кэролайн громко застонала.

— Ага, — сказал Патрик, просмотрев листок. — Крессида и Чарльз против Дона и Валерии.

— Хм, Дона нет, Валерии нет и Чарльза тоже, — констатировала Кэролайн. — Все отлично.

— Кто там сказал, что Чарльза нет?

Чарльз вынырнул из-за угла живой изгороди, неся одного из близнецов. За ним показались

Мартина со вторым близнецом на руках и Валерия.

— Мы смотрели на вашего чудесного коня,— вступила Валерия.— Такой очаровашка!

— Это лошадь,— сказала Кэролайн.— А где ваш отец? Вам сейчас полагается играть.

Валерия забеспокоилась.

— Кажется, он пошел домой покормить собак. Может задержаться.

— Дело в том,— заявила Кэролайн, озорно подмигнув Валерии,— что, если он не вернется вовремя, мы запишем вам проигрыш в этом матче, за неявку. Разве только вы согласитесь сыграть против Чарльза и Крессиды в одиночку.

Валерия беспокойно взглянула на тропинку.

— Я уверена, что он скоро придет. Может, мне ему позвонить?

— Почему бы и нет? — дружелюбно произнесла Кэролайн.— Вы знаете, где телефон.

Валерия стремительно скрылась, и Энни захихикала.

— Зачем ты это сказала? — удивился Патрик.— Мы вовсе не спешим.

— Ну и что? Это Дону за то, что он такой зануда.

Чарльз подошел к Крессиде, чмокнул ее и присел на подлокотник ее кресла.

— Я слышал, ты меня искала,— сказал он.— Что-то важное?

— Вообще-то нет,— пробормотала Крессиды.

Теннис-парту

— Знаешь,— продолжал Чарльз,— я думаю, это неплохая идея — купить мальчикам пони, когда они подрастут. Возможно, мы переедем в дом попросторнее, с большим участком. Ты видела пони Джорджины?

Крессида оцепенело качнула головой. Глаза Чарльза засияли энтузиазмом.

— Замечательное животное,— сказал он.— А Джорджина очень недурно ездит. Не сомневаюсь, что через несколько лет она будет участвовать в соревнованиях. Мне бы хотелось, чтобы и мальчишки когда-нибудь научились верховой езде.

— Соревнования — дорогое удовольствие,— сухим, скрипучим голосом произнесла Крессида.

Она посмотрела на свои руки и заставила себя не думать про спальню с розовым атласным покрывалом, косметичкой и письмом.

— Естественно,— удивленно отозвался Чарльз,— но то же самое можно много о чем сказать. В любом случае это только мои мысли.

Он вскочил и подобрал ракетку.

— Эй! — крикнул Чарльз Джорджине и Николь, которые до сих пор находились на теннисном корте.— Никто не хочет сыграть со мной?

— Привет, красотка.— Стивен подошел к Энни сзади и обнял ее за плечи.— Правда, она смотрится потрясающе в этом наряде? — спросил он у Кэролайн.

— Не то слово,— отозвалась Кэролайн.

— Я ей велел узнать у тебя, где ты его покупала,— сказал Стивен.— Думаю, моя жена заслуживает парочки новых костюмов для тенниса.

Энни обернулась и взглянула на Стивена.

— Ты, похоже, перебрал бренди,— сказала она со смехом, но несколько озадаченно.

Она посмотрела Стивену в глаза. Те странно блеснули, и взгляд был какой-то бегающий. Будь Стивен ребенком, Энни решила бы, что он перевозбудился, и отправила в постель. Но что привело ее обычно сдержанного мужа в такое боевое настроение?

Стивен заметил, что Энни смотрит на него с недоумением, но избегал ее взгляда. Он чувствовал себя уверенным, бодрым и энергичным. Он посмотрел на Чарльза, бегающего по корту и дуррачащегося с детьми, и не ощутил привычного укола зависти. Потом весело оглядел своих друзей, облаченных в дорогие наряды, отмечая их золотые наручные часы и элегантные ракетки, и снова не почувствовал зависти. Наконец-то он стал одним из них. Он тоже, как Чарльз или Дон, способен заключать крупные сделки, покуривая сигару, говорить о инвестициях и понимающе подмигивать Патрику, когда тот ведет речь о вкладах, процентах и управлении капиталом.

Подпись под той бумажкой дала Стивену такой выброс адреналина, какого он не испытывал с тех пор, как во времена учебы в Кембридже стал первым на курсе. Патрик извлек красивую ав-

торучку от Кросса и предложил ему присесть за стол. Он ласково смотрел, как Стивен проглядел отпечатанный договор, выискивая... Что? Стивен сам этого толком не знал. Потом Патрик посоветовал Стивену взять договор с собой и подумать, но Стивен лишь весело отмахнулся.

— О чем тут думать, Патрик? Кем я хочу быть, бедняком или богачом? Кажется, я уже достаточно об этом раздумывал.

Патрик понимающе усмехнулся и налил еще бренди. Стивен взял бокал, бросил последний взгляд на договор и потом быстро, невозмутимо, как бы между делом подписал его. Будто подобные сделки были для него самой обычной вещью.

Стивен крепче обнял Энни, бегло размышляя о сумме, на которую они с Патриком подписали договор. Патрик заверил его, что деньги от залога дома прекрасно ее покроют и что он все уладит в понедельник, как только доберется до офиса. И конечно же, как объяснил Патрик, ни в коем случае не нужно думать об этом в сопоставлении с текущими расходами. Серьезные капиталовложения — это совсем не то, что, скажем, оплата счетов за газ или даже покупка машины. Патрика совершенно явно не взволновала сумма, которую Стивен ему доверил. Он, очевидно, привык к таким — если не большим — деньгам.

Ощущение могущества, которое вдруг вызвала у Стивена сделка на такую крупную сумму, оказалось необыкновенно сильным. Он внезапно

вспомнил холостяцкую вечеринку, на которую его пригласил однажды во времена учебы в Кембридже приятель, чей отец занимался гостиничным бизнесом. Они вшестером тогда остановились в большом лондонском пятизвездочном отеле — все расходы были оплачены. К концу пребывания удовольствие от возможности подписывать крупные счета из бара, выбирать стейки на заказ и опустошать мини-бар в номере вскружила Стивену голову. После того как они расплатились и выехали, Стивен задержался в магазине при отеле, оценивающе перебирая тонкие свитера из кашемира и серебряные пивные кружки и отчаянно желая еще пожить в этом мире богачей. Непомерные цены начали казаться ему приемлемыми, при всей их несоразмерности с его студенческим грантом и недельным бюджетом. Он зашел настолько далеко, что купил возмутительно дорогой кожаный бумажник с тисненым названием отеля и подписал чек, не моргнув и глазом, и даже порассуждал вслух, не купить ли ему еще и футляр для ключей. И вот сейчас его охватило такое же пьянящее ощущение. Стивен взглянул в глаза Патрику и усмехнулся.

— У тебя недурственное бренди, — весело произнес он.

У Патрика в глазах вспыхнули озорные огоньки.

— Подожди говорить, пока не попробуешь после обеда мой любимый сорт, — добродушно произнес он.

— Жду с нетерпением!

Патрик еще раз улыбнулся Стивену и отвернулся. Ему оказалось нелегко контролировать полнейший восторг, вызванный тем, что он таки осуществил последнюю, самую важную сделку. Патрик уставился на свои руки, чувствуя, что расплывается в счастливой улыбке. Премия в сто тысяч фунтов! Он ухватился за спинку стоящего перед ним кресла и глубоко вздохнул. Ему стоило невероятных усилий сохранять спокойствие, пока он медленно подводил Стивена к решению подписать договор на требуемую сумму. Это было настоящим чудом дипломатии — как он рекламировал свой товар, как выдерживал равновесие между небрежностью и энтузиазмом, как сохранял теплоту в голосе и надежность в улыбке, не подталкивая, но приглашая. Но когда дошло до решающего момента, Патрик едва не утратил выдержку. Стивен с ручкой в руке завис над документом и принялся просматривать его с таким видом, как будто заколебался, а Патрика охватило пугающе острое желание силой заставить его опустить ручку на страницу и подписать договор. Но ему все-таки удалось сохранить внешнюю жизнерадостность; он небрежно положил руку на спинку кресла Стивена с напряженным терпением и продолжал говорить ровным тоном.

И в конце концов это произошло. Стивен подписался под согласием выложить из своего кармана восемьдесят тысяч. Патрик не позволил се-

бе задуматься, насколько этот шаг опасен для Стивена. Он объяснил Стивену, что это за фонд. Он позволил ему размышлять самому — это было решение Стивена, а не его. А восемьдесят тысяч на самом деле не такие большие деньги. Их не сравнить с теми сделками, какие Патрик провернул за этот год. Он с дрожью восторга вспомнил графики исполнения, ожидающие в ящике письменного стола того момента, когда можно будет внести в них последние цифры. Он снова станет лучшим продавцом года! И получит хорошее вознаграждение. Патрик взглянул на Джорджину. Та чудно играла в теннис и заливалась смехом всякий раз, когда Чарльз притворялся, будто сейчас пропустит мяч. Патрика захлестнуло ощущение триумфа. Они смогут позволить себе новый дом, нового пони — его дочь сможет получить все, что пожелает.

Тут его взгляд упал на Чарльза, и он внезапно разозлился из-за того, что оказался не в состоянии заключить с ним сделку. Чертов упрямый зануда. Но с другой стороны, Чарльз будет здесь и впредь. В то время как Стивен... Патрик покачал головой. Вот уж о ком он никогда не подумал бы как о клиенте, так это о Стивене. Ему никогда и в голову бы не пришло продавать что-либо Стивену. Но хороший продавец должен уметь сбыть свой товар кому угодно. И сегодня он превзошел сам себя. Это было идеальное упражнение в искусстве продажи. Внезапно Патрика настолько

переполнило возбуждение, что он не мог больше стоять на месте и направился к Кэролайн. Он скользнул ладонями по ее бедрам и уткнулся носом ей в шею.

— Ты знаешь, что ты великолепна? — прошептал он. — Чертовски великолепна.

Кэролайн посмотрела на Патрика с подозрением. Сперва утреннее хорошее настроение, теперь этот прилив нежности. С чего это он так развеселился? Она заметила, как муж пригласил Чарльза пройти в кабинет. И зачем ему это понадобилось? Посмотреть на гравюры, которые купил неделю назад? Кэролайн изумилась, когда Патрик показал их ей. Вычурные современные поделки — совершенно не в его духе. Кэролайн не удивилась бы, узнав, что он купил их специально, чтобы получить повод заманить Чарльза в кабинет. И Чарльз доверчиво пошел за ним. Но ее-то он не одурачит. Неужто Патрик попытался продать какой-нибудь план Чарльзу? И преуспел? Кэролайн посмотрела на Патрика. От него исходило с трудом сдерживаемое ликование; он то и дело расплывался в улыбке, а глаза его сияли. Должно быть, он таки продал Чарльзу что-то. Неудивительно, что он в таком прекрасном настроении. Поэтому, наверное, так щедро и напоил бренди беднягу Стивена. Должно быть, сделка получилась крупная. Кэролайн задумчиво взглянула на Чарльза, шумно играющего с детьми на корте. Похоже, он тоже пребывал в хорошем настроении.

нии. Кэролайн мысленно пожала плечами. Что ж, флаг им обоим в руки. Раз Патрик добился своей цели и вытянул деньги у Чарльза, возможно, им не придется больше приглашать его. Уж она лично прекрасно обойдется без Крессиды с ее кислой миной.

Через некоторое время появился взволнованный, запыхавшийся Дон, и ухмыляющаяся Кэролайн выпихнула его на корт. Валерия вышла следом, вид у нее был встревоженный. Последней встала Крессиды и молча вышла на площадку. Она по-прежнему была бледна и держала ракетку как-то неуверенно. Но когда Дон увидел ее и понял, против кого они будут играть, он просиял.

— Вот это настоящий вызов! — воскликнул он, потом повернулся и самоуверенно улыбнулся Энни и Стивену. — Это будет ночной кошмар! Разбудите меня, когда все закончится!

Энни подбадривающе улыбнулась в ответ.

— Идиот чертов, — пробормотал Стивен.

Джорджина с Николь, выставленные с корта, плюхнулись, тяжело дыша, на траву.

— А ты здорово играешь в теннис, — сказала Энни Джорджине.

— Да, неплохо, — охотно отозвалась та. — У нас в школе проходят специальные занятия. Но в команду я не вхожу. Понимаете, в каждом классе десять человек отправляют на эти занятия, если они хорошо себя покажут, но в команду входит всего шесть. И резерв.

Теннис-party

Патрик приподнял брови и взглянул на Кэролайн.

— Ты мне не говорила, что Джорджина дополнительно занимается теннисом.

— Потому что не знала,— равнодушно ответила Кэролайн.

— Солнышко,— обратился Патрик к Джорджине,— а почему ты нам ничего не рассказываешь?

Джорджина пожала плечами.

— Я рассказываю.

— Об этом ты не рассказывала.

— Я забыла.— Джорджина вскочила.— Пора репетировать! Мартина, бери близнецов.— Она огляделась по сторонам и громогласно рявкнула: — Тоби! А ну-ка быстро!

— А что вы репетируете? — поинтересовалась Энни.

— Спектакль,— отозвалась Джорджина тоном, пресекающим дальнейшие расспросы.— Вы завтра его увидите. Тоби!

— Он застрял в судейском кресле,— сказала Николь.— Надо, чтобы его кто-нибудь достал.

Но Мартина уже поставила близнецов на землю и поспешила наверх, снимать Тоби с его наеста.

— Да, она всех их построила,— восхищенно произнес Стивен, когда компания детей покинула корт.— Даже няню.

— Когда-нибудь она с этим переусердствует,— заметила Кэролайн.— Не всем по нраву, когда ими помыкают.

— Никем она не помыкает,— тут же запротестовал Патрик.— Она лишь добивается того, чего хочет. Воспринимай это так.

Кэролайн возвела глаза к небу, взглянув на Энни, и ничего не ответила. Она стала смотреть, что происходит на корте.

— Господи,— сказала она через несколько мгновений.— Что это с Крессидой?

Четверо игроков на корте начали разминаться. Дон пробил серию быстрых, низких ударов в сторону Крессиды, и та едва-едва отбила их.

— Извините,— то и дело повторяла она, когда очередной мяч влетал в сетку.

— Приберегите это до матча,— язвительно заметил Дон.— Знаю я этот фокус!

Он лучезарно улыбнулся Крессиде; та ответила слабой улыбкой. Они бросили жребий. Выиграли Дон с Валерией. Пока они шли к дальней части корта, Дон принялся читать Валерии наставления и предостережения касательно манеры игры Чарльза и Крессиды.

— Следи за сеткой. Она бьет сложные подрезанные мячи с правой. Не пытайся подавать свечу ему, если только мяч не приходит с левой. Он устойчив у сетки? — требовательно спросил он вдруг.

— Н-ну, довольно устойчив,— пролепетала Валерия.

Теннис-party

— Гм. Что ж, не играй против них у сетки. Ладно, иди. Подаю я — ты не забыла?

Валерия поспешно отступила к сетке, а Дон приготовился подавать мяч Крессиде. Та стояла, апатично наблюдая за его манерными движениями, и удрученно подалась вперед, когда мяч, вращаясь, влетел в ее квадрат.

— Не повезло, дорогая, — сказал Чарльз.

Дон покачал головой и прищелкнул языком.

— Он был ваш, — сказал он Крессиде. — Не понимаю, что произошло.

Следующий мяч Чарльз отбил Валерии, и та ответила яростным ударом с лета.

— Молодчина! — похвалил ее Дон. — Хороший был подход.

Он приготовился снова подавать мяч Крессиде. Первая попытка не удалась, и Дон пару минут стоял недвижно, словно медитировал над ужасом подобной ошибки. Потом, медленно покачав головой, извлек из кармана второй мяч и снова пробил подачу. Это оказался крученный мяч, который приземлился сразу за сеткой и подпрыгнул неожиданно высоко. Крессиде, кинувшаяся было вперед, оказалась захвачена врасплох и нанесла размашистый удар. Мяч полетел в Валерию — та с показным старанием отпрыгнула в сторону — и приземлился сразу за краем поля.

— Сорок — ноль! — крикнула Валерия.

— Извини, — сказала Крессиде Чарльзу. — Не понимаю, что со мной такое.

— Следите за мячом,— вмешался Дон.— Это ключ ко всему. Если дела идут неважно, не думай ни о чем, кроме мяча.

— Да,— отрывисто отозвалась Крессида.

Дон снова пробил подачу. Чарльз отбил мяч ему, и Дон небрежно переадресовал его Крессиде. Та ударом с лёта вогнала его прямым в сетку.

— Вы просто не следите за мячом,— самодовольно заявил Дон.— Только и всего. Верно, Валерия?

— Ну...— неуверенно протянула Валерия и посмотрела на Крессида, на ее искаженное, напряженное лицо.— Может быть...

Напасти Крессиды усугублялись все больше и больше. Пока она сидела у корта и наблюдала, как Чарльз дурачится с детьми, ее слегка отпустило, и на несколько блаженных минут она позабыла о письме. Но теперь Крессида не могла думать ни о чем другом. А все как будто следили за ней. Дон с его комментариями. Валерия с ее коровьими глазами. Даже Чарльз, который, думая, что этим подбодрит ее, отворачивался и строил рожи, так, чтобы Дон не видел. Кэролайн с Энни, скорее всего, тоже смотрели на нее и удивлялись, отчего это она играет так скверно.

Крессида машинально следила за сеткой, пытаясь привести в порядок свои чувства. Это письмо может оказаться ошибкой. Скорее всего, это ошибка и есть. Вскоре Чарльз разберется со всем этим. Он непременно разберется. Крессида по-

Теннис-party

вторяла это про себя, пытаясь успокоиться. Но пульсирующая тревога не позволяла ей обрести покой. А вдруг это не ошибка? Вдруг им придется платить? Где взять деньги? Крессида благополучно умудрялась пропустить мимо ушей большую часть финансовой информации, проходившей через нее за последние десять лет, со времени смерти матери. У нее имелось лишь смутное представление о собственном состоянии и еще более смутное — о том, куда оно вложено. Но Крессида знала, что большая его часть растаяла за время брака. Достаточно ли будет того, что осталось? Она напряглась, пытаясь вспомнить, что там говорилось в последнем отчете от управляющего их капиталом.

— Дорогая! — Чарльз вопросительно посмотрел на нее. — Мы меняемся сторонами.

Крессида покраснела и вскинула голову. Конечно. Они проиграли первый гейм. Чарльз уже перешел на другую сторону. Дон с Валерией маячили у сетки, глядя на Крессида с вежливым удивлением. Все ждали ее. В любое мгновение кто-нибудь может спросить, все ли с ней в порядке. Кэролайн такая нетактичная. Она, вероятно, громко заявит что-нибудь ужасное — спросит, например, не месячные ли у Крескиды и не дать ли ей феминакс. Или они могут заподозрить, не случилось ли что-то, и начать выказывать ей чудовищное, чрезмерно фамильярное сочувствие.

При одной лишь мысли о том, что она — ее уязвимость — окажется выставлена напоказ пе-

ред этими кошмарными людьми, решимость Крессиды окрепла. Ей необходимо было взять себя в руки. Крессида холодно улыбнулась и стремительно перешла на другую сторону корта.

— Извини, — негромко сказала она Чарльзу. — Я что-то замечталась.

Крессида прищурилась. Нужно сосредоточиться. Повернувшись к сетке, она сконцентрировала внимание на отдельном ее углу.

— Соберись! — пробормотала она себе. — Соберись, размазня!

Она попыталась выбросить все из головы.

— Один — ноль! — весело провозгласил Чарльз. — Похоже, мне придется вытащить из рукава какой-нибудь козырь. А, Кресс?

Он пробил подачу, незамысловато отправив мяч Дону. Тот отбил, направив мяч в сторону Крессиды — очевидно ожидая, что та пропустит его. Но Крессида вскинула ракетку, почти автоматически, и отразила удар.

— Отлично! — в восторге воскликнул Чарльз.

— Неплохо сыграно, — разочарованно заметил Дон.

— Ого! — воскликнула Энни. — Вот это больше похоже на дело!

Следующий гейм прошел быстро. Рассудок Крессиды, затуманенный безнадежностью, не воспринимал ничего, кроме парирования мяча. Она не знала, какой счет, не заметила изумленных взглядов, когда отбила очередной сверхкру-

Теннис-party

ченный удар так, что он пулей улетел в дальний угол корта.

— Крессида, дорогая, твоя очередь подавать.

Крессида, вздрогнув, подняла взгляд и увидела Чарльза, с любовью глядящего на нее.

— Ты потрясающе играешь.

Крессиде показалось, будто она сейчас разрыдается. Но вместо этого она взяла два мяча и приготовилась подавать. Она подбросила первый мяч высоко — слишком высоко, — и, когда ударила по нему, он улетел за пределы корта.

— Мама!

Крессида не обратила внимания на пронзительный крик Джорджины и снова подбросила мяч. И промазала.

— Возьми другой, — сказал Чарльз.

— Мама, смотри, кто приехал!

На этот раз восторженный вопль Джорджины невозможно было проигнорировать. Крессида, Чарльз, Кэролайн и все прочие обернулись.

Рядом с Джорджиной стояла невысокая — чуть выше самой Джорджины, — загорелая, улыбающаяся девушка. Она была в ярко-бирюзовом платье из индийского хлопка, а золотисто-каштановые волосы повязаны шарфом того же цвета. Платье — без рукавов и с глубоким вырезом —ставляло напоказ пышную грудь, загоревшую, насколько было видно, не меньше лица. Да и все ее тело было таким же соблазнительно пышным: округлые плечи, руки с ямочками, чуть выпук-

Магелин Уикхем

лый живот, вырисовывающийся под тонкой тканью. Висящая на шее золотая цепочка поблескивала на солнце. На ногах у девушки были коричневые кожаные сандалии, а в руках она держала большую кожаную сумку. Она быстро оглядела собравшихся своими темно-кариими глазами и что-то пробормотала Джорджине. Та рассмеялась и с беспокойством взглянула на мать. Все минутудругую молча взирали на новую гостью. Наконец Стивен нарушил всеобщее молчание.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Это же Элла!

Глава 7

— Мне так неудобно,— сказала Элла, когда они с Кэролайн зашли в дом и поднимались по лестнице.— Я решила, что Джорджина... ну, ты понимаешь...

— Сказала правду? — уточнила Кэролайн.— А что ты еще, собственно говоря, могла подумать?

— Она говорила очень убедительно. Я вправду подумала, что она спросила у тебя. Иначе я бы ни в коем случае не приехала. Может, она забыла про прием? — спросила вдруг Элла.

— Такого быть не может,— уверенно ответила Кэролайн.— Она о нем знала давным-давно. Когда, ты говоришь, она тебе позвонила?

— Четыре-пять недель назад,— сказала Элла.— Я еще была в Италии. Я спросила ее, действительно ли будет удобно, если я приеду, а она ответила, что пойдет спросит у тебя. Через несколько минут она снова взяла трубу и сообщила, что ты в ванной, но говоришь, что все в поряд-

ке. У меня же не было никаких причин не верить ей. Наверное, стоило перезвонить, проверить, не изменилось ли что-нибудь, но ты же знаешь, как оно бывает...— Элла виновато улыбнулась.— Я нарушила хрупкое равновесие вашего собрания?

— Я бы сказала, что ты нарушила хрупкое равновесие Чарльза,— ухмыльнувшись, отозвалась Кэролайн.— Не говоря уже о его очаровательной жене. Ты видела ее лицо?

Элла покачала головой.

— Честно говоря, я старалась на нее не смотреть.

Кэролайн бросила на нее взгляд.

— Ты как, нормально это перенесла? В смысле — видеть их вместе?

— Да, нормально,— медленно произнесла Элла.— Все в порядке. Это было достаточно давно, и после Чарльза были другие. Я не хочу возврата наших отношений. Но все-таки... Я смотрела на нее и думала...

— Ты думала: «Ах ты, богатая корова!» — сказала Кэролайн.

Элла рассмеялась.

— Что-то в этом духе.

— Вот и мы все так думаем.

Кэролайн остановилась перед одной из дверей.

— Поскольку это была идея Джорджины — зазвать тебя сюда,— сказала Кэролайн,— думаю, она должна как минимум уступить тебе свою комнату.

Теннис-party

— О нет! — запротестовала Элла. — Я могу устроиться где угодно. У меня есть спальный мешок...

— Вздор! — отрезала Кэролайн и открыла дверь.

Комната Джорджины оказалась большой, светлой и безукоризненно чистой. Окно, зеркало туалетного столика и кулер с водой — все блестело на солнце. Книги и ручки на столе были аккуратно сложены. На белом комоде у кровати стояла настольная лампа и единственная безделушка — китайская лошадка.

— Очень мило, — сказала Элла.

Кэролайн пожала плечами.

— К сожалению, у нас не осталось другой свободной комнаты. А ведь, казалось бы, дом немаленький!

— Сколько у вас спален? — поинтересовалась Элла, опуская сумку на коврик из овечьей шкуры, лежащий посреди комнаты.

— Шесть. Но все уже заняты.

Элла взглянула на дверь ванной.

— Джорджина — счастливица. Здесь и вправду хорошо. — Она присела на кровать. — Приятное разнообразие после тех ночей, когда я спала на циновках, а по ногам у меня всю ночь бегали мыши.

Кэролайн взглянула на нее с ужасом.

— Что, все и вправду было настолько плохо?

— Ну, не все время. — Элла взглянула на лицо Кэролайн и рассмеялась. — В Индии было до-

вольно убого, и в Южной Америке тоже не очень, но я уже четыре месяца как вернулась в Европу. Хотя, конечно, не в такие роскошные условия.

Кэролайн покачала головой.

— Не представляю, как ты выдержала. С меня трех недель обычно выше крыши хватает, как бы хорошо ни было в поездке. Тебя ностальгия не мучила?

— Немного. После первых двух месяцев мне стало и вправду паршиво, и я уж хотела на все плюнуть и улететь домой. Но это быстро прошло. Некоторые действительно серьезные вещи меня угнетали — скажем, полное отсутствие горячей воды и нехватка еды. Один раз я сильно заболела. Но знаешь, как-то привыкла. А опыт в целом был чудесный... — произнесла Элла с сияющими глазами.

— Сумасшедшая, — отозвалась Кэролайн. — Что ж, добро пожаловать обратно.

— Спасибо, — сказала Элла. — И еще раз извини.

— Это моей паршивке следует извиняться перед тобой, — возразила Кэролайн. — Я уверена, что ей и в голову не пришло, что тебе может быть неприятно видеть Чарльза.

— Да нет, ничего, — откликнулась Элла. — На самом деле мне не терпится поговорить с ним. У него был такой ошарашенный вид! — Она оглядела себя. — Ничего, если я прямо сейчас вымоюсь?

Теннис-party

— Пожалуйста,— ответила Кэролайн.— У нас горячая вода есть все время, так что не стесняйся. Я схожу принесу тебе полотенце.

Когда она вернулась, Элла, раздетая, расчесывала волосы в ожидании, пока наберется ванна. Ее бархатистое смуглое тело все состояло из выпуклостей и изгибов, и при каждом взмахе щетки для волос высокая грудь приподнималась и опускалась.

— Ого,— сказала Кэролайн, держащая два больших белых полотенца.— У тебя чудесный загар.

— Я загорала на пляже в Греции с компанией нудистов,— пояснила Элла, поглощенная распутыванием волос.— Вернее, тех, кто просто любит загорать голышом. Это очень расширяет кругозор.

Она с серьезным видом подняла глаза, поймала изумленный взгляд Кэролайн, и обе они расхохотались.

— Я не это имела в виду! — отсмеявшись, запротестовала Элла.

— Оговорка получилась по Фрейду,— заметила Кэролайн.— Тебе не хватает секса.

— Вообще-то,— загадочно произнесла Элла,— тут ты ошибаешься.

Она подмигнула Кэролайн и взяла полотенца.

— Да ну! И кто же это? Как это случилось? — тут же вскинулась Кэролайн.

— Расскажу все позже,— сказала Элла.— Может быть.

И с этими словами она исчезла в ванной.

Тем временем теннисный матч близился к завершению. Крессида, крепко сжимающая ракетку, изо всех сил старалась оставаться сосредоточенной. Она не смела думать ни о чем — ни где находится, ни с кем играет. Ее взгляд был прикован к мячу, а удары сделались более резкими. Крессида играла на выигрыш. Чем сильнее она концентрировалась на игре, тем легче было думать о смущающем появлении Эллы, и о письме, ждущем наверху Чарльза, и даже о мрачной перспективе провести вечер в обществе этих ужасных людей. Она пробила завершающий удар, который Валерия не смогла парировать, собрала мячи и быстрым шагом направилась на другой конец корта, подавать.

Чарльз задержался у сетки, обмениваться любезностями с Доном. Вид у Дона был раздосадованный.

— Ваша жена хорошо играет,— признал он.

— Да, неплохо.

Чарльз озадаченно взглянул на Крессиду. Та постукивала мячом об землю и пристально смотрела себе под ноги.

— Изумительная концентрация,— сказал Дон.— Понимаешь, Валери,— обратился он к дочери,— если бы ты сконцентрировалась чуть сильнее, то не допустила бы всех этих ошибок.

Теннис-party

Валерия опустила глаза и провела ракеткой по туфле.

— Что ж, — поспешно сказал Чарльз, — счет пять — четыре.

— Давай, Валери, — резко бросил Дон, когда они двинулись в разные стороны. — Нам необходимо выиграть этот гейм.

Как только все оказались на своих местах, Крессида подбросила мяч и ударила: мощный классический удар, как по учебнику. Валерия как-то нерешительно отбила мяч в сторону Чарльза. Тот кинулся навстречу, но удар вышел неважный. Мяч пролетел над самой сеткой и приземлился ровнехонько в коридоре для парной игры. Валерия помчалась к нему, но трава была мягкой, и мяч подскочил совсем чуть-чуть.

— Извините, — весело произнес Чарльз. — Могло бы быть и иначе.

— Пять — ноль! — крикнул Дон.

Чарльз с трудом сдержал вспышку раздражения. Его начали чересчур раздражать клубные термины, которыми щеголял Дон. «Добавь», «пролет»... Почему не сказать по-человечески, что мяч вылетел за корт?

— Пятнадцать — ноль! — твердо заявил он в ответ.

Но Дон не обратил на это особого внимания.

И снова подавала Крессида: крученный мяч с силой пронесся через корт к Дону. Дон вскинул ракетку в своей преувеличенной манере и послал мяч высоко над головой Чарльза.

Магелан Уикхем

— Аут! — выкрикнула Крессида. — Тридцать — ноль!

Она направила мяч Валерии; та отбила его в сетку.

— Сорок — ноль.

Дон приготовился отражать подачу Крессиды; вид у него был взволнованный. Крессида с силой пробила бэкхэнд. Дон отбил его Чарльзу, но довольно слабо. Чарльз вскинул ракетку, и от мощного удара мяч улетел в угол корта. Чарльз испустил восторженный вопль.

— Боюсь, он ушел слишком далеко, — быстро заявил Дон.

— Что, вправду? — Чарльз удивленно взглянул на него. — Ладно. Сорок — пятнадцать.

— Но мяч не вышел за линию, — раздался сбoku чей-то суровый голос. — Он приземлился на поле.

Это была Джорджина, сидящая на ветке дерева.

— Я все видела, — заявила она. — Он ударился об землю в двух дюймах от линии.

Вид у Дона сделался расстроенный.

— А ты как думаешь? — обратился он к Валерии.

Та покраснела.

— Э-э... — протянула она. — Я как-то не разглядела. Он пролетел слишком быстро.

И она смущенно хихикнула.

— Мяч приземлился на поле! — не унималась Джорджина. — У меня лучше обзор, чем у вас.

Теннис-party

— Ну что ж,— сказал Дон, запоздало пытаюсь говорить беззаботно.— Вероятно, ты права. Значит, сет и матч закончены. Поздравляю!

Крессида слабо улыбнулась Валерии и постаралась не скривиться, пожимая ее влажную ладонь.

— Отличная игра! — сказала Валерия, когда они все вышли с корта.— Я так и думала, что вы, наверное, нас разгромите.

— Это пораженческий подход! — вмешался Дон.— Если думать, что проиграешь, никогда ничего не добьешься! Первое правило победы состоит в том, чтобы верить, что ты способен победить.

— Ну да, как же! — пробормотал Чарльз.

— А какое второе правило? — поинтересовалась Джорджина.

— Ага! — воскликнул Дон и подмигнул ей.

— «Как хорошо, что ты спросила об этом...» — передразнивая Дона, прошептал Стивен на ухо Энни.

Та прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Второе правило,— продолжал Дон,— заставить других верить в то, что ты способен выиграть.

Он с многозначительным видом оглядел присутствующих.

— А если нет? — спросила Джорджина.

— Что нет? — удивился Дон.

— Не способен выиграть,— объяснила Джорджина.— Например, я думаю, что здорово

умею...— она задумалась на мгновение,— кататься на коньках. И всем говорю, что я отлично катаюсь. Но на самом деле это чепуха.

— Джорджина,— перебила ее Кэролайн,— иди-ка к себе, собери свои вещи и перенеси их в комнату к Николь. Сегодня будешь спать там.

— Вот здорово! — обрадовалась Джорджина, позабыв о своих рассуждениях.— В спальном мешке?

— Да.

— Отпад! — воскликнула Джорджина и соскользнула с дерева.— Ник, пошли!

— Только не вламывайся туда! — предупредила ее Кэролайн.— Элла купается.

— Элла поселится в моей комнате?

— Да,— подтвердила Кэролайн.— Думаю, это самое меньшее, что ты можешь сделать. Как ты считаешь?

Джорджина слегка покраснела под ее пронзительным взглядом.

— Думаю, да,— согласилась она, переминаясь с ноги на ногу.

— Тогда вперед,— велела Кэролайн.— И не забудь постучаться.

— Ничего страшного,— заметила Джорджина.— Я уже видела Эллу без одежды. Ей было все равно.

Они с Николь умчались, а у корта на несколько мгновений воцарилось молчание: все невольно представили себе Эллу без одежды.

Теннис-party

— А я, пожалуй, пойду переоденусь,— с излишним оживлением произнесла Кэролайн.— Обедать будем в восемь, перед этим — аперитив.

— Очень цивилизованно,— заметил Стивен.— А дети?

— Все улажено. Они поедят пораньше, на кухне. Этим займется миссис Финч.

— Благодать какая! — воскликнула Энни.— Пожалуй, ближайшую пару месяцев я пролежу тут, не шевелясь.

— Боюсь, что не получится,— заметил Патрик.— Теперь вы играете против нас.

— О нет! — простонала Энни.

— Патрик! — вступилась за гостью Кэролайн.— Я собралась идти переодеваться. Может, отложим это до завтра?

— Присоединяюсь! — поддержал ее Стивен.

— Можно, конечно, и отложить,— ворчливо произнес Патрик.— Но сыграть все равно нужно. Иначе мы не будем знать, кто вышел в финал.

— Обязательно сыграем,— пообещала Энни.— Честное слово.

— Тогда мы пойдем домой переодеться,— решил Дон.— Кэролайн, во сколько аперитив? Примерно в полвосьмого?

— Да как придете,— небрежно сказала Кэролайн, давая понять, что она их больше не задерживает.

— Да, в половине восьмого,— подтвердил Патрик и улыбнулся Дону.

Кэролайн неспешно шагала к себе в спальню. Проходя мимо комнаты, куда перебралась Джорджина, она слышала внутри шум и гам и на миг подумала, не вмешаться ли. Но по правде говоря, это не особенно ее волновало. У нее имелись более важные темы для размышления. И прежде всего — внезапное появление Эллы. Хотя, конечно же, она не одобряла выходку Джорджины, ее все же отчасти радовало, что Чарльз с Крессидой оказались в неловком положении. Вероятно, эта встреча не могла бы состояться ни при каких иных обстоятельствах. Вот и пускай Чарльз посмотрит, от чего он отказался. Так ему и надо.

Элла выглядела блестяще — и, судя по всему, совершила великолепное путешествие. До чего же чудесно — вот так объехать вокруг света! Хотя, возможно, в рассказах оно куда лучше, чем в реальности. Представление Кэролайн об отдыхе сводилось к маршруту дом — аэропорт — гостиница — пляж, и непременно чтобы без всяких усилий с ее стороны. Но Чарльзу всегда нравились эти хипповские студенческие путешествия с рюкзаком, — и, возможно, он сам был бы не прочь тоже совершить подобный кругосветный вояж. Кэролайн подумала, что нужно не забыть за ужином громко поинтересоваться у Эллы, как прошла ее поездка, — и посмотреть, какое лицо будет у Чарльза. Она улыбнулась собственным мыслям, открыла краны и стала смотреть, как вода набирается в ванну.

Теннис-party

— Собираешься купаться? — В комнату торопливо вошел веселый Патрик. — Ты надолго?

— Да, — неуступчиво отозвалась Кэролайн.

— Ладно. Я почитаю газету. Крикни, когда закончишь.

Он отворил балконную дверь и вышел наружу. Кэролайн с подозрением посмотрела ему вслед, потом быстро разделась, бросив одежду на пол, и нырнула в горячую, ароматную, пенную ванну. Она собралась было поговорить с мужем, но сообразила, что ее могут подслушать.

— Патрик, иди сюда! — позвала она. — Патрик!

Патрик возник на пороге ванной.

— Что?

— Я хочу с тобой поговорить. Закрой дверь.

— О чем?

Патрик, не скрываясь, стал разглядывать тело жены под пеной. Кэролайн не обратила на это внимания.

— О Чарльзе. Нет, — она вскинула руку, — дай я договорю. Я хочу знать, что ты сегодня сотворил. Ты в него вцепился, уволок его в кабинет под каким-то жалким предлогом, а потом неожиданно — я себе это представляю как наяву — вытащил свои брошюры и продал ему какой-то никуда не годный план исключительно ради твоих проклятых комиссионных.

— Нет, погоди минуту! — перебил ее Патрик, повысив голос.

— Тс-с-с! — шикнула на него Кэролайн.— Ты что, хочешь, чтобы нас услышали?

— погоди минуту! — повторил Патрик тише.— Перестань говорить о моих проклятых коммиссионных. Они идут на оплату твоей еды, твоей одежды...

— Да, да,— нетерпеливо оборвала его Кэролайн,— но я не заиклена на них целиком и полностью, как ты. Как бы то ни было,— она снова вскинула руку, прежде чем Патрик успел ее перебить,— речь не об этом. Зачем тебе потребовалось заниматься делами дома? Мало того что ты принимаешь у себя людей вроде Дона только потому, что они хорошие клиенты,— сказала она, с насмешкой подчеркнув последние слова.— Но когда ты приглашаешь сюда Чарльза Мобина лишь для того, чтобы продать ему какой-то паршивый полис, это... это полное свинство!

Она взглянула на мужа с презрением.

— А откуда ты узнала, что я продал что-то Чарльзу? — поинтересовался Патрик.

— Да чего тут узнавать? — огрызнулась Кэролайн.— Ты исчез вместе с ним, а потом появился в отличном настроении, раздавая сигары и бренди налево и направо. Либо ты впарил Чарльзу какой-то крупный план, либо ты успел пристрасниться к кокаину, да так, что я и не заметила.

Патрик слегка улыбнулся, посмотрел в запотевшее зеркало, лизнул палец и пригладил себе брови.

Менис-party

— Либо,— небрежно произнес он,— я впарил крупный план не Чарльзу, а кому-то другому.

— Что? — Кэролайн удивленно уставилась на него.— Кому? Крессиде, что ли?

Патрик продолжал мило улыбаться своему отражению.

— Дону? — продолжила попытки угадать Кэролайн.

— Я продал план,— медленно произнес Патрик,— благодаря которому моя премия в этом году составит... кстати, угадай сколько?

— Дон. Должно быть, это Дон. На самом деле он вовсе не уходил кормить собак, да? Он клюнул на твою удочку.

— Сто тысяч фунтов,— сообщил Патрик, наслаждаясь звучанием слов.— Это не зарплата, это премия. Сто тысяч чудненьких фунтов.

— Но у Дона паршиво с наличными. Валерия сказала, что у него сейчас серьезные трудности. Он не мог столько вложить.

Патрик оторвался от приятных мечтаний и удивленно посмотрел на Кэролайн.

— Это был не Дон. С чего ты решила, что это он?

— Да кто еще, черт возьми, это может быть? Патрик улыбнулся жене.

— Конечно, Стивен.

На кухне Энни пыталась завязать беседу с миссис Финч. Дети, и при них обиженная Мартина, собрались вокруг стола; они ели пирожки с ры-

бой, печеную картошку с сыром и салат. Джорджина настояла на том, чтобы помолоть каждому на картошку свежий черный перец, и в результате картошка получилась слишком острой для Тоби — ему пришлось счистить весь верх. Энни подозревала, что Николь ее порция тоже казалась слишком острой, но бедняжка героически отказывалась говорить что-либо на эту тему в присутствии Джорджины. Она тяжело дышала, прожевав каждый отправленный в рот кусок, и много пила. Тем временем близнецы Мобины получили каждый по гряде тертого сыра, и теперь этот сыр был повсюду: на столе, на полу, у них в волосах и в пятернях. Мартина время от времени кое-как отряхивала их, но во всем прочем, похоже, предоставила близнецов самим себе и уныло смотрела в пространство.

Миссис Финч сидела на табуретке и курила. Обнаружив, что Энни готова помочь ей управиться с ужином для детей, она тут же сложила с себя всякую ответственность и с удовольствием потчевала Энни повествованием о недостатках торговли в здешней деревне.

— Зашла я туда в другой день, когда забыла купить сладостей к чаю. И там не оказалось совершенно ничего такого, что можно было бы взять! Так я и ушла несолоно хлебавши.

— А что вы искали? — рассеянно спросила Энни, наливая себе «Рибену»*.

* «Рибена» — фруктовый газированный напиток.

Теннис-party

— Не знаю...— задумчиво ответила миссис Финч.— Может, шоколадный мусс. Или карамельный крем. Такой, который продают в маленьких стеклянных баночках,— он очень недурен. Или замороженное печенье. Но тут за этим приходится ездить в «Сейфвэй»*.

— А у нас будет шоколадный мусс? — поинтересовалась вдруг Джорджина.

— У вас будет мороженое,— ответила миссис Финч.— Малиновое.

— Здорово! — обрадовалась Николь.

Миссис Финч нежно посмотрела на нее.

— Бедняжка,— сказала она.— Вот ведь жаль...

— Мы хотим завтра повести детей в церковь,— поспешно произнесла Энни.— Вы не знаете, во сколько служба?

Миссис Финч наморщила нос.

— Э-э, не могу сказать. Я иногда вижу по воскресеньям, как туда сходится народ, но как-то не запоминала, во сколько это бывает.

— Так прихожан не очень много?

— О, этого я не знаю. Церковь хороша; в нее приходят и из других деревень. Собирается изрядная толпа. Знаете, я венчалась в этой церкви,— добавила она вдруг.

— Замечательно! — с энтузиазмом произнесла Энни.

Миссис Финч загасила испачканный помадой окурок и кивнула.

* Сеть универмагов.

— Да, пятнадцать лет назад. А праздновали мы в «Лошади и конюхе» в Мортоне. А медовый месяц провели на Ибице. Я тогда в первый раз побывала за границей. Правда, сейчас в такое трудно поверить?

— Да, пожалуй,— согласилась Энни.

— С тех пор мы каждый год ездим отдыхать за границу. Испания, Португалия, Канары — где только не были! В этом году съездили в Гамбию. Взяли с собой детей — все как положено. Детям, конечно, очень понравилось. Ли, наш старший, научился кататься на водных лыжах. У него отлично получается. Мы подумываем, не съездить ли в следующем году во Флориду, в Диснейуорлд.

— Здорово,— опять восхитилась Энни.

— А вам нравится отдыхать за границей?

— Я люблю ездить за границу,— честно ответила Энни,— но мы последнее время никуда не выезжали. Сложновато.

Миссис Финч кивнула с умным видом.

— Да, с малышом и...

Она взглянула на Николь, неуклюже намазывающую маслом кусок хлеба.

— Вовсе нет,— поспешно произнесла Энни.— На самом деле все скорее упирается в деньги.

Она рассмеялась.

— Я всё! — объявила Джорджина.— Можно взять мороженое?

Миссис Финч кивнула и снова закурила. Джорджина исчезла с кухни, и Энни поставила ее гряз-

Теннис-парты

ную тарелку в посудомоечную машину. Миссис Финч не шелохнулась.

— Мы никак не можем выбрать между Флоридой и Калифорнией,— задумчиво произнесла она, когда Энни вернулась на свое место.— Наверное, надо будет съездить и туда, и туда.

Патрик никак не мог понять, отчего Кэролайн так разозлилась.

— Очень смешно,— заметила она, поднимая ногу из пены, чтобы полюбоваться ею.— Ну давай колись, кто это? Чарльз?

— Вовсе нет. Я же тебе сказал — Стивен.

— Да-да, Стивен получил вдруг целую кучу денег.

Голос Кэролайн звучал самоуверенно и язвительно, и Патрик, обычно старавшийся в разговоре с ней приукрасить подробности своих деловых трансакций, почувствовал себя уязвленным.

— Получит, если возьмет под залог дома.— Он смерил Кэролайн победным взглядом.— Что он отчасти и сделал.

— Что? — Кэролайн перестала поводить ногой и недоверчиво взглянула на Патрика.

— Все очень просто,— сказал Патрик.— В смысле, можно сказать, что он до настоящего момента излишне пренебрегал возможностью использовать свою недвижимость. Не реализовывал свой потенциал.

— Ты заморочил ему голову и заставил взять ссуду под залог дома?

Магелли Уикхем

Патрику, похоже, сделалось не по себе.

— Нет никакой необходимости смотреть на это так.

— Сколько?

— Какая разница? Ему это вполне по средствам.

— Сколько? У него нет работы — или ты забыл? Сколько?

— Думаю, он может захотеть, чтобы эта информация оставалась конфиденциальной, — ровным тоном произнес Патрик.

— Патрик, какого черта! — Кэролайн выскочила из ванны, расплескав воду, и встала перед ним, мокрая и разъяренная. — Сколько?

— О господи! Всего восемьдесят тысяч. Прекрати раздувать из этого проблему. Его дом наверняка стоит как минимум втрое больше.

— Он занимает восемьдесят тысяч, чтобы вложить в инвестиции? — Кэролайн провела рукой по волосам. — И во что он их вкладывает?

— Да какое это имеет значение? Ты все равно не поймешь, даже если я объясню.

— Черта с два я не пойму! Это, часом, не Сигма-фонд?

Патрик вздрогнул.

— Откуда ты о нем знаешь?

— Я не полная дура, — уничтожающе отозвалась Кэролайн. — Я знаю, с чем ты носишься. Я все знаю про этот проклятый Сигма-фонд и твои проклятые премии. О господи! Как ты мог?

Теннис-party

— Не понимаю, из-за чего столько шума.

— Да все ты понимаешь! И нечего тут притворяться! Это же очевидно. Энни со Стивеном не смогут справиться с платежами за такой заем. Они некоторое время побарахтаются, а где-нибудь через годик придут к тебе и попросят свои деньги обратно. И сколько ты им вернешь? Или, скорее, сколько ты захапашь в качестве гоночара? Десять тысяч? Двадцать?

— Об этом не может быть и речи, — раздраженно отозвался Патрик. — Энни со Стивеном превосходно справятся с таким небольшим залогом. А фонд будет приносить огромную прибыль — в долгосрочной перспективе.

— Патрик, у них нет никаких доходов! — Кэролайн прожигала Патрика взглядом. — Какая, к черту, долгосрочная перспектива?

Мгновение Патрик смотрел на нее, потом сердито бросил:

— Успокойся!

Он вышел в спальню и оттуда на балкон.

Кэролайн пару минут разъяренно смотрела ему вслед, затем встряхнулась и принялась действовать. Она проворно вытерлась и намазала тело увлажняющим кремом, попутно лихорадочно размышляя. Патрик слишком низко пал. Он всегда был беспринципным торгашом — когда-то именно это и привлекло в нем Кэролайн. Патрик и его друзья, с их дешевыми костюмами, излишне вкрадчивыми голосами и нетерпеливы-

ми ищущими взглядами волновали ее воображение и заставляли ее смеяться. Поначалу обращение Патрика с ней слегка напоминало обращение с привилегированным клиентом: почтительная приглушенная речь, уважительные реплики и непрестанное, безмолвно подразумеваемое подводное течение: «Мы оба знаем, зачем мы здесь, не так ли?» Только она была там не для того, чтобы тратиться на финансовые услуги.

Кэролайн посмотрелась в зеркало, вспоминая себя, грудастую блондинку с ослепительной улыбкой, занимающуюся рекламой. Неудивительно, что Патрик запал на нее. На самом деле он держался с потрясающим хладнокровием — если учесть, насколько жаждал заполучить ее; впрочем, об этом Кэролайн узнала лишь позднее. Тогда она половину времени беспокоилась, не собирается ли он ее бросить. Невероятно, но факт.

И в какого же ублюдка он превратился!

— Ублюдок ты! — сказала Кэролайн зеркалу.

И улыбнулась. Невзирая на все ее протесты, вновь вернувшаяся мысль о Патрике как о беспринципном торгаше подействовала на нее слегка возбуждающе.

Кэролайн представила себе Патрика, каким он был пятнадцать лет назад: решительного, воинственно настроенного, самоуверенного. Молодого, исполненного жизненных сил, прямолинейного и пробивного. Они встретились на одной фи-

Теннис-party

нансовой выставке в Лондоне: оба там работали. Кэролайн стояла у стенда какой-то фирмы — вручала ее брошюрки в нагрузку к шампанскому. На четвертый день она смухлевала в лотерее и шампанское получил Патрик, и за вторую половину дня они прикончили всю бутылку в несколько приемов. Потом Патрик увлек Кэролайн за стенд и поцеловал. Кэролайн до сих пор помнила потрясение, охватившее ее затуманенный алкоголем рассудок. Она что, вправду целуется с этим низкорослым уродом? И ее это возбуждает? Патрик задрал ей футболку с эмблемой компании, застонал при виде ее груди, отдернул кружево бюстгальтера и припал губами к ее соску. Кэролайн чуть не вскрикнула в экстазе. А потом Патрик отстранился.

— Надо идти, — сказал он. — Клиенты смоятся. Я должен их перехватить.

И ушел, а Кэролайн смотрела ему вслед и чувствовала, как ноют припухшие губы — так ей хотелось целоваться и дальше.

Кэролайн взглянула в зеркало. Губы ее по-прежнему были полными и пригодными для поцелуев. Грудь все такая же упругая, а кожа — мягкая и гладкая. А Патрик по-прежнему оставался убудком. Они оба стали на пятнадцать лет старше, но это нисколько не изменило их сущности. Осознав это, Кэролайн развеселилась. Но в то же самое время она была зла на Патрика. Да, Стивен не особо ее интересовал, но все-таки он был другом, а уж Энни — тем более. Кэролайн

вдруг поняла, что ей очень нравится Энни. И Николь. При мысли о том, что у них начнутся финансовые проблемы, они станут переживать из-за счетов и ссориться из-за денег, Кэролайн сделалось не по себе. Ей представилось вдруг, как Стивен, сгорбившись, сидит у кухонного стола и всхлипывает, Энни утешает его, а на пороге стоит Николь, и глаза ее расширены и полны беспокойства.

Патрик вернулся с балкона и поймал взгляд Кэролайн в зеркале. Вид у него был настороженный.

— Ты — форменный ублюдок, — сказала Кэролайн. — Негодяй.

Патрик открыл было рот, собираясь что-то сказать, и снова закрыл.

— А бедные Стивен с Энни даже и не догадываются об этом. Они тебе полностью доверяют — ты это знаешь? Они заслуживают того, чтобы вывести их из заблуждения.

Патрик нахмурился сильнее и двинулся в ванную. Но Кэролайн встала у него на пути.

— Им нужен друг, который рассказал бы, что ты на самом деле из себя представляешь, — сказала она.

— Ты ничего им не скажешь, — заявил Патрик. — Ты отлично знаешь, с какой стороны ветер дует. Ты отпугиваешь моих клиентов, я теряю деньги, и оба мы превращаемся в нищих.

— Уж в нищих — вряд ли, — насмешливо произнесла Кэролайн.

Теннис-party

— Если никто не станет покупать у меня финансовые услуги, то именно в нищих мы и превратимся,— парировал Патрик.— Для того чтобы разрушить репутацию, много не надо. Помнишь, что произошло с Грэхемом Уайтспуном? Извини, конечно.

Кэролайн гневно уставилась на мужа. Частью своего существа она желала предостеречь Стивена с Энни и уговорить расторгнуть сделку ради их блага. Но Патрик был прав. Одного лишившегося иллюзий клиента — каким бы хорошим другом он ни был,— вполне достаточно, чтобы дать пищу слухам и остаться без клиентуры. На самом деле дружба только усугубит дело. Грэхем Уайтспун был коллегой Патрика. Он считался лучшим продавцом компании — до тех пор, пока однажды спьяну не проговорился на званом обеде, где было полно его друзей и клиентов, что занимается форменным мошенничеством, втюхивая свой товар. После этого он ничего уже не мог продать, и вскоре его уволили. Так стоит ли рисковать, проверяя, не случится ли то же самое с Патриком?

Слегка нахмурившись, Кэролайн подошла к своему платяному шкафу. Она до сих пор не придумала, что же надеть. Рассеянно достала кремовое атласное белье, прямое льняное платье цвета лютика и замшевые туфли-лодочки ему под цвет, привезенные из Италии. Она бросила одежду на кровать и взяла свою шкатулку с драгоценностями. Золотые сережки-гвоздики и коль-

цо с алмазом-солитером. Не хватало еще, чтобы эта корова Крессиды превзошла ее драгоценностями! Чтобы подстраховаться, Кэролайн добавила еще бриллиантовый браслет. Она надушилась, оделась и полюбовалась тем, как красиво желтое платье подчеркивает загар, потом повертела обувью ногой.

Кэролайн посмотрела в зеркало. Простенько, но со вкусом. Слишком просто? Кэролайн представила себе, какое впечатление будет производить, восседая на бежевом кожаном диване в гостиной, с бокалом шампанского в руках, когда будет смеяться над чьей-нибудь шуткой. Взгляд ее упал на отобранные серьги. Нет, слишком невзрачные. Кэролайн быстро сняла серьги и отыскала другую пару, с бриллиантами. Серьги заискрились в ушах, и она улыбнулась своему отражению. Бриллиантов слишком много не бывает. Это чей-то афоризм? Или она сама его только что придумала?

Некоторое время Кэролайн размышляла над этим вопросом, пока шла к гостиной и восхищенно любовалась собою во всех попадающихся по пути блестящих поверхностях. Она с удовлетворением оглядела пустую гостиную, налила себе шампанского и уселась на диван. В данную минуту она и думать позабыла о Фэйрвезерах.

Глава 8

Крессида беспокойно поерзала, глотнула еще шампанского и взглянула через окно на солнце, заливающее жарким светом окрестные поля. Она чувствовала себя довольно неважно; ее не оставляло ощущение безвыходности положения, в котором она очутилась. Кожаный диван, на котором сидела Крессида, был очень мягким; она глубоко погрузилась в него, и ей казалось, что вырваться без борьбы не удастся. Чарльз, сидевший рядом с ней, вскочил, чтобы осмотреть какую-то старинную крикетную биту, которую Патрик показывал Стивену, и до сих пор его место никто не занял. Кэролайн и Энни, хихикая, болтали в другом конце гостиной, стоя у бара — Кэролайн налиwała себе шампанское.

Пронзительный смех хозяйки дома разнесся по комнате, и Крессида вздрогнула. Она и в лучшие-то времена не переносила вульгарные, шумные манеры Кэролайн — что уж говорить про се-

годняшний день, с этой тревогой, которую никак не удавалось выбросить из головы и которой она так и не поделилась. Крессиде не удалось выбрать подходящий момент и показать письмо Чарльзу. Сперва она чересчур нервничала, чтобы поднять эту тему, а потом явилась Мартина с близнецами, спросить, можно ли воспользоваться джакузи в их комнате. Идея принадлежала Чарльзу, он загорелся и все оставшееся до обеда время провел в ванной, шумно возясь с близнецами, покрывая пол мыльными пузырями и вконец взбудоражив детей.

В конце концов Крессиде отступила в ванную комнату, обнаруженную ею в конце коридора, которой, похоже, никто не пользовался. Она занималась собою машинально. Наложила макияж, используя ту же самую косметику, которой ее научили пользоваться пятнадцать лет назад на курсах по искусству визажа и которой Крессиде с тех пор не изменяла. Она причесалась, надушилась и храбро улыбнулась собственному отражению в зеркале. Но Крессиде было холодно в ее наряде, а улыбка застыла на губах. Когда-то она, кажется, читала, что младенцы осваивают улыбку как защитный механизм. Именно такой и была сегодня ее улыбка — самозащитой, способом помешать людям приглядываться к ней слишком внимательно или твердить «не унывай!» с этой их невыносимой сердечностью.

Крессиде продолжала метаться между оптимизмом и отчаянием. Конечно же, это письмо —

наверняка результат какого-то недоразумения. Как только она поведает о нем Чарльзу, он ее успокоит, укажет на ошибку, обнимет и скажет с любовью: «Ты и вправду ничего не понимаешь в деньгах». Все будет как в тот раз, когда она решила сама оплатить какие-то счета и в результате оплатила их дважды. Это случилось вскоре после их свадьбы, и Чарльза тот случай позабавил. На самом деле ему, похоже, нравилось, когда она совершала грубые ошибки и чего-то не понимала. И всякий раз, когда она думала, что ухватила-таки смысл, и пыталась отпустить умную реплику, Чарльз раздражался смехом. Она всегда отставала от него на шаг. Конечно же, это письмо — результат какой-то путаницы. Должно быть что-то, о чем она не подумала или чего вообще не знала, но что все объяснит. Завтра они вместе посмеются над ее страхами.

Так почему же при мысли о письме ее начинает мутить и она беспокойно взбалтывает напиток в своем бокале? Кэролайн вспомнила фигурирующую в документе сумму, и ее передернуло. Она богата. Конечно же, она была богата. Но богата ли до сих пор? Способна ли она выплатить такие деньги? Крессида напрягла память, пытаясь вспомнить, что ей говорил во время последней встречи мистер Стэнлейк, управляющий ее финансами. Она помнила улыбку на его тонких губах, помнила пожатие его прохладной ладони, вид из его окна и даже лицо его ухоженной сек-

ретарши, которая всегда приносила им кофе. Но что он сказал? Сколько осталось от ее капиталов? Крессида провела рукой по платью. Наверное, ей надо бы выяснить, каково сейчас ее финансовое положение, прежде чем рассказывать Чарльзу о письме. Потребуется время — но, с другой стороны, здесь все равно не место для подобного разговора. Особенно сейчас, когда появилась эта девушка — или женщина, как ни назови.

Чарльз с самого начала не хотел говорить об Элле, а Крессида, конечно же, тоже не рвалась ворошить его прошлое. Она практически ничего не знала об Элле, за исключением того факта, что Чарльз прожил вместе с ней почти пять лет в доме на Сеймур-роуд. На самом деле до нынешнего дня Крессида даже понятия не имела, как выглядит Элла. Почему-то она была удивлена, увидев ее, — может, оттого, что представляла чуть более полной и чуть менее... Крессида задумалась, подыскивая подходящее слово. С чуть менее экзотической внешностью.

От размышлений ее отвлек внезапный взрыв смеха — это расхохотались Кэролайн с Энни. Кэролайн выставила напоказ бутылку «Малибу».

— Энни, если ты этого не пробовала, твоя жизнь прошла зря! — выкрикнула она. — Это потрясающе!

Энни раскраснелась, глаза ее сияли.

— Да я еще шампанское не допила, — возразила она, но Кэролайн уже подливала напиток ей в бокал.

Теннис-парты

— Ну и что?

Кэролайн огляделась с озорным видом и поднесла бутылку к губам.

— Однажды я работала на рекламной кампании «Малибу», — сказала она, вытирая губы. — Или это была «Пина Колада»? Мы были в травяных юбочках и с толстым слоем искусственного загара — прямо настоящие апельсинки. Той ночью я перепачкала все постельное белье. — Кэролайн помедлила. — Впрочем, если я правильно помню, это была не моя постель, так что мне было начхать.

И она снова заливисто расхохоталась.

Патрик уходил еще за каким-то своим крикетным раритетом и теперь, вернувшись, с подозрением уставился на смеющуюся Кэролайн. Потом его взгляд упал на Крессида, сидящую в одиночестве на диване. Крессида тут же лучезарно улыбнулась ему — с некоторым отчаянием — и мысленно пожелала, чтобы он вернулся обратно в мужскую компанию. Она интуитивно ощущала, что Патрик — тот человек, который разгадает ее настроение и выведает у нее все без малейших усилий.

Патрик взглянул на полупустой бокал Кресиды и обратился к Кэролайн:

— Радость моя, думаю, нужно еще шампанского.

Он улыбнулся Крессиде, и та ответила улыбкой, но с еще большим трудом.

— Чудесный вид, не правда ли? — сказала Крессида, указав на окно. Она пробежалась взглядом по полям и попыталась придумать, что бы еще такого сказать. — Чудесные цвета, — добавила она в конце концов.

Патрик кивнул.

— Тут потрясающие закаты. У меня есть несколько великолепных фотографий. Нужно будет вам показать.

— Отлично, — вяло произнесла Крессида.

Воцарилось молчание. Крессиде казалось, будто взгляд Патрика проникает ей в самую душу. Губы ее задрожали. Она опустила взгляд, чувствуя, как на щеках проступает румянец.

— Крессида, — начал было Патрик, шагнув к ней.

Крессида неотрывно смотрела на свои колени, сама не понимая, отчего краснеет.

Но тут, к ее облегчению, отворилась дверь и вошли Дон с Валерией.

— Привет! — воскликнула Валерия. — Мы не опоздали?

— Нет-нет! — радушно откликнулся Патрик.

Он двинулся к Валерии, поцеловать ее в щеку, а та неловко подалась ему навстречу, так что они с силой столкнулись. Когда Патрик поднял голову, Крессида на миг встретилась с ним взглядом. Она снова уставилась в бокал с шампанским и поймала себя на том, что улыбается с какой-то странной симпатией. Подняв голову, Крессида

увидела, как Патрик с искренним видом пожимает Дону руку, а Валерия машет ей так, словно их разделяет несколько миль.

— Ой, какое замечательное платье! — восхитилась Валерия. — Прямо совсем как мое!

Крессида, с легким ужасом присмотревшись к Валерии, поняла, что это утверждение недалеко от истины. На них обеих были темно-синие платья строгого покроя. Только платье Крессиды было льняным, сшитым в точности по фигуре, а платье Валерии — из синтетической ткани и сидело на ней плохо, но Валерия явно не замечала разницы.

— Я обожаю классический стиль! — воскликнула она, усаживаясь рядом с Крессидой.

Валерия протянула руку и потрогала платье своей соседки. Крессида внезапно замутило, без всяких разумных оснований.

— Чудное платье, — не унималась Валерия. — Откуда оно у вас?

— Купила в Лондоне, — пробормотала Крессида.

— И я тоже, — сообщила Валерия. — На распродаже. На самом деле оно не совсем моего размера, но такая была выгодная покупка!

— Валерия, хотите чего-нибудь выпить? — поинтересовался Патрик. — Может, шампанского?

— О-о, чудно! — откликнулась Валерия.

Она устроилась рядом с Крессидой. Ноги у нее были совершенно белые, не считая полосок ро-

зовой обгоревшей кожи на подъеме стоп, и покрыты красными точечками, свидетельствами недавнего бритья, а на каблуке темно-синей лакированной туфли болтался приставший лейкопластырь.

Крессида исподтишка взглянула на Кэролайн, открывавшую очередную бутылку шампанского. Она вся была словно лучик солнца, с этим ее платьем цвета лютика, золотистой кожей и яркими светлыми волосами, сияющими под лампами направленного света, что висели над баром. Кэролайн, с точки зрения Крессиды, была слишком сильно накрашена, и вела она себя, как обычно, вульгарно, но, по крайней мере, выглядела бодрой и жизнерадостной. А Энни, в ее красочном индийском саронге, была раздумавшейся, счастливой и оживленной. Лицо ее уже слегка загорело, а волосы были убраны в узел. Крессида никогда еще не видала Энни такой хорошенькой.

Крессида взглянула на свои коленки, обтянутые темно-синей тканью, и на Валерию, и ей вдруг померещилось, будто она снова очутилась в школе и они с Валерией пришли одетыми не по форме. Ее платье, каким бы красивым и дорогим оно ни было, казалось одновременно немодным и чересчур шикарным. И еще Крессида отметила, что на ней единственной был облегающий наряд. Она пригубила шампанское, чувствуя себя отвратительно. В ней все было не так. Однако она надевала это же самое платье несколько недель на-

Теннис-party

зад, к Маршантам, и чувствовала себя в нем легко и непринужденно.

Патрик подошел к бару. Кэролайн восседала в одиночестве на барном высоком табурете и потягивала коктейль, прикрыв глаза.

— Радость моя, — сказал он, — народ ждет выпивки.

— Пожалуйста. — Кэролайн озлобленно взглянула на него и вручила ему открытую бутылку. — Можешь разливать.

Патрик посмотрел на нее с раздражением.

— Я хотел сказать, — произнес он, — почему бы тебе не пройтись по гостиной и не поговорить с гостями?

— Я разговариваю с Энни, — упрямо отрезала Кэролайн. — Она вышла в уборную и сейчас вернется.

— Не можешь же ты весь вечер говорить только с ней, — сказал Патрик, пытаясь свести все к шутке. — У нас есть и другие друзья.

— Друзья! — передразнила его Кэролайн. Она развернулась вместе с табуретом и с презрением уставилась на Патрика. — Так Энни — твой друг? И Стивен? Если да, то да сжалится Господь над твоими врагами!

Патрик неловко переступил с ноги на ногу.

— Здесь неподходящее место для таких разговоров, — шепотом произнес он.

— Вот именно! — негромко, но сердито отозвалась Кэролайн. — И неподходящее место для

того, чтобы очищать людей, доверяющих тебе. Как доверяют тебе Стивен с Энни. Или, может, мне следовало сказать — доверяли.

Патрик посмотрел на нее с возрастающим беспокойством.

— Кэролайн! — прошипел он. — Только посмей сказать что-нибудь Энни!

Кэролайн с вызовом уставилась на него.

— И что тогда?

— Привет, Патрик! — весело окликнула его Энни, и он неловко улыбнулся.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он.

— Я чудесно себя чувствую! — весело произнесла Энни. — День был потрясающий! Я вам даже сказать не могу, до чего же он понравился нам обоим. А дети вообще блаженствовали. — Она с улыбкой повернулась к Кэролайн. — Николь теперь боготворит Джорджину еще сильнее, чем прежде. Она требует, чтобы их спальню называли дортуаром. Я думаю, Джорджина как раз собирается объявить отбой и потушить свет.

— О господи! — сказала Кэролайн. — Мы и вправду вырастили маленького Гитлера.

Патрик нахмурился и собрался было возразить, но передумал.

— Как ты думаешь, дорогая, обед скоро? — спросил он.

— Еще нет Эллы, — заметила Кэролайн.

Патрик нахмурился еще сильнее.

— Ах да, — отрывисто отозвался он. — Что ж, я пойду обнесу пока гостей шампанским.

— Она наверняка скоро подойдет, — успокаивающе произнесла Энни.

Чарльз игнорировал умоляющие взгляды, которые бросала на него Крессида с дивана. К ней прицепилась эта кошмарная Валерия, и Чарльзу было жаль Крессида, но сегодня вечером что-то не позволяло ему послушно сидеть рядом с женой. Он ощущал какое-то неясное предвкушение, легкое возбуждение, веселье и прилив энергии. Возможно, решил Чарльз, это результат физических нагрузок на свежем воздухе, солнца и шампанского. Он не позволял себе задуматься над тем, отчего это вдруг подобное настроение охватило его только после внезапного появления Эллы. За четыре года брака он привык быстро выбрасывать из головы всякие мысли, связанные с Эллой. Помнил лишь плохие моменты их совместной жизни, а по большей части вообще не вспоминал о своей бывшей подруге.

Чарльз заметил, что Стивен тоже вроде бы пребывает в хорошем расположении духа. Они с Доном до сих пор разглядывали какие-то старые фотографии, программки, протоколы соревнований, крикетные мячи и даже пару крикетных щитков. Принадлежащая Патрику коллекция крикетных раритетов явно зачаровала их. Чарльзу же она казалась совершенно неинтересной. За крикетом занятно наблюдать и с эстетической точки зрения, и как за памятником истории, но бесконечные списки и фотографии

давно позабытых игроков — нет, это не его радость. И тем не менее он продолжал нависать над Доном со Стивеном, стараясь не глядеть на бледное лицо Крессиды. У него было слишком хорошее настроение, чтобы сидеть рядом с женой, выглядящей такой несчастной.

Крессида еще сильнее пала духом. Она сидела неудобно и чувствовала, что платье помялось, но встать и поправить его не могла — это означало бы привлечь к себе внимание, а сейчас она не вынесла бы чужих взглядов. Ее бокал, крепко сжатый в ладони, нагрелся, ноги в чулках скользили по кожаному дивану, причиняя дополнительное неудобство, а пронзительный голос Валерии все зудел и зудел.

Последние пятнадцать минут Валерия щедро потчевала Крессиду сомнительными сплетнями о конторе, в которой работала. Она излагала все эти истории беззаботно, и было видно: до нее не доходит, что эти интрижки могут вдребезги разбить чей-нибудь брак, разрушить доверительные взаимоотношения, уничтожить семью. Для Валерии все это было лишь забавой.

— Вы ни за что не догадаетесь, что было дальше,— изрекла как раз Валерия.— Тут вошла Мишель, его секретарша, и назвала его жену не тем именем. Она чуть не умерла! — Валерия умолкла и уставилась на Крессиду сияющими глазами, без особой надежды ожидая ответа. Очевидно, Крессида разочаровала ее как партнер по сплет-

ням.— Но она что-то заподозрила не в тот день,— продолжила она.— В смысле — жена. А только два месяца спустя. Из-за совершенно дурацкой ошибки. Она увидела список его расходов, и там фигурировала плата за двухместный номер в гостинице. Он растерялся и, вместо того чтобы придумать какую-нибудь историю, взял и сознался ей во всем. А потом неделю проболев.

Крессида сама почувствовала себя больной. Она никогда еще не слышала такого омерзительного списка мелких преступлений. И ей хотелось оплакать эту жену. Всех жен.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросила Валерия, заметив, что Крессида побледнела.

— Все нормально,— произнесла Крессида дрожащим голосом.— Я просто немного устала.

— Знаете что, я вам принесу воды,— предложила Валерия, назначив себя на пост помощницы Крескиды и преисполнившись чувства собственной значимости.— Бокал «Перье», хорошо?

— Это было бы замечательно,— отозвалась Крессида.— И я, наверное, выйду на террасу.

— Да-да, подышать свежим воздухом. Отличная идея,— сказала Валерия и положила влажную ладонь на руку Крескиды.— Наверное, вы сегодня перегрелись на солнце.

Крессида едва подавила рвотный позыв.

Когда Валерия отошла к бару, Крессида с трудом поднялась на ноги. Ее льняное платье, как она и подозревала, измялось на спине, и мате-

рия была вся в складках. Кроме того, подшитая внутри платья запасная пуговица, похоже, зацепилась за колготки. Крессида неловко пощупала это место. Выход был один: отправиться в ванную и посмотреть, что там стряслось. Крессида поставила бокал и двинулась к двери. Но прежде, чем она успела до нее добраться, дверь отворилась.

— Извините за опоздание, — слышался хрипловатый голос, и на пороге появилась Элла.

На ней было платье из множества слоев воздушного шифона, бледно-бледно-желтого, жгуче-оранжевого и цвета корицы. На шее — длинная нитка янтарных бус, к которым был подвешен большой, изысканно украшенный серебряный крест. На щеках Эллы играл яркий румянец, а волосы были подвязаны шелковым шарфом цвета кофе. Взгляд темно-карих глаз скользнул по комнате, и Элла улыбнулась Патрику, который как раз наливал Стивену шампанское.

— Я такая копуша, — виновато произнесла она. — Стоит мне дорваться до горячей ванны, и я не в силах из нее выбраться. Я очень опоздала?

— Нет-нет, не говори глупостей, — отозвался Патрик. — Входи, выпей чего-нибудь.

Он завел Эллу внутрь, и та вдруг оказалась как раз напротив Крессиды. Крессида поспешно выпрямилась, прекратив теребить платье, и ослепительно улыбнулась.

— Здравствуйте, — сказала Элла. — Мы с вами сегодня не пересекались. Я — Элла Харт.

Теннис-party

— Очень приятно,— бесцветным тоном произнесла Крессида. Рядом с этой чувственной, яркой женщиной она чувствовала себя тенью.— Я — Крессида Мобин.

Она заметила, что Элла слегка вздрогнула, прежде чем пожать протянутую руку.

— Забавно,— сказала Элла, взглянув на Чарльза и Стивена, смотревшего на них с какой-то неловкой зачарованностью.— Я почему-то совершенно не осознавала того факта, что вы тоже Мобин. Понимаете, для меня фамилия Мобин ассоциируется с Чарльзом.

Рука Эллы была теплой, а когда она придвинулась ближе, Крессида ощутила нахлынувший волной чужеземный запах. Она помедлила долю секунды, прежде чем ответить.

— Знаете,— бодро произнесла Крессида,— сразу после свадьбы мне и самой было странно, что у меня другое имя. Но постепенно я привыкла. Теперь подписываю чеки не задумываясь.

Она снова улыбнулась. Элла несколько мгновений молча смотрела на нее, потом тоже медленно улыбнулась.

— Да, не сомневаюсь. Крессида Мобин.— Элла словно бы попробовала это имя на вкус.— Я рада, что мы встретились.

Крессида попыталась скрыть удивление.

— Я тоже,— солгала она.

Кэролайн, вспомнившая наконец о своей роли хозяйки, подошла к Элле и Крессиде и решительно вступила в разговор.

— Пойдем выпьем чего-нибудь, Элла, — предложила она и увела ее от Крессиды.

Крессида посмотрела им вслед с незнакомым ощущением обиды. Элла, очевидно, принадлежала к числу избранных гостей. Крессида задумалась, стоит ли ей идти в ванную поправлять платье. Может возникнуть впечатление, будто ее оскорбило присутствие этой женщины. Хотя на самом деле, поспешила уверить себя она, ничего такого не было.

— Привет, дорогая, — произнес Чарльз, подойдя к ней с какой-то неестественной улыбкой. — Я видел, ты поговорила с Эллой. Я рад, что вы наконец встретились.

Крессида, ничего не понимая, уставилась на Чарльза. С чего бы вдруг кому-то радоваться, что она встретилась с Эллой? Она не видела в этом никакой пользы.

Когда Стивен явился к обеду, вид у него был сияющий. После дневной игры в теннис он чувствовал приятную расслабленность; при виде тарелочек с красиво сервированным копченым лососем у него разыгрался аппетит, и его до сих пор еще не покинуло радостное возбуждение от сделки, которую он заключил с Патриком. Он оглядел остальных присутствующих. Все в гостиной выглядели светски утонченными и свободными от предрассудков — даже Энни. Стивену представился их обычный домашний ужин в кругу

семьи. «Энни всегда красива,— преданно подумал он,— даже когда возится, разгоряченная, у плиты или, сосредоточенная, что-то переписывает вместе с Николь». Но сегодня вечером она была радостной и оживленной и много смеялась. Конечно же, сказывалось влияние Кэролайн. Он совсем забыл, как решительно подходит к делу эта женщина, когда желает хорошо провести время.

— Привет!

Донесшийся из-за плеча голос заставил Стивена обернуться. Это оказалась Элла; она улыбнулась, и на щеках у нее возникли ямочки.

— Я так еще и не поздоровалась с тобой как следует,— добавила Элла.

Стивен наклонился и поцеловал ее в щеку; гладкую и румяную, еле заметно пахнущую кокосовым орехом.

— Ты замечательно выглядишь,— сказал Стивен, понимая, что сбивается на банальность. Хотя что он еще мог сказать? — Похоже, тебе на пользу путешествия...

Или что-то вроде,— со смехом закончила Элла. Взгляд ее карих глаз скользнул по лицу Стивена.— А ты? Ты счастлив?

Стивен небрежно пожал плечами. Он вспомнил, что Элла всегда стояла чуть ближе к себе-седнику, чем остальные люди, задавала чуть более проницательные вопросы и обычно продолжала неудобную тему, когда другие предпочли бы беззаботно махнуть рукой и увести разговор в сторону.

— У меня все хорошо, — поспешно произнес Стивен и улыбнулся Элле — своей новой, уверенной улыбкой.

— Я сказала Кэролайн, что хочу сидеть рядом с тобой, — сообщила Элла. — Не терпится послушать про твою диссертацию. Я так рада, что ты наконец-то взялся за нее. — Она устремила к столу, рассматривая карточки с именами. — Ага! — воскликнула она. — Вот мы где!

Стивен медленно подошел к Элле; с каждым шагом его уверенность развеивалась все сильнее. Он почти забыл о своей диссертации. Сегодня днем он отвел себе роль праздного состоятельного дельца, наслаждающегося игрой в теннис в компании друзей. Он почти убедил себя в том, что его естественная среда — этот удобный и роскошный дом, а не пыльные университетские библиотеки и кабинеты. Неужто его вынудят вернуться мыслями к провалившейся попытке научной деятельности, заставят вспоминать громоздкий массив сомнительной информации и непродуктивных аргументов, что преследовали его в снах, словно насмехаясь? При воспоминании об этом Стивен содрогнулся. Посмотреть на Патрику, так он, похоже, делает все правильно — а ведь никогда в жизни и близко не подходил к университету! И уж точно не отказывался в уже солидном возрасте от хорошо оплачиваемой работы ради бесплодной погони за признанием научных авторитетов. Разве не к этой приятной, праздной

Теннис-party

жизни он стремился на самом деле? Стивен неловко опустился на стул, обтянутый мягкой ворсистой тканью, и весело улыбнулся сидящей напротив Валерии. Но Элла дернула его за рукав.

Она развернула салфетку, сбрызнула лосося лимонным соком и серьезно взглянула на Стивена из-под ресниц.

— Мне ужасно интересно, — сказала она, — как продвигаются твои исследования.

Когда миссис Финч убрала посуду после первой перемены блюд, Чарльз снова взглянул на Стивена и Эллу. О чем они так увлеченно разговаривают? Стивен оживленно жестикулировал, Элла с энтузиазмом кивала. Она наклонилась к Стивену, сцепив руки и невольно приподняв грудь так, что ложбинка между полными, золотистокоричневыми грудями оказалась открыта всеобщему обозрению. Или это было сделано умышленно? Чарльз отвел взгляд, но затем снова взглянул на собеседников.

— Но это же поразительно! — донесся до Чарльза через стол хрипловатый голос Эллы. — Просто поразительно!

Чарльз не выдержал.

— Что поразительно, Элла? — непринужденно поинтересовался он.

Все за столом умолкли и посмотрели на него. Чарльз проигнорировал бледное, вопросительное

лицо Крессиды, приподнятые брови Кэролайн, ухмылку Патрика и продолжил:

— Извини, я случайно услышал о чем-то поразительном, и мне стало любопытно, что же это такое.

Элла посмотрела на него, приподняв брови, с легким презрением и удивлением.

— Мы разговариваем о диссертации Стивена, — ответила она. — Тема очень интересна. Но ты, я думаю, и так все об этом знаешь. Я же слышу в первый раз.

Чарльз посмотрел на Стивена. Все ожидали его ответа.

— Да, конечно, — в конце концов пробормотал Чарльз. — Твоя диссертация. Ужасно интересно.

— Ты вправду так считаешь, Чарльз? — произнес Стивен, улыбнувшись с поддельным удивлением.

Он прекрасно понимал, что Чарльзу наплевать на его диссертацию. Чарльз еле сдержался, чтобы не одарить Стивена взбешенным взглядом. Его внезапно охватила иррациональная ненависть к этому человеку за то, что он сидит рядом с Эллой, вдыхает ее запах, прикасается к ее обнаженной руке, смеется над ее шутками. Но сейчас Элла смотрела на него, Чарльза, задумчиво теребя янтарные бусы. Нужно было что-то сказать.

— Ну да, — сказал он. — Семнадцатый век?

— Четырнадцатый, — поправила его Элла. — Не хочешь же ты сказать, что в семнадцатом веке писали мистерии?

Теннис-party

— Мистерии? — с удивлением переспросил Чарльз. — Стивен, а с каких это пор твоя диссертация посвящена мистериям?

— С тех пор как мою изначальную заявку завернули, — усмехнувшись, ответил Стивен. — Всего два года назад.

— Я как-то это упустил, — виновато признался Чарльз.

К собственному удивлению, он и вправду был пристыжен. Ему вдруг вспомнились уютные ужины в кухне Фэйрвезеров. Стивен в общих чертах излагает последний материал, над которым работает, и глаза его горят восторгом первооткрывателя. Он жестикулирует, размахивая куском чесночного хлеба или вилкой с нанизанными на нее макаронами, и приостанавливает поток красноречия лишь затем, чтобы проглотить еду или пригубить вино, а потом поднимает голову и видит, что Энни и Чарльз подсмеиваются над ним. И Элла, конечно же. Она всегда была там.

— Мне кажется, это великолепная идея — поставить здесь собственную мистерию, — сказала Элла. — Силчестерская мистерия. Нам нужно объединиться и подготовить ее. В кафедральном соборе.

— Мы могли бы сделать это на благотворительной основе, — подала вдруг голос Крессиди.

Она следила за обменом репликами без особого энтузиазма. Ей было невдомек, что такое мистерии, и ее не интересовала диссертация Стивена. Она не доверяла Элле и не понимала, отчего

Чарльз так упорно стремится поговорить с этой женщиной. И еще ей ужасно хотелось лечь в постель. Но инстинктивное стремление вновь завоевать внимание Чарльза вкупе с уверенностью в том, что она обязана вносить свой вклад в общую беседу, вынудили Крессида выступить с этим героическим предложением. Выдвинув его, она с облегчением откинулась на спинку стула.

Но в результате внимание Эллы оказалось приковано к Крессиде.

— Какая прекрасная идея! — с нажимом произнесла она. — А вы могли бы организовать что-нибудь в этом роде?

— Видите ли, — слабым голосом отозвалась Крессида, — я вхожу в несколько благотворительных комитетов. В Силчестере.

— Это же прекрасно! — воскликнула Элла. — Вы можете устроить это представление в соборе. Привлечь к участию профессиональных актеров. Это будет целое событие. — Она лучезарно улыбнулась Стивену. — А это помогло бы твоим исследованиям — если бы ты увидел мистерию поставленной?

— Думаю, да, — ответил Стивен.

— Конечно, помогло бы! — воскликнула Элла. — Непременно дай мне знать, когда все будет готово. Я специально вернусь, чтобы посмотреть представление.

— Вернешься? — вопреки желанию вмешался Чарльз. — Откуда?

Элла взглянула на него с любопытством.

Теннис-party

— А я что, не сказала? — удивилась она. — У меня появилась работа. В Италии.

— О-о-о, как мило! — воскликнула Валерия. — Работать в Италии! Представляю себе!

— Я буду ассистентом некой Мод Веннингс, — пояснила Элла. — Она большую часть времени живет в Италии.

За столом воцарилось потрясенное молчание. Элла улыбнулась Кэролайн. Та в ответ пожала плечами. Элла уже успела сообщить Кэролайн о своем новом месте работы, но, поскольку Кэролайн никогда не слыхала про Мод Веннингс, это известие не произвело на нее особого впечатления. Первой молчание нарушила Энни:

— Мод Веннингс? Та самая художница?

— Да, та самая художница, — ответила Элла, деликатно подцепила кусочек тарталетки с морепродуктами и, отправив в рот, задумчиво начала пережевывать.

Присутствующие взирали на нее с благоговейным трепетом.

— Мы видели передачу про нее, правда, Валери? — сказал Дон. — По телевизору. Она вроде очень эксцентрична, да? Живет в одиночестве в каком-то огромном замке?

— Да, ее можно назвать эксцентричной, — согласилась Элла. — Она привыкла жить в одиночестве. Но теперь я буду жить с ней. И мы не будем бездельничать. Мы решили основать ряд семинаров, или мастер-классов. Живопись, еда, вино, прогулки... что-то в этом духе.

— В общем, пакет услуг для отпуска,— произнес Чарльз, не в силах сдержать насмешливые нотки. Его охватило чувство, опасно близкое к зависти.

— Не совсем,— отозвалась Элла, загадочно улыбнувшись.— Участвовать смогут только одаренные художники. Выпускники художественных колледжей, например. Мы можем также устроить встречи для музыкантов. Мод знает множество музыкантов. И они будут ее гостями. Это не бизнес. Но ей все-таки нужен кто-нибудь, чтобы заняться организацией этого проекта.

В беседе снова возникла пауза. Все задумались над тем, что стоит за этими словами.

— Думаю,— сказал в конце концов Дон,— с деньгами у нее все в порядке.

— Ее картины продаются за сотни тысяч фунтов, верно? — с пылом произнесла Валерия.— Эти обнаженные девушки. У меня над рабочим столом висит открытка с репродукцией одной ее картины.

— А у нас плакат висит на кухне,— сказала Энни.

— Я однажды посещала ее выставку в Лондоне,— подала голос Крессида.— Кажется, она была благотворительной, в помощь детям.

Чарльз бросил на жену разъяренный взгляд.

— Элла, так расскажи нам, как тебе удалось,— поинтересовался он, пытаясь скрыть раздражение.

Теннис-парту

— Да очень легко,— ответила Элла.— Я написала ей, что приезжаю в Италию и хотела бы посетить ее. Я подумала, что хорошо бы взять у нее интервью. Сама не знаю, что меня подтолкнуло. Но она согласилась. Тогда я отправилась к ней, а она пригласила меня остаться на обед. Так оно все и вышло.

— Она согласилась тебя принять только потому, что ты написала ей письмо?

Чарльз уже не в силах был скрыть возмущение.

— Это было довольно длинное письмо,— задумчиво произнесла Элла.— Я рассказала ей о себе, о своей жизни, о том, что привело меня в Италию...— Она внезапно умолкла и улыбнулась Чарльзу.— Думаю, она решила, что все это достаточно любопытно. И мы очень хорошо поладили, прямо с самого начала. Она сказала мне потом, что сразу же, как меня увидела, ей захотелось, чтобы я жила с ней.

Глаза Валерии округлились.

— В той телепрограмме говорилось, что она, возможно... э-э... понимаете...— Валерия запнулась и шепотом договорила: — Лесбиянка.

— В самом деле? — переспросила Элла. Она помолчала; рука с вилкой застыла на полдороге до рта.— Да кто его знает,— сказала она.— Может, и лесбиянка.

Кофе подали, Дон с Валерией дали понять, что собираются уходить, а остальные сидели в гостиной. Двери террасы были по-прежнему открыты, и душистый ночной воздух мешался со стойким ароматом кофе. Энни мечтательно, словно в полудреме, покачивала бокал с коньяком. Какой чудесный выдался день! Мышцы приятно ныли, кожа была теплой от солнца, а желудок до отвала набит едой. И легкое опьянение придавало восхитительную расслабленность всему телу.

Грезы ее прервал возглас Дона.

— До завтра!

— А, что? Ах да, до завтра,— отозвалась Энни.

— Мы придем посмотреть ваш матч,— сообщил Дон.— С утра пораньше.

Энни схватилась за голову.

— Но я же завтра буду кошмарно себя чувствовать! — воскликнула она.

— Выпивайте стакан воды на каждую порцию алкоголя,— весело посоветовал Дон.— Вот вам мой совет.

Энни вдруг ощутила несвойственное ей желание швырнуть в него бокалом. Она неспешно сделала большой глоток коньяка, подняла голову и поперхнулась, увидев, как Кэролайн корчит рожи за спиной у Дона.

— Я впала в детство! — пожаловалась Энни, когда Дон исчез за дверью.— Вернулась на три-

Теннис-party

дцать лет назад.— Она обвиняюще посмотрела на Кэролайн.— Это все ты виновата! До сегодняшнего дня я была вполне разумным человеком.

— Да вот еще! — парировала Кэролайн.— А помнишь, как мы кидались яблоками на Хэллоуин? Это было вообще из ряда вон!

И они с Энни захихикали при этом воспоминании.

— Я тогда была вся в синяках и шишках, — призналась Энни.

— Да и все мы, — сказала Кэролайн.

— А Николь то и дело повторяла: «Нет, ма, надо вот так!» — сообщил со своего места Стивен, с удовольствием наблюдавший за Энни.

— Бедная Николь, — осторожно вытирая глаза, сказала Энни.— Кажется, она никогда прежде не видела меня пьяной.

— Она неплохо кидалась яблоками, — вспомнила Кэролайн.

— У нее и сейчас неплохо получается, — с усилием произнесла Энни.

— Милая Николь, — сказала Кэролайн.— Она просто прелесть.

— Ах, Николь! — вмешалась в их разговор сидящая на диване Элла.— Я ее обожаю!

Элла оккупировала две трети дивана и расположилась с удобством, сбросив туфли и запрокинув голову. Оставшуюся часть дивана пока никто не занял. Стивен сидел рядом с диваном на полу. Энни с Кэролайн устроились у камина.

Крессида сидела в одиночестве на низеньком кожаном пуфике. Один лишь Чарльз расхаживал по гостиной, словно большой кот, и взгляд его всякий раз мгновенно обращался на Эллу, стоило ей заговорить или пошевелиться.

Элла же тем временем снова завела речь о Силчестерской мистерии.

— Нет, Стивен, вправду, ты должен ее поставить,— настаивала она, усевшись и обхватив ноги под просвечивающими слоями платья.

— Я подумаю,— отозвался Стивен, улыбаясь ей.

— Что значит «подумаю»? Сделай!

— Все может оказаться не так легко,— возразил Стивен.— Такие вещи требуют много времени, большой подготовительной работы. И немалых денег, если хочешь, чтобы все было сделано хорошо. Где мне их взять?

Элла пожала плечами.

— Деньги всегда можно найти, если сильно захотеть.

Чарльз, прислушивавшийся к их разговору, подошел к ним и с нарочитой небрежностью уселся на ту часть дивана, которая оставалась свободна. Элла молча посмотрела на него. Их разделяло каких-нибудь несколько дюймов; ноги Эллы почти касались брюк Чарльза.

— Если тебе нужны деньги,— сказал Чарльз, глядя не на Стивена, а на Эллу,— мы всегда можем сколько-то вложить в это дело. С помощью

Печатного центра. Это проект именно того рода, какими нам и надо заниматься.

Элла пренебрежительно взглянула ему в глаза.

— Сколько? — с вызовом спросила она.

Сердце Чарльза забилося чуть быстрее.

— Пять-десять тысяч, — сказал он.

Элла не шелохнулась.

— Пятнадцать? — Голос Чарльза дрогнул.

— Пятнадцать тысяч фунтов?! — воскликнул Стивен. Восклицание разнеслось по гостиной. — Подумать только! Чарльз, это очень щедро!

Крессида, которая смотрела на ковер, не обращая внимания на происходящее, подняла голову. Они что, говорят о деньгах? Чарльз на самом деле пообещал кому-то пятнадцать тысяч фунтов? Ее сознание вновь захлестнули мысли о письме, и Крессида пронзила тревога. Ей необходимо было высказаться.

— Извини, Чарльз, — неловко произнесла она, вздрогнув, когда все обернулись к ней, — что ты сказал?

— Да ничего особенного, — отозвался Чарльз. — Это касается Печатного центра. Можешь не беспокоиться.

Он отвернулся. Крессида увидела, словно сквозь дымку, что Чарльз сидит на диване рядом с Эллой. Однако же когда на диване сидела она, Чарльз решительно заявил, что постоит. Все это напоминало скверный сон. А страшнее всего была нерассказанная тайна письма.

— А что за дело? — решила не отставать Крессида.

Чарльз раздраженно взглянул на нее.

— Спонсорское соглашение. Мы собираемся поддержать постановку Силчестерской мистерии. Если хочешь, помоги с организацией.

— Да,— отозвалась Крессида.

Ее захлестнула паника. Необходимо рассказать обо всем Чарльзу! Пока он не пообещал деньги еще кому-нибудь. Ей необходимо с ним поговорить!

Крессида встала, нетвердо держась на ногах, и ослепительно улыбнулась присутствующим.

— Пожалуй, я и вправду пойду спать,— сказала она и старательно улыбнулась Чарльзу.— Дорогой, ты идешь?

Чарльз посмотрел на нее с удивлением, если не сказать — с раздражением, потом взглянул на часы.

— Еще даже двенадцати нет,— сказал он.— Ты хочешь уйти так рано?

— Да,— отозвалась Крессида, глядя на мужа многозначительно, как она надеялась.— День был долгий.

— А я, пожалуй, побуду еще,— сказал Чарльз.— Приду попозже.

Крессида несколько мгновений стояла неподвижно, стараясь скрыть отчаяние.

— Но ты не удержишься надолго? — спросила она в конце концов.

Крессида понимала, как ужасно выглядит в глазах остальных. Все они будут потешаться над ней, когда она уйдет. Но она сойдет с ума, если не расскажет Чарльзу о письме как можно скорее!

— Нет, не задержусь,— ровным тоном отозвался Чарльз.— Спокойной ночи.

И он повернулся к Элле, а Крессида так и осталась стоять посреди комнаты. Она неуверенно двинулась к двери.

— Спокойной ночи, Крессида,— доброжелательно произнес Патрик.— Приятных сновидений. Если тебе что-нибудь понадобится, ты только скажи.

— Спокойной ночи,— поддержали его остальные.

— Не волнуйся,— ухмыльнувшись, сказала Кэролайн.— Мы не станем сильно задерживать Чарльза.

Крессида коротко улыбнулась и поспешно вышла; слезы жгли ей глаза. Они все смеются над ней! А Чарльз презирает за то, что она попыталась утащить его в кровать.

Крессида поспешно прошла через холл и поднялась по лестнице, размышляя, не слишком ли поздно для горячей ванны. Она быстро прошагала вдоль светлого коридора, который казался сейчас гораздо длиннее, чем днем. Но, дойдя до спальни мальчиков, приостановилась. Она была слишком поглощена своими мыслями сегодня вечером

и пожелала им спокойной ночи наспех. Крессида осторожно приоткрыла дверь и заглянула в освещенную лунным светом комнату. На подушках виднелись две белокурые головенки. Мартина тихо посапывала в углу. Пол был завален игрушками. Крессида сделала несколько шагов. Ей отчаянно хотелось схватить детей и крепко прижать к себе, почувствовать, как бьются маленькие сердца, и успокоиться, слушая тихое дыхание. Но самодисциплина не позволила ей совершить подобную глупость. Мальчикам нужно спать, да и Мартину она побеспокоит. Что подумают люди, если увидят ее? Крессида постояла еще несколько секунд, потом неохотно, на цыпочках вышла из комнаты и в одиночестве двинулась в собственную спальню.

После того как Крессида ушла, в гостиной воцарилась атмосфера всеобщего веселья. Патрик прошелся по комнате и наполнил всем бокалы. Кэролайн поставила проигрывать компакт-диск. Гостиную заполнили пульсирующие ритмы южноамериканских танцев. Чарльз откинулся на спинку дивана и погрузился в волны музыки. Элла принялась отбивать ритм ногой и слегка покачиваться. Через несколько мгновений Кэролайн встала и начала танцевать. Ее тело опытной танцовщицы по-прежнему было гибким, а чувство ритма — безукоризненным. Руки ее плавно скользили по раскачивающимся бедрам.

Теннис-party

— Замечательно! — Элла зааплодировала. — Именно так они и танцуют.

— А ты научилась каким-нибудь танцам, когда была в Южной Америке? — спросила Энни, с восхищением глядя на Кэролайн.

Элла пожала плечами.

— Немного.

— Ух ты! — У Энни засияли глаза, словно у ребенка. — Покажи!

Элла улыбнулась, выпрямилась и поднялась с дивана.

— Мне нужен партнер, — сказала она. — Кэролайн, ты как?

Кэролайн протянула ей руки, как в балльных танцах.

— Ближе, — сказала Элла. — Намного ближе.

Она притянула Кэролайн к себе, крепко прижала и начала переставлять ноги, одновременно с этим вращая бедрами. Кэролайн нерешительно принялась подражать ее движениям, а Стивен подошел к музыкальному центру и увеличил громкость. Никто не произносил ни слова. Две женщины медленно двигались, словно бы слившись в бедрах. Лицо Кэролайн было напряженным и сосредоточенным, лицо Эллы — суровым и отстраненным. Чарльз ощутил внезапный укол ревности: ему вдруг захотелось знать, о ком она сейчас думает. При виде танцующих Кэролайн и Эллы в нем начало подниматься нестерпимое возбуждение. Взглянув на остальных мужчин, Чарльз заподозрил, что не одинок в этом.

Песня закончилась, и Кэролайн с хохотом рухнула на стул, разрушив колдовство.

— Отвези меня в Южную Америку! — с пафосом воскликнула она. — Если тамошние мужчины так танцуют, я хочу туда!

— Так танцуют и тамошние женщины, — спокойно произнесла Элла.

Но все уже смотрели на Патрика, который встал и начал вращать бедрами, пытаясь повторить движения танца.

— Боюсь, не совсем так, Патрик, — с ухмылкой произнес Стивен. — Лучше предоставь это жене.

Патрик уселся с недовольным видом, а Элла вернулась на свое место на диване. Истерическое веселье, похоже, иссякло.

— Давайте я сделаю еще кофе! — предложила Энни.

— Я тебе покажу, где что лежит, — тут же вызвалась Кэролайн.

Когда они добрались до кухни, Кэролайн присела на стул.

— На самом деле, — сказала она, — я толком не знаю, где что лежит. Черт его знает, куда миссис Финч засунула кофе.

Энни хихикнула.

— Ты живешь в каком-то другом мире, — сказала она, заглядывая поочередно в кухонные шкафы. — Не зная, где лежит кофе на собственной кухне!

Теннис-party

— Да я обычно оставляю его на столе,— объяснила Кэролайн.— Но эта корова вечно его убивает. Глянь-ка в буфете. Нет, вон в том.

Энни поставила чайник, насыпала кофе в кофейник, потом села рядом с Кэролайн.

— День был прекрасный,— сказала она.— Не знаю, как тебя и благодарить.

Кэролайн улыбнулась.

— Хорошо бы нам встречаться почаще. Я очень скучаю по тебе в этой дыре.

— Но здесь так чудесно! — воскликнула удивленная Энни.— Особенно хорошо детям. Николь замечательно провела время. Да все мы, в общем.— Она взглянула на дверь.— Кажется, Стивену пребывание здесь тоже пошло на пользу,— добавила она, понизив голос.— Я и не думала, что они с Патриком настолько дружны. Но сегодня они проговорили весь день.

Энни радостно улыбнулась Кэролайн, но та слегка нахмурилась. Казалось, она о чем-то размышляет.

— А когда Стивен закончит свою диссертацию? — спросила она вдруг.

— Через год-два,— отозвалась слегка удивленная Энни.

— А что потом? Ну, насчет работы?

Энни пожала плечами.

— Он хочет вернуться в систему высшего образования. Устроиться младшим преподавателем в какой-нибудь университет. Или получить грант на исследовательскую работу.

— А это хорошие деньги?

Энни улыбнулась.

— Не особенно. Но это же не навечно. Он поднимется выше по служебной лестнице.

— А до тех пор?

— До тех пор мы как-нибудь справимся.— Энни доверительно взглянула на Кэролайн.— По сравнению с многими мы очень везучие. В научных кругах богачей нет.— Она подняла голову.— Ой, чайник закипел!

Когда Кэролайн и Энни вернулись, в гостиной было тихо. Музыку снова приглушили, никто не разговаривал, и, когда от ветра хлопнула дверь террасы, все подскочили. Кэролайн поставила поднос, закрыла дверь и принялась разливать кофе. Когда все были оделены, Кэролайн глубоко вздохнула.

— Все мы — старые друзья,— сказала она.— И достаточно хорошо знаем друг друга, чтобы говорить начистоту. Так вот, теперь, когда здесь остались лишь мы шестеро, я хочу кое-что сказать.

Все заинтересованно посмотрели на нее.

— Я хочу...— Кэролайн на миг умолкла, подыскивая нужные слова,— хочу обсудить один вопрос. Вообще-то это касается лишь Стивена с Энни — и нас с Патриком,— но мне хочется, чтобы слышали все.

Она помолчала, отпила кофе и с вызовом взглянула на Патрика.

Теннис-парту

— Это касается финансовых вопросов, — добавила Кэролайн.

У Патрика бешено заколотилось сердце. Он попытался взглядом призвать жену к молчанию — так, чтобы другие не заметили, — но Кэролайн его проигнорировала. Дура чертова! Что она собирается сказать? Что она собирается им открыть? «Я убью ее, — подумал Патрик. — Убью ко всем чертям».

Крессида разделась, стараясь делать это как можно медленнее. Она причесалась, сняла макияж, наложила на лицо увлажняющий крем и крем для век. В конце концов, когда она полностью подготовилась ко сну и делать больше было нечего, Крессида взглянула на часы. Половина первого. А Чарльз так и не поднялся наверх. Тут ей вспомнилась зловещая фраза: «Не дожидайся меня, ложись спать». Но сегодня ей необходимо было дождаться мужа. Ей позарез нужно было с ним поговорить. Крессида повертела в руках извлеченное из косметички письмо и развернула его. Потом спрятала обратно в конверт, не читая. Она и так, не заглядывая, помнила, что в нем написано. А вскоре Чарльз все ей объяснит.

Крессида посмотрела на себя в зеркало. От беспокойства кожа на лице натянулась, а в глазах застыла тревога. Внезапно Крессида осознала, что ей недостает отца. Отец был большой, великодушный и действовал успокаивающе. Чаше

всего он отсутствовал, но если находился рядом, то был больше — и громче, — чем сама жизнь. Отец всегда становился желанным противоядием против специфически женской атмосферы смятения, которая воцарялась в доме, когда он уходил. Мать Крессиды, подверженная лихорадочным приступам паники, выплескивала на него все свои тревоги, как только он переступал порог. Отец с очень серьезным видом выслушивал жену, указывал на слабые места в ее рассуждениях — и вскоре заставлял ее смеяться над собой. Крессида помнила его раскатистый хохот, его огромные, крепкие руки, его грубоватые манеры, от которых мать ежилась, даже когда он заключал ее в объятия.

Но отец мертв, и мать тоже. У Крессиды на глаза навернулись слезы; она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Она больше не позволяла себе плакать по родителям. Крессида выпила полстакана воды, выключила свет в ванной и вернулась в спальню. Остановившись у розовой атласной кровати, она начала было бессвязно молиться, но через некоторое время оставила попытки, недовольная собою. Она забралась в постель, слегка дрожа, уселась, прислонившись к подушкам, и стала ждать Чарльза, сжимая в руках письмо.

Патрик не верил собственным ушам. Он недоверчиво уставился на Кэролайн; та широко улыбнулась ему.

— Мы ведь все это уже обсудили. Правда, дорогой? — сказала Кэролайн.

Патрик слабо улыбнулся Стивену с Энни. Стивен выглядел ошарашенным. Глаза Энни сияли.

— Мы не можем этого допустить, — тихо проговорил в конце концов Стивен.

— Чепуха! — отрезала Кэролайн. — Нам же приходится платить только за Джорджину. Мы спокойно могли бы раскошелиться хоть на шесть школьных взносов каждый год. Так что еще один погоды не сделает. А у нас сердце не на месте от того, что таланты Николь пропадают зря. Девочке нужен шанс. Патрик думает, — добавила Кэролайн, — что Николь нужно учиться ездить верхом.

Патрик изумленно вскинул голову.

— Он думает, что школа Святой Екатерины очень помогла бы Николь воспитать уверенность в собственных силах, — радостно произнесла Кэролайн. — Ведь правда, Патрик?

Тот одарил ее свирепым взглядом.

— Да-да, — отозвался он. — Безусловно.

Он отвернулся налить себе бренди и поймал взгляд Эллы. Элла улыбнулась ему с таким видом, словно знала, что сейчас творится у него на душе.

— По-моему, это прекрасный поступок, — сказала Элла. — Я уверена, что частная школа пойдет Николь на пользу. Это очень великодушно с вашей стороны.

— Очень,— сардонически произнес Чарльз.— Шесть лет обучения в пансионе — штука не дешёвая.

— Мы вернем деньги сразу же, как только сможем,— с жаром произнесла Энни.— Будем считать это займом.

Она лучезарно улыбнулась Патрику.

— Все мои инстинкты и обычаи побуждают отказаться от вашего предложения. Но когда я думаю о Николь, о том, как много это может значить для нее... Боюсь, я не смогу с собой справиться.— Глаза ее увлажнились.— Нет, вы только гляньте на меня! — воскликнула Энни.— Что за жалкая картина!

— Не знаю, не знаю.— Стивен по-прежнему хмурился.— Как сказал Чарльз, это куча денег.

— Все относительно,— заметила Кэролайн. Она недобро взглянула на Патрика.— Я хочу сказать,— добавила она с особым выражением,— что Патрик каждый день имеет дело с такими деньгами. Что по сравнению с этим школьные взносы за несколько лет?

Наблюдая с бессильной яростью за происходящим, Патрик увидел, как эта мысль укореняется в сознании Стивена. О господи, да что ж этот придурок такой наивный?! После сегодняшнего представления в кабинете он небось решил, что Патрик только и делает, что заключает сделки на восемьдесят тысяч. И Кэролайн это поняла.

Теннис-party

Стивен поднял голову и посмотрел на Патрика с сомнением. Патрик заставил себя улыбнуться.

— Кэролайн права, — сказал он, сам не веря в то, что произносит эти слова. — Мы вполне можем это себе позволить.

«Если выбросим из головы всякие мысли про новые машины, не говоря уже про новый дом, — добавил он про себя. — А Кэролайн может потереться своими буклетами про Барбадос!»

— Отлично, — сказала Кэролайн. — Значит, договорились. Я очень рада. Мы оба рады — правда, дорогой?

— Просто счастливы, — отозвался Патрик и залпом опустошил еще один стакан бренди.

Глава 9

Некоторое время все помалкивали. Энни, выпившая больше, чем кто-либо подозревал — и она сама в том числе, — принялась лить тихие, ненавязчивые слезы благодарности за предложение Кэролайн и Патрика. Стивен виновато улыбнулся всем присутствующим и обнял Энни. Остальные сидели, словно бы впав во внезапную апатию, и молча глядели на кофейную гущу с оцепенением подвыпивших людей. Через некоторое время Кэролайн принялась зевать — несколько нарочито. Стивен посмотрел на часы и сменил позу. Патрик тихо собрал кофейные чашки и поставил обратно на поднос.

Чарльз с тревогой осознал, что вечеринка закончилась. Внезапно мысль о том, что ему придется сейчас послушно отправиться в кровать, наполнила его ужасом. После сегодняшнего вечера он ощущал себя бодрым и полным сил, как будто снова стал молодым. Рассказ о путешествии

Теннис-party

Эллы, о ее дружбе с Мод Веннингс, разговоры о художниках, даже обсуждение мистерии Стивена — все это внезапно напомнило ему то, что он прежде любил. О господи, до чего же его ценности, его интересы, даже его представления о хорошо проведенном времени изменились с момента свадьбы! Или, точнее, за время совместной жизни с Крессидой. Когда он в последний раз бодрствовал всю ночь или покуривал травку? Когда в последний раз бросался в дебаты очертя голову, спорил исключительно спора ради — даже если был согласен с оппонентом? Когда в последний раз целый вечер взволнованно обсуждал детали какого-либо нового для Печатного центра проекта, заранее обреченного на коммерческий провал?

Чарльз взглянул на свое запястье, затянутое в манжет рубашки с Джермин-стрит и украшенное дорогими швейцарскими часами. Конечно же, его жизнь изменилась. Никто ведь не ожидал, что он всю жизнь будет оставаться каким-то дурацким хиппи, довольствующимся хлебом, сексом и наркотиками. И дело было не только в нем. Мир изменился. Один лишь Стивен остался реликтом прежних времен: все такой же идеалистически настроенный, наивный и бедный. Чарльз на миг самодовольно вспомнил о доме рядом с кафедральным собором. Этот дом стоит целого состояния, черт подери!

Чарльз на минутку отвлекся от размышлений, ожидая привычного прилива удовольствия, ко-

торое обычно вызывали у него мысли о новопробренном богатстве. Но на сей раз схема не сработала. Бурлящее внутри возбуждение никак не соотносилось с женой и ее мирским состоянием. Чарльз представил лицо Крессиды, ожидающей его наверху, — бледное, вялое, глупое. Идти сейчас в постель было немыслимо.

Он взглянул на Элла, которая сидела, обхватив руками колени, и мечтательно глядела вдаль.

— Я бы хотел немного пройтись, — негромко произнес Чарльз. — Подышать свежим воздухом. Не составишь компанию?

Элла задумчиво посмотрела на него.

— Идет, — сказала она в конце концов и улыбнулась чуть отстраненно. — Ты можешь показать мне сад. Кэролайн! — позвала она, повысив голос. — Сейчас ведь не слишком поздно для прогулки по саду? Летучие мыши не вцепятся нам в волосы?

— Нет-нет, вряд ли, — отозвалась Кэролайн. Она озадаченно взглянула на Патрика и едва заметно покачнулась. — Летучие мыши? — переспросила она. — Нет, навряд ли.

— Действуйте! — сказал Патрик, улыбнувшись им через голову Кэролайн. — Только оставьте дверь террасы открытой, а потом захлопните, когда вернетесь.

— Тогда спокойной ночи, — торопливо произнес Чарльз, не желая смотреть приятелям в лица.

— До завтра, — откликнулась Элла. — Всем приятных сновидений.

Теннис-парту

Когда Элла отворила дверь террасы, Чарльз слегка струсил. Возможно, было бы лучше объявить, что он передумал, что он устал, что, в конце концов, решил отправиться на боковую. Но прежде чем Чарльз успел собраться с мыслями и претворить решение в жизнь, он очутился снаружи, в мягкой, черной, безликой ночи. Он застыл на террасе, вдыхая ночной воздух и глядя на темные очертания сада. Китайские фонарики еще горели, и у Чарльза возникло ощущение, будто он исполняет роль в старомодном фильме. Какой-то зачарованный вечер... В сознании его промелькнула мелодия.

— Ты, кажется, хотел пройтись?

Элла уже была в середине лужайки.

— Да-да, иду! — отозвался Чарльз.

Когда он заспешил вслед за Эллой, кто-то выключил фонарики прямо из дома. Сад погрузился во тьму, и Чарльз остановился.

— Ты где?

— Здесь! — долетел сквозь ночной воздух голос Эллы, низкий и хрипловатый, и Чарльз на ощупь двинулся к ней, чувствуя под ногами все неровности почвы и пытаясь приспособиться к темноте.

— Да здесь же, глупыш!

Чарльз проскочил мимо Эллы. Он неуверенно обернулся, когда его коснулась теплая рука.

— Дитя города! — насмешливо произнесла Элла. — Ты позабыл, как пользоваться глазами.

Чарльз ощутил, как от ее прикосновения по всему его телу постепенно разлилась волна возбуждения. Он смиренно последовал за Эллой к ограде, сквозь ворота, на поле. Когда они проскользнули мимо живой изгороди, рядом с шумом вспорхнула птица. Подальше, в подлеске, шуршали какие-то зверьки.

— В Африке, — сказала Элла, — все животные по ночам выходят к водопою. Даже те, которые обычно не сходятся вместе. Чудесное зрелище.

— Ты была в Африке? — рискнул поинтересоваться Чарльз. Он никогда не говорил с Эллой о ее путешествиях, сознавая, что изначально она отправилась в путь из-за него, из-за их разрыва. Тогда она даже не сказала ему, что уезжает. Чарльз узнал об этом от Энгуса, давнего делового партнера, вставшего на сторону Эллы.

— Была, — отозвалась Элла.

Некоторое время они молчали. Чарльз не мог придумать ни единого слова, ни единой фразы, которые не звучали бы банально. Он горестно пытался вспомнить, о чем обычно говорит. В сознании у него проскользнули воспоминания о разговорах с Крессидой, но это были лишь картинки. Он не мог припомнить даже, как звучит голос Крессиды — не говоря уже о ее словах и его собственных ответах.

— Эфиопы, — задумчиво произнесла Элла, — невероятно изящны.

Теннис-party

Она умолкла. Чарльз почувствовал себя идиотом. Нужно что-то сказать?

— Это одна из вещей, которые меня поразили там сильнее всего, — продолжала Элла. Она шла вперед размеренным шагом, не глядя на Чарльза, и разговаривала словно сама с собою. — Они все хорошо сложены, и у них аристократические черты лица. Тамошние женщины необыкновенно красивы. Они носят чудесные белые одеяния до самой земли и покрывают головы, так что походят больше на арабов, чем на африканцев. И у каждого на одежде вышитая кайма. Иногда простенькая, а иногда очень причудливая. Говорят, будто они даже используют настоящие золотые нити.

Элла говорила, а Чарльз зачарованно слушал. Он успел забыть ее волнующий хрипловатый, с металлическими нотками голос, ее умение так рассказать самую простую историю, что она полностью захватывает слушателей. Чарльз молча шагал сквозь темноту, желая, чтобы это продолжалось вечно. Чем дальше они отходили от дома, чем дольше он слушал голос Эллы, тем более живым себя ощущал. Внезапно подумав о том, что ночь впереди долгая, он почувствовал неясное возбуждение.

— А потом мы попробовали традиционные эфиопские лепешки, называются инджера, — продолжала свой рассказ Элла. — На вид, на ощупь и по вкусу — резина резиной. На самом деле, возможно, так оно и было.

Внезапно она заливисто рассмеялась. Чарльз захлестнула яростная ревность. Когда-то это он был умудренным и опытным. Это он посвящал Эллу в причуды современного искусства, учил ее делать из манки аппетитное блюдо, познакомил ее с наркотиками и оральным сексом. Но Элла обошла его и вырвалась вперед. Она побывала в местах, которых он не видел никогда, узнала их на вкус и на ощупь. Она общалась с людьми, которые презирали бы Чарльза, его жену, его машину, его белокурых малышей в костюмчиках, сшитых на заказ. Она встретилась с Мод Веннингс и была приглашена жить вместе с ней. О последнем Чарльзу было особенно нестерпимо думать. Если бы не он, Элла, возможно, вообще никогда бы и не услышала о Мод Веннингс!

— Когда ты собираешься в Италию? — спросил вдруг Чарльз.

— Еще не знаю, — ответила Элла. — Думаю, когда надоеет Англия. Я вернулась месяц назад, но меня уже так и тянет обратно.

— Никогда не думал, что ты — прирожденный путешественник, — недоверчиво произнес Чарльз.

— И я не думала, — мягко отозвалась Элла. — Я сама удивилась, насколько мне понравилось путешествовать. Мне казалось, я возненавижу это занятие.

— Тогда зачем ты уехала? — вырвалось у Чарльза прежде, чем он успел затормозить.

Теннис-парты

«Идиот!» — выругал он себя.

Последовало короткое молчание. Потом Элла заговорила.

— Тебе хочется знать, почему я уехала? — произнесла она невыразительным тоном. — Тебе действительно хочется это знать?

Чарльз промолчал.

— Я решила уехать, — продолжала Элла, — когда налетела на тебя на улице, вскоре после того, как ты ушел из дома и между нами все было кончено. Это произошло в Силчестере. Я как раз вышла из магазина пряжи и думала о чем-то совершенно другом, и вдруг на тебе — ты.

— Так уж вышло, что я живу в Силчестере, — защищаясь, пробормотал Чарльз.

— Я до сих пор помню все отчетливо, — продолжала Элла, пропустив мимо ушей реплику Чарльза. — Как ты помахал рукой и улыбнулся, как расцеловал меня в обе щеки и сделал вид, будто рад видеть, и сказал, что я хорошо выгляжу. Но ты не смотрел мне в глаза. А потом кинулся прочь, не сказав ничего больше. Тогда я увидела тебя впервые после нашего разрыва, и ты повел себя так, будто я была посторонним человеком.

— Чепуха! — слабо запротестовал Чарльз.

— Я не хотела, чтобы ты обнимал меня со словами, что случившееся было ошибкой. Хотя, может, и хотела. Но если уж это было нереально, больше всего на свете я хотела поговорить об этом.

С тобой. А не со всякими людьми, которые действовали из лучших побуждений, ничего при этом не понимая.— Элла улыбнулась.— Но ты убежал, сделал вид, будто меня вовсе нет. И я не смогла этого вынести. Потому решила уехать.

Они добрались до дальней стороны поля, и Элла опустилась на землю; ее широкие юбки улеглись вокруг неясным пятном. Чарльз уселся осторожнее, пощупав предварительно, не прячутся ли в темноте чертополох, крапива или грязь. Он почти не видел Эллу — лишь глаза ее блестели в сумраке.

— Я не хотел убегать,— сказал он.— Извини.— Он с трудом подбирал слова.— Нам нужно было поговорить.

Чарльз порывисто потянулся к руке Эллы и задел в темноте ее бедро; ему внезапно захотелось вновь ощутить прикосновение ее теплого тела. Но Элла отняла руку.

— Я была так одинока,— произнесла она своим низким, безжалостным, проникающим в душу голосом.— У тебя был Печатный центр, у тебя были все твои силчестерские друзья, у тебя была Крессида. А у меня — не было. По-твоему, как я себя чувствовала?

Чарльз лихорадочно принялся копаться в воспоминаниях, пытаясь сообразить, что он тогда думал и чувствовал. Но тщетно. Он не мог даже вспомнить, отчего вообще влюбился в Крессиду. Ему начало казаться, что он никогда не испытывал никаких чувств.

Теннис-party

— Я был бессердечным ублюдком,— пробормотал он.

— Не лъсти себе,— сказала Элла.— Ты типичный мужчина, не более.

Она запрокинула голову, и ее шея забелела в лунном свете. Чарльз смотрел на нее в замешательстве. Элла повзрослела за время путешествий. У нее появились новые идеи, сформировался новый образ мыслей, она обрела новую уверенность в себе. Чарльз вдруг подумал с ревностью: а кто вложил в нее эти новые идеи? Элла пошевелилась, и лунный свет переместился ей на грудь, заблестел на обнаженных выпуклостях, ярко осветил плечо, с которого соскользнула ткань. Чарльз медленно, осторожно протянул руку и коснулся ее плеча. Элла не шелохнулась. Чарльз провел пальцами вниз, по груди, потом вверх, к шее, и за ухо. Он начал ласкать ее шею.

Неподалеку заухала сова, и Чарльз в испуге подскочил. Внезапно он осознал, что они с Эллою наедине, посреди поля, в глубокой ночи, и что они вот-вот займутся любовью. А потом удивился, отчего не понял этого раньше.

Патрик и Кэролайн поднялись наверх вместе со Стивеном и Энни, пребывая в веселом, дружеском настроении. Они нежно обнялись и разошлись по разным комнатам. Но как только очутились в своей спальне, Патрик обернулся к Кэролайн с холодной яростью.

— Что это за игру ты затеяла? — требовательно спросил он.

— Ты о чем?

Кэролайн прошла мимо него и тяжело опустилась на пуфик у туалетного столика. Она подалась вперед и уставилась на свое отражение в зеркале, а потом простонала:

— Господи, какая же я старая!

— Не заговаривай мне зубы, — сурово произнес Патрик. — Ты понимаешь, каков там ежегодный взнос?

— Где — там? — неубедительно переспросила Кэролайн.

— Не смей меня! — отрезал Патрик. — Что ж, я могу сказать одно: теперь ты в проигрыше. Этот взнос будет платиться из денег, которые я трачу на тебя. Никакого «порше», никакого Чампниса, никакого Барбадоса.

— А мне плевать! — прошипела Кэролайн и резко развернулась на пуфике, так, что оказалась лицом к лицу с Патриком. — Я рада! Начхать мне на Чампнис. И на чертов Барбадос тоже! Ты все равно предложил поехать туда только потому, что одна из этих мерзких мамаш из школы Джорджины сказала, что они там были!

Кэролайн схватила щетку и яростно принялась расчесываться.

— Ты в курсе, Патрик, что я тебя насквозь вижу? Ты думаешь, что состоятельные леди только и делают, что отдыхают в Чампнисе и на Бар-

Теннис-party

бадосе, потому и решил, что мне тоже нужно туда поехать. Карьерист проклятый! А может, я лучше бы пошла с рюкзаком на Тенерифе!

— Не мели чепухи,— возмутился Патрик.

— А что плохого в Тенерифе? Что плохого в том, чтобы для разнообразия пожить немного реальной жизнью?

— Кто бы говорил про реальную жизнь! — с насмешкой произнес Патрик. — Ты же была всего-навсего девица на подхвате в рекламном бизнесе. Порекламируем то, порекламируем се — и все это без малейшего понятия, что вся эта продукция из себя представляет и действительно ли она хороша. Поулыбайся клиентам и получи денежки!

— Это была работа,— с тихой яростью отозвалась Кэролайн. — А безработной танцовщице без профессии вроде меня не так-то легко найти работу.

Патрик на миг умолк, резко выдергивая запонки из манжет. Когда он заговорил снова, выяснилось, что направление его атаки изменилось.

— В любом случае,— агрессивно поинтересовался он,— если тебе не нравится школа Джорджины, почему ты решила отправить туда Николь?

— Мне нравится эта школа,— ответила Кэролайн. — Я считаю, что это отличная школа. Если бы мне еще удалось поладить с другими мамами... Признайся, Патрик, я ведь не леди Холмс, верно?

При мысли о леди Холмс, матери одной из школьных подруг Джорджины, Патрика передернуло. Эта элегантная дама с покровительственными манерами всегда умудрялась заставить его чувствовать себя неряшливым простолюдином.

— Да и ты не совсем владеец поместья,— безжалостно продолжала Кэролайн.— Отнюдь. Так к чему строить из себя неизвестно что? Почему не признать, что ты — богатый плебей?

Патрик вздрогнул и отвернулся.

— Если я и хочу пробиться наверх,— произнес он сдавленным от гнева голосом,— то ради Джорджины.

— В самом деле? По-моему, мы пробились достаточно высоко, благодарю покорно. Я понимаю, о чем ты думаешь. Нам нужно заработать еще кучу денег, продать этот дом, переехать куда-нибудь, притворяться более родовитыми, чем мы есть, завести новых друзей. А может, мне тут нравится? Может, у меня друзья здесь? Может, я не хочу быть аристократкой и ездить на охоту, или рыбалку, или чем они там занимаются.

Патрик повернулся к Кэролайн и презрительно улыбнулся.

— У тебя есть друзья? Кто — эти попрошайки Фэйрвезеры? Ты платишь за них школьные взносы. Что ты собираешься делать дальше? Пригласишь их пожить здесь?

— Я бы на твоём месте,— произнесла Кэролайн дрожащим от ярости голосом,— не говори-

Теннис-party

ла ни слова о Фэйрвезерах. Ни единого. Иначе может случиться, что я пулей вылечу из этой комнаты и нащепчу им пару слов на ушко. Например, что их так называемый друг только что обобрал их. Что они никогда не смогут выплатить залог. Что «Сигма-фонд» входит в группу высокого риска. Что они могут лишиться всех своих денег.

Патрик в изумлении уставился на нее.

— Ты думал, я ничего не знаю, а, Патрик? Что я дурочка, которая только и знает, что хихикает? Так вот, я знаю куда больше, чем ты думаешь. И прежде всего я знаю, что ты — человек, которому нельзя доверять.

Патрик молчал и глядел на жену с опаской, словно загнанная в угол мышь. Кэролайн встала и принялась расхаживать по спальне, вдруг преисполнившись энергии. Глаза ее блестели.

— Я не могу тебе верить! — выпалила она во внезапной вспышке гнева. — Ты абсолютно аморальный тип. И тебе еще хватает наглости жаловаться из-за того, что я сделала им это предложение! О господи, ты же выманил у Стивена восемьдесят штук — и жалеешь несколько тысяч в год для его ребенка?

— Все не так просто, — начал было Патрик.

— А что просто? — перебила его Кэролайн. — Насколько я вижу, Стивен по-прежнему остается неудачником.

— Стивен значительно улучшит свои дела благодаря моему совету, — сказал Патрик.

— Черта с два он улучшит! Он потеряет кучу денег! На самом деле я хотела, чтобы ты сделал еще кое-что, кроме этих взносов.

Кэролайн села на кровать и с вызовом взглянула на Патрика.

— И что же?

— Я хочу, чтобы ты пообещал, что, если Стивен не сможет выплачивать проценты по закладной, ты поможешь ему с этим. Хотя бы временно.

— Да ты с ума сошла!

— Ты должен им помочь,— сказала Кэролайн.— Я хочу, чтобы ты дал слово.

— Черт возьми, что, я так и буду поддерживать их всю жизнь?!

— Тогда скажи Стивену, что дал ему неудачный совет. Расторгни сделку.

Патрик уставился на жену.

— Да ты представляешь, сколько стоит эта сделка?

Кэролайн ответила яростным взглядом покрасневших голубых глаз.

— А ты представляешь, сколько стоят друзья?

— Да дьявол тебя возьми! — заорал Патрик, внезапно потеряв терпение.— Откуда взялся этот вздор?! Сколько стоят друзья? Я тебе скажу. Ни шиша они не стоят. Когда хоть кто-нибудь из наших друзей хоть что-нибудь для нас делал? Да никогда!

— Это потому, что у нас никогда не было ни единого настоящего друга! — закричала в ответ

Меннис-party

Кэролайн.— Никогда! Энни — моя первая настоящая подруга, и я хочу ее сохранить!

И в смятении поняла, что по щеке ее покати-
лась тяжелая слеза.

— То есть как — у нас никогда не было настоящих друзей? — разозлился Патрик.— У нас множество друзей!

— Это клиентов? — парировала Кэролайн.— Они не друзья. Как и эти ужасные типы с твоей работы. Я их терпеть не могу!

— А здешние жители?

— Они все отвратительны. Я их ненавижу.

Кэролайн горько заплакала, обхватив колени и не обращая внимания на потеки туши на лице. Глядя на нее, Патрик вспомнил, как она плакала, узнав, что у нее больше не будет детей, кроме Джорджины. Это был один из немногих случаев, когда он видел Кэролайн искренней и ранимой. Большую часть времени она была либо неустанно жизнерадостной, либо беспредельно раздраженной. Кэролайн редко позволяла застать себя врасплох. Внезапно Патрик ощутил жалость, смешанную с сексуальным возбуждением. Кэролайн шмыгала носом, не желая, как обычно, нормально высморкаться. Патрик нерешительно подошел к жене, присел рядом на кровать и неуклюже обнял за плечи.

— Конечно, я им помогу,— пробормотал он.— Я не понимал, что для тебя это так много значит.

Кэролайн уткнулась мокрым лицом ему в плечо и зарыдала с новой силой. Патрик осторожно

погладил ее по спине, бормоча что-то утешительное — он не говорил подобных слов с тех самых пор, как Джорджине исполнилось четыре года. И жена, и дочь обычно отличались такой выдержкой и хладнокровием, что Патрик ощущал себя если не лишним, то уж точно ненужным. А сейчас Кэролайн плакала у него на груди, искала у него утешения, просила о помощи. Патрик осторожно убрал золотистые пряди с глаз жены и приподнял ее красное, покрытое пятнами лицо, чтобы она взглянула на него; она перестала плакать, но все еще вздрагивала. Кэролайн открыла было рот, собираясь что-то сказать, но Патрик поспешно наклонился и поцеловал ее припухшие губы. Ему хотелось удержать картину, сложившуюся в его сознании, смотреть на Кэролайн как на принцессу, попавшую в беду, и на себя как на спасителя — еще хоть немного. Хотелось не дать ей отпустить какое-нибудь едкое или, хуже того, равнодушное замечание, что снова поставит его на место и вдребезги разобьет созданный им образ.

Патрик крепко поцеловал Кэролайн, поглаживая напряженные мышцы на ее шее; потом его рука двинулась вниз, к ее груди. Он быстро и решительно расстегнул желтое платье. Кэролайн ничего не сказала, но дыхание ее участилось, и, когда губы Патрика коснулись ее соска, у нее вырвался вздох удовольствия. А потом ее руки, словно бы против воли, скользнули ему под

рубашку, пробежались по его груди, расстегивая пуговицу одну за другой. Недоверие Патрика сменилось возбуждением. Кэролайн снова принадлежала ему. Он уж думал, что этого никогда не произойдет! И если взамен она хочет, чтобы он регулярно выкладывал денежки на Энни со Стивенсом, — что ж, возможно, оно того стоит. В конце концов, это всего лишь деньги.

Чарльз лежал, ленился хотя бы пошевелиться. Тело его было изнурено, сексуальные порывы удовлетворены, и даже мозг отказывался работать, словно после напряженного интеллектуального труда. Чарльз не мог сосредоточиться ни на одной мысли. Он сомневался, что смог бы сейчас составить связную фразу. Не прикрытые одеждой части тела охлаждал поднявшийся к ночи ветерок. Но хотя Чарльз чувствовал, что дрожит и покрывается гусиной кожей, он все равно не двигался — не мог собраться с силами, чтобы прикрыться.

Он взял Эллу энергично, почти грубо — задрал прозрачную ткань юбок, толчком опрокинул ее на землю, уткнулся лицом в мягкую, податливую, пахнущую кокосом кожу. Он рывком сдернул с Эллы янтарные бусы, когда они попались ему под руку, сорвал с себя рубашку, когда она стала раздражать его, и быстро дошел до оргазма, сотрясшего его тело с такой силой, что он закричал — и сам едва узнал собственный голос.

Даже сейчас он ощущал всплески и отдельные толчки удовольствия. Кожа его онемела от сырой травы, камней, каких-то комьев под поясами — и точно так же рассудок его оцепенел от того факта, что он, Чарльз, только что совершил супружескую измену. Он почти не осознавал, что происходит за пределами его тела; все его чувства были устремлены внутрь, а мысли бродили где-то вдали.

Но постепенно Чарльз снова приспособился к окружающему миру. Он осознал присутствие Эллы: она спокойно лежала неподалеку и, как внезапно понял Чарльз, что-то негромко мурлыкала себе под нос. Он осознал, что лежит почти голым в саду у друга, с женщиной, которая ему не жена. И что она напевает. Отчего-то последняя деталь вызвала у него наибольшее замешательство.

Чарльз с огромным усилием приподнялся на локте и посмотрел на Эллу.

— Ты еще можешь петь? — сказал он.

— Угу, — подтвердила Элла, по-прежнему лежа на спине и глядя в небо.

Она снова замурлыкала. Чарльз не узнал мелодию. Он плюхнулся обратно и задумался о том, что сейчас творится в голове у Эллы. Сожалеет ли она о произошедшем? Понимает ли, что он впервые изменил жене? Чарльзу одновременно хотелось и навсегда остаться здесь в благодушном молчании, и повернуть Эллу лицом к сложившейся ситуации.

Теннис-party

В конце концов он собрался с духом. Сел, скривившись, стряхнул мелкие камешки, прилипшие к спине, и натянул рубашку. Потом пошарил по траве и отыскал янтарные бусы Эллы.

— Вот, держи.

Чарльз вложил бусы ей в ладонь. Ему почудилось, что Элла, забирая ожерелье, ласкающе коснулась пальцами его руки, и внезапно он ощутил новый прилив возбуждения. Взгляд Чарльза скользнул по груди Эллы, до сих пор приоткрытой, по бедрам, до сих пор слегка разведенным, по мягкому изгибу губ.

— О господи! — простонал Чарльз. — Я опять тебя хочу!

— В самом деле? — В голосе Эллы прозвучало веселое удивление. — Твои запросы сильно возросли. Неудивительно, что Крессида такая бледная.

Чарльз нахмурился.

— Ничего смешного!

— Разве?

Элла маняще повернулась к нему, и Чарльз с пылом припал к ее губам, наслаждаясь их вкусом и запахом, ощущая изгибы ее тела. Потом со стоном отстранился.

— Это дурно!

— Да, пожалуй, перерыв слишком маленький, — согласилась Элла.

— Я не о том! — разгневанно воскликнул Чарльз. — Я обо всей этой ситуации! Как ты мо-

жешь лежать тут и напевать? Ты что, не понимаешь, что мы совершили прелюбодеяние?

— В некоторых культурах,— отозвалась Эл-ла,— наш поступок считался бы совершенно нормальным.

— Да, но мы сейчас находимся не в рамках этих культур! — раздраженно произнес Чарльз.— О господи! — простонал он снова.— Что же нам делать?

— Пойти в дом,— предложила Элла.— Или побыть тут еще немного.

Некоторое время Чарльз сидел молча. Он погрузился в уныние.

— Наверное, стоит вернуться в дом,— сказал он в конце концов.— Мы, должно быть, провели здесь не меньше часа.

— Ладно.

Элла легко поднялась на ноги, Чарльз встал с трудом. Они прошли через поле, не обменявшись ни единым словом. Шаги Чарльза постепенно замедлялись; когда впереди показался дом, он внезапно остановился.

— А что дальше? — с отчаянием спросил он.— Что мы будем делать?

— Дальше? — переспросила Элла.— Я, конечно же, буду в Италии. Что будешь делать ты — понятия не имею. Думаю, я уеду совсем скоро,— добавила она.— У меня такое ощущение, что Англия мне уже надоела.

Теннис-party

— А как же я?

Выпалив это, Чарльз почувствовал себя ноющим избалованным ребенком.

— Что — как же ты?

Элла взглянула на него со смесью удивления и жалости. Это был недвусмысленный отказ. Но Чарльз не хотел сдаваться.

— Может, мы встретимся как-нибудь еще? — взмолился он.

Прозвучало это весьма жалко.

— Ну, если тебе случится оказаться в Италии... — задумчиво протянула Элла. — Не вижу, отчего бы Мод не пригласить тебя на виллу. Я уверена, что она будет только рада.

Чарльз уставился на нее. В сознании у него сложилась великолепная картина двойной жизни, распределенной между Англией и Италией, между Крессидой и Эллой. Он представил себе виллу Мод Веннингс — большой, элегантный дом на склоне холма, населенный художниками и музыкантами, и себя как привычную часть этого узкого круга. Там будут мастер-классы и дискуссии, долгие неспешные трапезы, ночи, проведенные с Эллой. Возможно, он снова примется рисовать. Если он будет возвращаться обратно с новыми гравюрами, Крессида ничего не заподозрит. Он наймет кого-нибудь для работы в магазине и сможет ездить в Италию столько раз в год, сколько ему заблагорассудится. Возможно, прибыль не-

много уменьшится — но они могут себе это позволить.

— Я приеду, как только смогу, — радостно произнес Чарльз.

— Как хочешь, — отозвалась Элла. — Можешь не торопиться.

Прежде чем отворить дверь в спальню, Чарльз осмотрел себя и стряхнул с брюк несколько травинок. Впрочем, если ему повезет, Крессида будет в постели. Мысль о том, чтобы присоединиться к ней, больше не повергала его в смятение. Он пребывал в необычайно хорошем настроении и был иррационально доволен собою. Он снова стал в своих глазах человеком, которому завидуют, у которого есть и красивая, богатая жена, и экзотическая, но при этом нетребовательная любовница. Все складывалось как нельзя лучше.

Чарльз осторожно приоткрыл дверь и с удивлением обнаружил, что свет все еще горит. Он взглянул на кровать. Крессида спала, но полусидя, прислонившись к подушкам, как будто она читала и уснула над книгой. Только книги было не видно. Чарльз подошел поближе и заметил какой-то лист бумаги, выпавший из руки жены на покрывало. Она что, пишет письма среди ночи? Он не удивился бы. Крессида переписывалась с каким-то невероятным количеством народу, от школьных подруг до дальних родственников.

Теннис-парти

Чарльз подобрал листок и принялся бегло его просматривать, попутно скидывая обувь. «Уважаемая миссис Мобин». Письмо было от мистера Стэнлейка, управляющего финансами Крессиды. Стэнлейк упорно отказывался звать кого-либо из них по именам. Чарльз усмехнулся. Старый сухарь. «Возможно, вы припоминаете, что некоторое время назад я писал вам и снова объяснял значение термина “неограниченная ответственность”». Чарльз зевнул. Какой-то технический вопрос. Он рассеянно, не задумываясь проглядел первый абзац; мысленно он все еще был далеко, с Эллой.

Но взгляд его продолжал скользить по странице, и внезапно у Чарльза вырвалось:

— Что?!

Этот шум разбудил Крессиду, она вздрогнула и открыла глаза. Посмотрела на мужа, потом заметила письмо и встревоженно ахнула.

— Чарльз,— слабым голосом произнесла она.— Это письмо пришло сегодня. Я пыталась показать его тебе...

— Ты его прочла? Ты видела, что тут написано?

— Ну да...— нерешительно протянула Крессида.

Она с отчаянием посмотрела на Чарльза. Тот на миг встретился с ней глазами и тут же перевел взгляд обратно на письмо. Он внимательно

прочел текст от начала до конца, силясь выискать другое значение, другое заключение — не то, к которому он пришел.

Дочитав, Чарльз поднял невидящий взгляд. Его захлестнула горячая, пульсирующая дурнота. В сознании безостановочно крутились сухие, тщательно подобранные слова Стэнлейка. «Следующее требование... сто тысяч фунтов... дальнейшее неизвестно... особый синдикат... миллион фунтов... возможно, больше... дифференцированные платежи... неограниченное обязательство... поймите... полагаю, справедливо будет предупредить вас... неограниченная ответственность... неограниченная ответственность... неограниченная ответственность...»

Чарльз едва удерживал письмо в руках. Его трясло и мутило. Миллион фунтов. Этот тип, должно быть, шутит! Чарльз снова посмотрел на страницу. «Следующее предъявленное вам требование будет составлять, как мне сказали, около ста тысяч фунтов». Чарльз в тревоге принялся мысленно просматривать финансовые бумаги Крессиды. Возможно, они с этим управятся. Если на том дело и кончится. Но тут его взгляд скользнул дальше. «Как я уже объяснял на нашей первоначальной встрече, касавшейся этого вопроса, ваши обязательства неограниченны».

Обычно Чарльз не склонен был паниковать. Но сейчас дыхание его участилось, а на лбу выступил холодный пот. Крессида, как оказалось, вхо-

Теннис-party

дит в число Имен Ллойда*. О господи! Боже милостивый! Он понятия не имел об этом. Почему, черт побери, он об этом не знал? Почему, дьявол ее возьми, она ему не сказала? «Неограниченная ответственность». Неограниченная. Что, до тех пор, пока у них ничего не останется? Пока они не продадут дом? Пока не избавятся от машин? Взгляд Чарльза снова упал на фразу в середине страницы. «Мне сообщили, что общая сумма может составлять один миллион фунтов, возможно, больше». Но они же не миллионеры! Ладно, на бумаге, может, и миллионеры. Но большую часть этой суммы составляет стоимость дома и Печатного центра. «Один миллион фунтов, возможно, больше». Больше? Насколько больше? В сознании у Чарльза промелькнуло выражение «бездонная пропасть», и внезапно ему представилась разверзшаяся преисподняя и полные денег кейсы, летящие вниз, чтобы сгореть в пламени.

Чарльз не понимал, как привести мысли в порядок и унять панику. Несколько мгновений он

* Английская страховая компания «Лондонский Ллойд» выплачивала страховые премии клиентам за счет своих добровольных инвесторов, называемых Именами. Непременным условием вступления в престижное Общество Ллойда было обеспечение Именами своих контрактных обязательств всем личным имуществом. Прельстившись обещанной прибылью, Имена в определенный момент сталкивались с пунктом договора, предусматривающим «неограниченные обязательства» перед компанией. В начале 1990-х годов, когда компанию постиг финансовый крах, многие инвесторы оказались разорены.

стоял, слегка пошатываясь, среди безмолвной тьмы, почти опьяневший от ужаса. Потом до него постепенно дошло, что его беспокоит какая-то зловещая мелочь. Чарльз снова сфокусировал взгляд на письме. «На нашей первоначальной встрече, касавшейся этого вопроса». Какой встрече? Какой еще, к дьяволу, встрече?

Внезапно Чарльз ощутил устремленный на него взгляд Крессиды. Ее бледное лицо было усталым и встревоженным. Она что, давно об этом знала? Знала и не сказала ему?

— Когда ты узнала об этом?! — рявкнул Чарльз.

— Только сегодня, — запинаясь, пролепетала Крессидида.

Ее знобило даже под одеялом. Чарльз прочел письмо, но не посмеялся над ним. Он не покачал головой и не указал на дурацкую ошибку, сделанную каким-то мелким клерком. Он не отложил его беззаботно в сторонку, чтобы разобраться с ним завтра.

— Тогда о какой такой встрече он говорит?

— Не знаю.

Крессиду вдруг захлестнула паника — как будто она, как в школе, забыла сделать какую-то очень важную часть домашнего задания. Ей что, полагалось что-то такое знать? Встречалась ли она с мистером Стэнлейком? Крессидида сморщилась, изо всех сил пытаясь вспомнить. Но все ее встречи с мистером Стэнлейком словно бы слились в одну расплывчатую картину.

Теннис-party

Чарльз тяжело опустился в кресло и принялся читать письмо заново, от начала до конца. Крессида молча смотрела на него, не смея ни потереть слипающиеся глаза, ни пригладить растрепавшиеся волосы. Ее взгляд скользил по комнате, беспорядочно останавливаясь то на обоях, то на мебели, то на макушке Чарльза — и так по кругу. Она попыталась понять, какой сейчас час. Откуда-то доносилось тиканье часов, но ничто больше не нарушало тишину в доме. Должно быть, все остальные уже спали.

— Неограниченная ответственность, — произнес внезапно Чарльз. Голос его дрожал от сдерживаемых эмоций. — Ты понимаешь, что это означает?

Крессида безмолвно покачала головой. Ей казалось, что она понимает, но она боялась сказать хоть слово.

— Это означает, что они могут требовать у тебя деньги вечно. Вечно! — Чарльз повысил голос. — Ты понимаешь, что это означает? Для нас? Для близнецов?

Крессида, дрожа, встала с кровати, подошла к креслу и присела у ног Чарльза. Ее трясло, и, пожалуй, нужно было бы накинуть халат. Но если она пойдет сейчас за халатом, Чарльз может вспылить.

— Может, это ошибка? — произнесла она дрожащим голосом. — Они никогда прежде не требовали ничего такого.

— Не знаю! — Чарльз раздраженно швырнул письмо на пол. — Черт его знает! О господи, Крессида, почему ты не сказала мне, что ты среди Имен Ллойда?

— Не знаю, — растерянно отозвалась Крессида. — Я не думала, что это важно. И в любом случае...

Вдруг она запнулась и ахнула. От внезапного воспоминания на щеках у нее проступил румянец.

— Что? Что?!

— Понимаешь, — сказала Крессида, стараясь не глядеть на Чарльза, — несколько лет назад у меня была встреча с мистером Стэнлейком. Я только сейчас об этом вспомнила.

— И?

— Кажется, это было как-то связано с Именами Ллойда.

— Что? Когда? Почему ты мне не сказала?

— Это было сразу после нашего обручения. И встреча была очень короткая. — Крессида умолкла, изо всех сил пытаясь припомнить, как же все было. — Я тогда отправилась в город за свадебным нарядом.

— Говори по сути, — отрезал Чарльз.

— Ну... — Крессида сглотнула. — Мистер Стэнлейк сказал что-то насчет оплаты каких-то дополнительных счетов или что-то насчет того, чтобы отделить часть моих денег. Сделать какой-то особый банковский счет или что-то в этом роде. Я точно не помню.

Теннис-party

— Дополнительные счета? Что за дополнительные счета?

— Не знаю.

— Черт, ты никогда ничего не знаешь! Боже милостивый! Он говорил про убытки Ллойда? — Чарльз уставился на пылающее лицо Крессида и моргнул, как будто оно расплывалось перед его усталыми глазами. — О чем ты умалчиваешь? Почему ты думаешь, что это касалось Ллойда?

Крессида жалобно посмотрела на него. Она не знала, как сказать ему то, о чем сию минуту вспомнила. Но ей и в голову не пришло солгать мужу.

— Понимаешь, — нерешительно произнесла она, — я вспомнила еще кое-что, что сказал тогда мистер Стэнлейк.

— И что? О господи, что?!

— Я как раз сказала ему, что помолвлена, и показала кольцо. — Крессида машинально взглянула на обручальное кольцо. — И он сказал, что это замечательно, — продолжила она.

Чарльз посмотрел на нее с недоверием.

— И что? Какое это имеет отношение к делу?

— Дело в том, что он сказал дальше, — запинаясь, пробормотала Крессида. — Он спросил про тебя, про свадьбу, про все остальное, а потом сказал: «Знаете, я бы на вашем месте не стал афишировать тот факт, что вы входите в Имена Ллойда».

Последовало короткое молчание. Чарльз почувствовал, как в нем поднимается очень медленная, пугающе сильная волна ярости. Несколько мгновений он не понимал, что с собой делать.

— Ты хочешь сказать, — в конце концов произнес он голосом, который из-за чрезмерного контроля звучал еле слышно, — ты хочешь сказать, что умышленно скрыла от меня, что тыходишь в число Имен Ллойда?

— Нет! — На лице Крессиды отразился ужас. — Я же тогда не знала, что это важно! Я тогда спешила на ланч со Сьюки, в «Либерти»...

Она умолкла, не договорив.

— А потом? — со зловеще вежливым видом подтолкнул ее Чарльз.

Крессида сглотнула.

— А потом я об этом забыла.

— Ты об этом забыла?! Ты забыла, чтоходишь в Имена Ллойда?!

— Да. То есть нет. То есть я это в принципе знала, но не думала, что это важно...

Она снова умолкла.

На миг изумление Чарльза заглушило даже гнев.

— Как ты могла подумать, что это не важно? Ты что, никогда не слыхала о Ллойде?

Крессида понурилась. Раздражение Чарльза усилилось.

— Ты что, не слыхала, что случилось с людьми? — воскликнул он. — Или ты не понимала, что это означает для нас? У тебя что, совсем нет мозгов?

— Я знала! Знала! — воскликнула Крессида, внезапно всхлипнув. — Я вроде бы знала, но не

думала, что с нами может случиться что-то подобное. Мистер Стэнлейк сказал, что он думает, что все будет в порядке.

— Да пошел он, этот мистер Стэнлейк! — сорвался Чарльз. — И ты вместе с ним! Ты никогда не даешь себе труда прислушиваться к людям, или расспрашивать, или выяснять, что происходит! — Он резко придвинулся к Крессиде. — Ты никогда не давала себе труда разобраться в своих финансах, ты всегда предоставляла это сперва твоему придурку отцу, а потом мне. Ну что ж, можешь разгрести все это дерьмо сама. С меня довольно.

— Чарльз!

Крессиде уставилась на него огромными, испуганными глазами.

У Чарльза было такое ощущение, словно он вдруг очутился в кошмарном сне, в какой-то нелепой галлюцинации, не имеющей конца. Всего пять минут назад он был более чем доволен собой, и в один момент все разлетелось вдребезги. Он составил себе жизненный план на будущее — с размахом, не мелочась. Он воспринимал свою жену, свои доходы, свою нынешнюю жизнь как нечто само собой разумеющееся и собирался привнести в эту жизнь еще больше удовольствий, которые приблизили бы ее к совершенству. Продолжение романа с Эллой. Знакомство с великой Мод Веннингс. Поездки в Италию. Чарльз представлял себе все это — пускай всего лишь те не-

сколько минут, что прошли после расставания с Эллой, — с необычайной яркостью и силой. И вдруг все его мечты пошли прахом, превратились в дурацкие мальчишеские грезы. Теперь Чарльз ни на что не мог рассчитывать как на само собой разумеющееся. Чего стоит жизнь без денег? Или, если уж на то пошло, чего стоит его жена без ее денег? Сможет ли он по-прежнему любить ее, если она из источника богатства превратится в бремя? Чарльз посмотрел на Крессида словно в первый раз. Тело, вырисовывающееся под ночной рубашкой, было тощим и долговязым, лицо — бледным и поблекшим, голос — пронзительным и раздражающим. При взгляде на жену перед мысленным взором Чарльза внезапно представало, словно наяву, теплое смуглое, пахнущее кокосом тело, и он ощутил до боли острое стремление к Элле.

— Я уверена, что все уладится, — неуверенно произнесла Крессида.

— В самом деле? — язвительно поинтересовался Чарльз. Он сейчас ненавидел ее за то, что она не Элла. — Отлично. Тогда давай я предоставлю решать эту проблему тебе.

Мгновение Крессида безмолвно смотрела на него, потом разрыдалась. Чарльза замутило. Ему вспомнился залиvistый смех Эллы, ее слегка насмешливый взгляд.

— Заткнись! — рявкнул он. — Заткнись сейчас же! Чтоб я не слышал этого воя!

Теннис-party

Рыдания сделались сильнее.

— Я кому сказал — заткнись! Заткнись, сука!

Чарльз вскинул руку и отвесил Крессиде оплеуху.

Крессиде ахнула и схватилась за щеку. Там, куда пришелся удар, вспыхнуло ярко-красное пятно, а вокруг разлилась бледность. Выражение лица Чарльза не изменилось. Тогда Крессиде встала, пошатываясь, и направилась в ванную. Дверь ванной закрылась, и Чарльз услышал, что Крессиду рвет. Потом потекла вода. Крессиде не заперла дверь — возможно, она надеялась, что Чарльз пойдет следом. При мысли об этом Чарльз помрачнел. Он нагнулся, подобрал письмо и скомкал его.

— Да пошла ты! — сказал он. — Да пошли все вы!

Глава 10

Энни проснулась в половине восьмого, разбуженная собственным электронным будильником. Его однотонное попискивание проникало в сон постепенно. Когда Энни осознала, что это за звук, она машинально потянулась влево и, к собственному замешательству, хлопнула Стивена по лицу. В конце концов она обнаружила будильник справа, на незнакомом столике. Энни выключила будильник, плюхнулась обратно в постель и некоторое время озадаченно таращилась на незнакомый абажур, свисающий с белого потолка без трещин на штукатурке, пока до нее наконец не дошло, что они в доме у Кэролайн.

А еще у нее присутствовало какое-то необычное ощущение. Оно немного смахивало на тянущее чувство под ложечкой, какое бывает у человека, записавшегося к стоматологу, только этот трепет был скорее приятным, греющим и воодушевляющим. Дело было не только в ярком сол-

нечном свете, пробивающемся через щель между шторами, и не только в том, что ей не нужно идти готовить завтрак. Энни лениво пошарила в закоулках памяти, но не получила ответа. Энни оглядела комнату в поисках подсказки, прищурившись, посмотрела на часы и удивилась, зачем поставила будильник на такую рань.

Внезапно воспоминания нахлынули на нее. Она поставила будильник на это время, чтобы можно было отвести детей в церковь. Дети. Николь. Плата за школу. Ну конечно же! Кэролайн и Патрик предложили оплатить школьные взносы за Николь. И они со Стивеном согласились. Николь будет учиться в школе Святой Екатерины. Энни с удовольствием откинулась на подушки. Окончательно проснувшись, она осознала, что сильная головная боль так и не прошла. Но ничто не могло омрачить ее радости за дочь.

Энни легонько потыкала Стивена ногой. Он сонно повернулся и очутился к ней лицом.

— Просыпайся,— сказала Энни.— Пора в церковь.

Стивен недовольно скривился, приоткрыл глаза и застонал.

— Я себя кошмарно чувствую,— прохрипел он.— Почему мы должны идти в церковь? Мы на отдыхе.

— Мы говорили об этом вчера вечером. Ты что, забыл? — Энни была настроена решительно.— Это полезно для детей. И мне нравится ходить в сельские церкви.

«И еще я хочу поблагодарить за обучение для Николь», — мысленно добавила она.

Энни с трудом встала с постели, не обращая внимания на цветные пятна, тут же заплывавшие перед глазами, и объявила:

— Я пошла их будить.

Стивен снова застонал, но от этого его голове сделалось только хуже. Он перекатился на спину и закрыл глаза. В сознании у него начали медленно всплывать воспоминания о вчерашнем дне. Они играли в теннис, и это было довольно приятно. Еще они изрядно выпили. Стивену не хотелось об этом вспоминать. А потом была та сделка с Патриком. Или это был сон?

Стивен открыл глаза и огляделся. Он отчетливо помнил, как сидел в кабинете у Патрика. И как согласился взять кредит в восемьдесят тысяч фунтов под залог дома. Это был не сон. Это была настоящая, крупная сделка. Стивен попытался припомнить возбужденное оживление, которое тогда испытывал, уверенность, которую внушил ему собственный поступок. Но вместо этого его постепенно охватило чувство, подозрительно напоминающее смятение.

Когда Энни вернулась в комнату, Стивен посмотрел на нее виновато, как будто она могла прочесть его мысли.

— Как дети спали? — поспешно поинтересовался он.

— Не очень долго, — нахмурившись, ответила Энни. — Подозреваю, они устроили длинное

ночное празднество. Николь отнюдь не обрадовалась, когда я велела ей вставать.

— Может, лучше оставить ее спать? — пробормотал Стивен.

— Чепуха! — парировала Энни. — Я ей говорила, что мы пойдем в церковь! А прогулка поможет ей проснуться.

— У тебя, похоже, сегодня отличное настроение, — с любопытством заметил Стивен.

— Что, правда? — улыбнувшись, отозвалась Энни. — Наверное, у меня до сих пор голова кругом из-за школьных взносов.

Стивен несколько мгновений непонимающе глядел на нее, а потом вспомнил. Ну конечно. Вчерашнее объявление Кэролайн.

— Да, это чудесная новость, — сказал Стивен, пытаясь изобразить энтузиазм.

Но ему никак не удавалось выбросить из головы сделку с Патриком. У него было такое ощущение, словно он зашел чересчур далеко. Подобный бизнес — для Чарльза и прочих птиц высокого полета. Он предпочитает что-нибудь попроще. И Стивену все сильнее становилось не по себе из-за залога, который ему, что бы там Патрик ни твердил, на самом деле выплачивать было не по силам.

Стивен посмотрел на сияющее лицо Энни и решил пока ничего ей не говорить. Возможно, ему удастся попозже перемолвиться с Патриком и

Теннис-party

Стивен уже провел детей на скамью на другой стороне прохода, так что у Энни появилась возможность виновато улыбнуться и показать, что подойти она не может.

— Господи,— сказала Джорджина, опускаясь на колени рядом с Энни,— пожалуйста, помоги мне хорошо выступить в Ист-Силчестере. Помоги мне научиться делать французскую плетенку. И помоги Николь не очень бояться прыгать на Аравии.

— Господи,— отчетливо произнесла Энни,— пожалуйста, помоги некоторым друзьям Николь понять, что она младше их и ездит верхом далеко не так хорошо, как они, и что прыгать без инструктора по верховой езде — не очень хорошая идея.

— Ладно, договорились,— спокойно отозвалась Джорджина, не пошевелившись.

После службы они вежливо подождали в церковном дворе, пока выйдут Дон и Валерия.

— Ужасно рады вас видеть,— сказал Дон.— Правда, тут мило?

— Да, чудесно! — с энтузиазмом отозвалась Энни.

— Да и сама деревня симпатичная,— сказал Дон.— Правда, Валерия?

— О-о, просто чудо!

— С того места, где мы живем, очень хороший вид,— добавил Дон.— Может, пойдем с нами, полюбуемся? Мы попьем кофе, а я покажу вам гостиницу.

Энни с сомнением посмотрела на Стивена.

— Пойдем, пойдем! — воскликнула Валерия.

— А нам не пора обратно? — спросила Энни у мужа, выразительно приподняв брови.

— Да зачем бы? — весело произнес Дон. — У вас на сегодня только одно дело — сыграть с Кэролайн и Патриком. И вряд ли они начнут без вас.

На это ответить было нечего.

— Если не возражаете, — сказала вдруг Джорджина, — я пойду домой. Хочу подобрать костюмы для нашего спектакля.

Стивен посмотрел на девочку с невольным восхищением. Джорджина вежливо, но непреклонно улыбнулась Дону.

— Может, возьмешь с собой и Николь и То-би? — спросила Энни.

— Конечно, — сказала Джорджина. — Я в любом случае собиралась забрать их. Николь мне нужна.

Николь зарделась от удовольствия, а Энни улыбнулась ей.

— Только будьте осторожны! — крикнула она вслед детям, когда те выскочили с церковного двора.

— С ними ничего не случится, — успокаивающе произнес Дон. — Машины здесь почти не ездят. Тут чудное местечко. Погодите, еще посмотрите, какой вид открывается от гостиницы!

Поначалу Энни слишком глубоко погрузилась в размышления — интересно, каким чудом Дон собирается превратить эти руины в гостиницу? — чтобы замечать окрестные виды. Они десять минут тащились по крутой дороге частного пользования, которую Дон, как он заверял каждые тридцать секунд, намеревался модернизировать.

— На то есть причины,— повторял он каждый раз.— К такому месту нужен хороший подъезд.

В конце концов они добрались до дома. Дон распахнул дверь настежь, а потом велел им встать на крыльце и посмотреть на холмы.

— Всякий раз, когда у меня появляются сомнения,— поведал он им,— я иду сюда и люблюсь видом. Всеми окрестностями.

Все прочие послушно повернулись и проследили за его взглядом. Но Энни в ужасе уставилась на темный, сырой коридор, идущий от главного входа.

— Правда, чудесно? — улыбнувшись, спросил у нее Дон.

— Да-да,— слабо ответила Энни.

— Вот здесь,— указал Дон,— будет стоять новый генератор.

— А вы не подключились к сети? — с удивлением просил Стивен.

— Э-э, нет,— отозвался Дон. Лицо его слегка вытянулось.— На самом деле это оказалось немного сложнее, чем я предполагал.

Все несколько мгновений молча смотрели на прилегающий к дому участок. Потом Валерия поднесла ладонь к губам.

— О-о, я поняла! — весело произнесла она. — Как насчет кофе?

Энни пошла вместе с ней на кухню.

— Я вижу, это большой проект — с гостиницей, — сказала она ради поддержания разговора. — Но этим, наверное, очень интересно заниматься.

— Да, наверное, — согласилась Валерия, ставя чайник на плиту. — Но я мало что вижу — я почти все время в Лондоне.

— А вы не приезжаете на выходные?

— Иногда. Но это довольно далеко. И я часто работаю на выходных.

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовалась Энни.

— Я — личный референт руководителя рекламной фирмы.

— А! — ничего не поняв, откликнулась Энни. — А эта работа требует больших затрат сил?

— Если вы хотите преуспеть, как я, то да, — ответила Валерия. — Многие девушки относятся к ней несерьезно. Но если хочешь быстро продвигаться по службе, то приходится работать сверхурочно. В конечном итоге это окупается.

— Да, думаю, вы правы, — согласилась Энни. — А чего вы хотите добиться?

Валерия, насыпавшая в кружки растворимый кофе, тупо посмотрела на нее.

— Ну, понимаете, продвинуться,— сказала она.— Пока я еще молода. Пока мне не стукнуло тридцать с гаком. Пока я не остепенилась и не завела детей.— Она хихикнула, несколько смущенно.— Понимаете, перерыв в карьере надо рассчитывать заблаговременно. Если хочешь удержаться на карьерной лестнице. Нельзя же просто выбросить это время.

— Вот это да! — воскликнула Энни.— Вы меня поразили. Я никогда не планировала так далеко наперед. Взяла и завела детей, когда почувствовала, что мне этого хочется.

Она заинтригованно посмотрела на Валерию. Та разливала кипяток по чашкам.

— Я вообще никогда не была сильна в планировании. Когда я вышла замуж за Стивена, мне сразу же захотелось ребенка.— Энни рассмеялась.— Думаю, у вас более решительный характер.

Валерия хихикнула.

— На самом деле я об этом еще не думала.

— Но вы, конечно же, хотите детей? И ваш...— Энни взглянула на левую руку Валерии.— Ваш ухажер?

Валерия снова хихикнула.

— Вообще-то у меня негусто с ухажерами. Был один в университете, но он уехал в Штаты.

А с моей работой у меня нет особого времени на то, чтобы знакомиться с новыми людьми.

— Какая жалость! — заметила Энни.

— Да нет, не особенно, — прочирикала Валерия. — Современной девушке мужчина не нужен. Мужчины только мешают продвигаться вперед. А работа не мешает. Мне не нужен мужчина. Я — независимая личность. Если мужчины приглашают меня куда-нибудь, — хихикнув, сообщила она, — я обычно говорю, что мне некогда. Это ставит их на место.

Энни озадаченно посмотрела на нее.

— Но когда-нибудь вам захочется детей.

— О да! — согласилась Валерия. — Но не сейчас. Я хочу подождать до тех пор, пока моя карьера не укрепитя.

— Но прежде чем завести детей, вы захотите найти мужчину?

— Конечно! — отозвалась Валерия и возбужденно хихикнула.

— А вы уверены, — спросила напрямик Энни, — что найдете его?

Стивен с Доном стояли в комнате, которой предстояло превратиться в гостиную. Это было длинное помещение с невысоким потолком, голым дощатым полом и недавно оштукатуренными стенами.

— Что ж, комната немаленькая, — весело произнес Стивен. — Гостей поместится много.

Теннис-party

— Да, я тоже так думаю,— согласился Дон.— Занятно: иногда я забываю, что когда-нибудь она наполнится гостями. Уже привык, что тут пусто.

— Наверное, само здание — это неплохое вложение капитала,— сказал Стивен.

— Совершенно верно,— подтвердил Дон.— И неважно, даже если оно никогда и не превратится в гостиницу. Не считая того факта, что у меня не будет никакого дохода! — Он фыркнул.— Но кому нужны деньги, когда тут такие виды?

— Пожалуй, да,— согласился Стивен, посмотрев вслед за Доном в окно.

— К счастью, мне не нужно беспокоиться насчет выплаты займа,— сказал Дон.— Во всяком случае, пока. Возможно, попозже мне понадобится его взять.

При слове «займа» Стивен встрепенулся. Ему страшно было просить Патрика отменить их сделку, уменьшить его заем, вообще выйти из игры, привычной миру крупных финансистов. Это казалось ему непростительной слабостью. Стивен уверен был, что Патрик сокрушенно покачает головой, сожалея об упущенных им возможностях. Но Стивен ничего не мог с собою поделать. Он более осторожен, чем Патрик. И долг заставляет его нервничать. А что такое заем, если не долг? Это слово ассоциировалось для Стивена с богатейшей, позором, разбитыми жизнями. Конечно, в наше время, когда займы берет чуть ли не каждый, это нелепо. Но так уж он устроен.

— Конечно, этот плут Патрик пытался убедить меня взять какой-нибудь заковыристый заем,— весело сообщил Дон.— Вы сами знаете, каким он бывает, если загонит вас в угол.

Стивен посмотрел на него с удивлением.

— Не подумайте, что я на него нападаю,— поспешно сказал Дон.— Я знаю, что он ваш друг. Не обижайтесь.

— Нет-нет, что вы! — отозвался Стивен. Внезапно ему захотелось услышать, что еще может сказать Дон по этому поводу.— И что же за сделку он пытался с вами заключить? — небрежно поинтересовался он.— Просто из любопытства хотелось бы знать.

— Он предложил мне взять заем под залог этого дома и позволить ему сделать на этом деньги. Я ему ответил без обиняков: если начинаешь такое дело, как у меня, долги надо уменьшать, а не увеличивать.

Неожиданно Стивен почувствовал себя увереннее. Значит, на свете есть и другие люди, которым заем не кажется приятным дополнением к жизни.

— Он меня чуть не заполучил,— улыбаясь, сообщил Дон.

Сердце Стивена забилося быстрее.

— И что же вы сделали? — спросил он, пытаясь говорить беззаботным тоном.

Дон удивленно посмотрел на него.

Теннис-party

— Сказал, что возьму бумаги с собой и подумаю. А потом, естественно, позвонил ему на следующий день и, поблагодарив, отказался.— Он посмотрел на Стивена круглыми, блестящими глазами-бусинками.— Я никогда ничего не подписываю сразу.

Стивену сделалось стыдно до глубины души. Вот как ему следовало поступить! Нужно было сказать Патрику, что он пойдет посоветуется с Энни. Если бы он отложил сделку на день, то быстро бы опомнился и сейчас не пришлось бы так мучиться. Стивен посмотрел на дружелюбное, загорелое лицо собеседника. Дон никогда бы не позволил Патрику уговорить его моментально подписать договор. Дон повел бы себя осторожно и предусмотрительно.

— Что-то не так? — спросил Дон.

Стивен ощутил толчок паники. Он не мог допустить, чтобы Дон — да и кто угодно — узнал, какого дурака он сваял.

— Нет-нет,— быстро отозвался он.

Он улыбнулся — почувствовав, что улыбка вышла неубедительная,— и лихорадочно попытался что-нибудь придумать, чтобы сменить тему. Дон настороженно наблюдал за ним.

— Мне бы не хотелось, чтобы наш разговор дошел до Патрика,— сказал Дон.— Я с тех пор провернул с ним кое-какие дела и считаю его другом.

Возникла пауза. Стивен понял, что Дон смотрит на него выжидающе.

— Да, конечно, — поспешно отозвался он. — Я ничего ему не скажу.

— Вот и хорошо. — Дон широко улыбнулся. — Ага! Кажется, несут кофе!

Стивен встретил Энни, вошедшую в комнату с двумя кружками кофе в руках, сияющей улыбкой, чтобы скрыть, что у него колотится сердце и его мутит. Его охватило отчаяние. Как он мог повести себя настолько глупо? Как мог действовать так неосмотрительно? Как посмел затеять такое грандиозное дело, даже не посоветовавшись с Энни?

— Держи кофе, — сказала Энни. — Только осторожно, кружка горячая.

Стивен улыбнулся ей дрожащими губами, вбирая взглядом ее непослушные каштановые волосы, ярко-голубую футболку, заправленную в хлопчатобумажную юбку с цветочным узором, легкие парусиновые туфли на резиновой подошве. Он взглянул на себя — на свой старый твидовый жакет, немодные брюки, потрепанные оксфордские туфли.

О чем он вообще думал? Это же курам на смех — возомнить, что он когда-либо сможет стать таким, как они: богатым, светским, модным. Ему следовало бы понять, что он вступил на опасную территорию, сразу же, как только он вошел в роскошный кабинет Патрика. Теперь Сти-

вен отчетливо это понимал. Патрик и вправду из тех людей, которые способны взять огромный заем под залог дома и инвестировать деньги — и, возможно, получить вдвое больше. Он выберет правильный способ вложить капитал, вовремя сменит стратегию, пустит в ход интуицию. А он, Стивен, из тех людей, для которых подобное предприятие обернется бедствием, вне зависимости от того, кто дает советы и кто будет управлять капиталовложениями. Стивен с пугающей ясностью представил себе падение фондовой биржи, банкротство компаний, принимаемые в панике решения. Ничего хорошего в этом не было. Если бы он относился к людям, которым суждено разбогатеть, он определенно уже сделал бы это. А раз до сих пор не нажил состояние, то, вероятно, лучше и не пытаться. Придется принять положение дел таким, какое оно есть.

— У тебя очень серьезный вид,— сказала Энни, улыбнувшись Стивену.— Все в порядке?

— Да-да! — отозвался Стивен вымученно веселым тоном.

«О господи, пожалуйста, пускай она не узнает, что я натворил, каким идиотом я был! Пожалуйста, помоги мне как-нибудь уладить это самостоятельно!»

Стивен глотнул подбадривающего кофе и весело посмотрел на Энни, стараясь отвлечь ее внимание.

— Да, все в порядке, — сказал он. — Мы только что любовались видом, который открывается отсюда.

Энни повернулась к окну, как и рассчитывал Стивен, и вскрикнула от восторга. Стивен, глядя на ее затылок, подумал, что Энни очень легко отвлекать. Она совсем не страдала подозрительностью. Наверное, на всем свете нет второго человека, которого настолько легко было бы одурачить. Но вместо того, чтобы успокоиться при этой мысли, Стивен вдруг почувствовал подступившие к глазам слезы.

Чарльз проснулся с ощущением недомогания и с болью в груди. В висках пульсировало, и с каждым толчком крови яркий свет словно бы с новой силой впивался в опущенные веки. Чарльз боялся открыть глаза; он лежал неподвижно, постепенно определяя другие очаги боли в теле и сожалея, что ему не удастся заснуть снова.

Он вспомнил все, как будто и не засыпал, — в его сознании они с Крессидой словно бы остановились посреди разговора. Или, скорее, ссоры. Чарльз понял — по прогибающемуся матрасу, натянутому одеялу, тихому дыханию, — что Крессиде лежит рядом с ним. Должно быть, она сидела в ванной добрый час. Чарльз некоторое время подождал ее возвращения, а потом неохотно улегся спать.

Он все не открывал глаза: не хотел видеть Крессиду. Его одолевала невыносимая смесь вины и ярости. Он переспал с Эллой. О господи! Он хотел трахнуть ее еще. До сих пор хотел. Крессида имела полное право ненавидеть его за это. Но, впрочем, она об этом не знает. И эти ее финансовые соглашения вот-вот должны разорить их. Разорить дотла.

Чарльзу представилось будущее: длинный, темный путь долгов и платежных требований, неопределенность. Неограниченная ответственность. Неограниченное обязательство. Если бы в письме мистера Стэнлейка говорилось о самом худшем, если бы там упоминалась определенная общая сумма, которую надлежит уплатить, у них было бы за что зацепиться. Они бы на некоторое время впали в отчаяние, а потом принялись бы приспособливаться к сложившейся ситуации. Но письмо говорило лишь о предполагаемых суммах. Вероятные суммы. Приблизительные суммы. Сколько у них времени до следующего платежного требования? До следующих предполагаемых цифр? До следующего неопределенного послания, заверяющего, что окончательные требования могут быть не настолько велики, как ожидалось, хотя, конечно, могут быть и больше...

Именно неопределенность была самым мучительным, изматывающим, подрывающим силы фактором. Незнание, постоянная угроза, ощущение меча, который висит над головами — но, воз-

можно, никогда не упадет. Вероятно, хуже всего была надежда. Крохотная, вероломная искра надежды на то, что все обернется куда лучше, чем они предполагают, что через год они посмеются над этой историей. Чарльз ощущал эту надежду, нежданную и непрошеную, огонек надежды, от которой он не мог избавиться, которая так и будет жить в нем, как бы он ни старался ее задавить.

Крессида вздохнула во сне, и мысли Чарльза тут же потекли по другому руслу. Его захлестнула болезненная волна негодования. Он, словно бы осознав это впервые, подумал, что случившееся — проблемы его жены. Ее. А не его. Это она получила то письмо. «Дорогая миссис Мобин», — начиналось оно. Его собственная чертова фамилия. Его собственная чертова дура жена.

Чарльз лежал неподвижно и пытался рассуждать трезво. Но ему не удавалось остановить волны гнева, что заполняли его тело безмолвным, яростным, пульсирующим в жилах адреналином, изгоняющим из сознания всякую рассудительность. Крессида состояла в Именах Ллойда и не сказала ему об этом. Она позволила ему жениться на ней, купить дом, вела себя так, словно у них все в порядке, — а все это время катастрофа подкарауливала их. Все, чем они занимались последние три года, все те деньги, что они потратили, тот отпуск в Антигуа... Чарльз не в силах был об этом думать. Он был так уверен в себе, в буду-

щем... Если бы он знал! Если бы он только знал! Сучка безмозглая.

Чарльз был практически убежден — нет, убежден на все сто, — что Крессида не лгала, она действительно не понимала, что означает состоять в Именах Ллойда. О господи, ему следовало бы знать, что она — тупица. Он то и дело заново забавлялся, обнаруживая, насколько жена глупа — нестерпимо глупа, как ему сейчас казалось. Даже сейчас Чарльз был уверен, что она не понимала истинного масштаба бедствия. Но этот ублюдок Стэнлейк, судя по всему, нарочно все замалчивал. Несомненно, из дурацкой, неправильно понимаемой верности Крессиде. Поскольку думал, что Чарльз не женится на ней, если узнает, что она имеет отношение к Именам Ллойда. Видимо, так оно и было.

Чарльз устался в потолок. Тишина бесила его; он чувствовал себя пойманным в кровати, словно в ловушке. Так значит, Стэнлейк считал, что он не женился бы на Крессиде, если бы знал о ее принадлежности к Именам Ллойда. Что ж, возможно, он был прав. Наверное, тогда Чарльз иначе взглянул бы на ее бесцветное лицо, лишний раз прислушался к ее безмозглой болтовне — и удрал бы со всех ног. Подумать только, когда-то ее глупость казалась ему забавной! О господи, если бы он знал, чем это все обернется!..

Внезапно Чарльз насторожился, словно спящая рядом Крессида могла прочесть его мысли.

Он открыл глаза и быстро взглянул на нее. Но она, укутанная в одеяло, лежала недвижно. В луче солнца над ней танцевали пылинки. В прежние времена Чарльз нырнул бы к ней под одеяло и принялся осторожно будить ее, целовать и что-то нашептывать, пока она бы сонно не рассмеелась. Сегодня же ему хотелось, чтобы Крессида спала и дальше и не мешала ему размышлять.

Он взглянул на белокурые волосы жены, безукоризненно выглядящие даже во сне. Как же он не догадался, что она попалась на удочку Ллойда! Ведь она именно из тех людей, с которыми это должно случиться. Если бы ему хоть когда-нибудь пришло в голову расспросить ее, проверить, поднять эту тему! Но он предпочел отсеять все сложные темы из разговоров с женой — чтобы не видеть, как она глупо хмурится в полнейшем недоумении.

О господи! Он должен был догадаться. А если бы он знал, смог бы что-либо изменить? Смог бы предотвратить это бедствие? Чарльз уставился в потолок. Он не был готов ответить на эти вопросы. Мысль о том, что он мог бы избежать этой бездонной пропасти отчаяния, была невыносима. Миллион фунтов. Миллион фунтов. Чарльз прошептал это себе под нос. Цифра казалась нереальной.

Одеяло зашуршало, и Чарльз почувствовал, что Крессида повернулась. Она открыла глаза и

посмотрела на него, сперва с обычным своим сонным утренним выражением, а потом, после того как к ней вернулись воспоминания, с внезапным испугом. Крессида вскинула руку и потрогала щеку. Она не скривилась, когда пальцы коснулись кожи, но касание было осторожным. «Конечно,— подумал вдруг Чарльз.— Я ударил ее по щеке». Он в смятении взглянул на жену. Все это было омерзительно. Крессида нерешительно скользнула взглядом по лицу Чарльза, потом отбросила одеяло и медленно поднялась с кровати. Пошатываясь, направилась в ванную — высокая, гибкая фигура в длинной белой ночной рубашке. Чарльз смотрел на нее в оцепенении. Он не мог заставить себя ни сказать что-либо, ни окликнуть Крессида, ни пойти за ней. Она была частью ночного кошмара. Пока она молчит, все кажется нереальным. Если он не будет обращать на нее внимания, возможно, кошмар развеется. Чарльз отвернулся, засунул раскалывающуюся голову под подушку и тупо уставился на матрас, мечтая погрузиться в забытие.

Кэролайн и Элла завтракали на террасе. Кэролайн предприняла нечеловеческие усилия, чтобы встать, сварить кофе, подогреть круассаны и вынести все это на террасу, и в результате обнаружила, что Патрик не голоден, Чарльз и Крессида еще не поднялись, Мартина кормит близ-

нецов, а все прочие позавтракали раньше, перед уходом в церковь.

— Ради бога,— попросила Кэролайн Эллу, указав на накрытый стол,— скажи ты им, что я это сделала! А то даже некому оценить результат.

Она сердито откусила кусочек круассана.

— Правда, неплохие? — добавила она.— Они из нового кондитерского магазина в Силчестере. Непременно загляни туда до отъезда.

Элла задумчиво глотнула кофе.

— Скорее всего, я надолго не задержусь,— сказала она.— Я решила отправиться в Италию поскорее.

— Но ты же только-только вернулась в Англию! — удивилась Кэролайн.

— Ну да,— согласилась Элла.— Но мне кажется, что с меня уже довольно.

— Скорее уж с тебя довольно Чарльза,— без обиняков заявила Кэролайн.— Наглости у него немерено, верно? Это ж надо ж было додуматься — потащить тебя на прогулку среди ночи! Я бы точно ему сказала, куда он должен идти.

Элла пожала плечами.

— Это было неплохо — встретиться с ним. Нет, я не о том,— добавила она, заметив недоверчивый взгляд Кэролайн.— Мне нужно было выбросить его из своей картины мира.

— И как, получилось?

Теннис-party

— Я не была уверена, входит ли он еще в нее,— сказала Элла.— Но если и входил, то теперь перестал.

— Вот и замечательно! — улыбнулась Кэролайн.— Если только он не умаслит тебя и не влюбит в себя заново.

Элла усмехнулась.

— Наверное, он считает, что именно это и проделал. Он был очень пылок.

— Пылок? — Кэролайн несколько мгновений смотрела на Эллу.— Пылок в смысле... пылок?

— Это было посреди ночи,— заметила Элла.

Она ловким движением подобрала ноги под себя и откинула волосы с лица. Кэролайн прикрыла рот ладонью и уставилась на Эллу блестящими глазами.

— Я даже не стану задавать тебе свой следующий вопрос,— взволнованно произнесла она,— потому что не хочу знать ответ.— Помолчав немного, Кэролайн с надеждой добавила: — Хотя я и так знаю.

— Это неважно,— бросила Элла.

— Как ты можешь так говорить? — возмутилась Кэролайн.— Чарльз ведь женат.

— Это не моя вина.

— Но и не вина его жены,— заметила Кэролайн. Она глотнула кофе и закурила.— Господи, я бы свихнулась, если бы Патрик так поступил со мной.

— Ты не знаешь, что сделал Чарльз,— сказала Элла.

— Не знаю, но могу предположить,— озорно хихикнув, заявила Кэролайн.

— Пустяки,— сказала Элла, неодобрительно разведя руками.— Все, этому конец.— Она налила себе апельсинового сока и добавила: — Бедняга Чарльз.

— Конец? — с подозрением переспросила Кэролайн.

— Может, конец,— уступила Элла.— А может, и нет. Забавно — я почти забыла, какой он. У меня в памяти жил иной образ. Возможно, я создала его нарочно. Но сейчас у меня такое ощущение, что я знаю Чарльза не настолько хорошо, как мне казалось. И была бы не прочь узнать его заново. Как человека, а не как любовника.

Она улыбнулась уголками губ.

— А как же его жена? — не унималась Кэролайн.

— А как же я? Где же симметрия? У меня тоже мог быть муж или партнер, о котором никто не знает. На месте Чарльза мог быть другой мужчина, так же как на моем месте — другая женщина.

— А у тебя есть муж? — с любопытством поинтересовалась Кэролайн.— Не может быть. Ты не похожа на замужнюю женщину.

— Нет, не муж,— отозвалась Элла и улыбнулась, уткнувшись в бокал с апельсиновым соком.

Теннис-party

— Но кто-то есть.

— Кто-то есть,— подтвердила Элла.

— И тебе все равно, что ты его предаешь?

— Предаю? Я никого не предаю. Перепихнуться по-быстрому — это еще не предательство.

— Ага! — победно воскликнула Кэролайн. — Так ты с ним спала!

— Я с ним не спала,— возразила Элла. — Я его трахнула. Это совсем другое дело. Спала с ним его жена. Во всяком случае, так я полагаю.

Кэролайн посмотрела на нее слегка озадаченно, потом подалась вперед.

— И что же будет теперь? — спросила она, излишне понизив голос и перейдя на доверительный тон.

— Теперь? — Голос Эллы прозвенел, словно колокольчик в саду. — Я собираюсь выпить еще кофе.

Она улыбнулась Кэролайн и потянулась за круассаном. Кэролайн глубоко затанулась и оглядела сад. Элла явно не была настроена посплетничать в духе «между нами, девочками». Кэролайн досадливо нахмурилась и вытянула из-под халата загорелую ногу, любуясь гладкой бронзовой кожей на фоне белого атласа.

— Ох, не знаю! — сказала она вдруг, испустив глубокий вздох. — К чему это все вообще?

Элла вопросительно взглянула на нее.

— Что «это»?

— Жизнь. Ну, ты понимаешь.— Кэролайн неопределенно взмахнула рукой с зажатой в ней сигаретой.— К чему мы все стремимся?

— Вообще-то это зависит от твоей точки зрения,— начала было Элла.

— Вот возьми того же Патрика,— перебила ее Кэролайн.— Он ничего не желает делать, кроме как зарабатывать деньги.

— А ты ничего не желаешь делать, кроме как их тратить,— заметила Элла.

— Да,— с легким удивлением признала Кэролайн. Она перехватила взгляд Эллы и внезапно фыркнула.— Но для чего то, на что я их трачу? В этом-то и разница.

— У тебя, часом, не кризис среднего возраста? — поинтересовалась Элла; глаза ее весело поблескивали.

— О господи, нет! — отозвалась Кэролайн и с силой затаилась.— Просто мы с Патриком немало поскандалили вчера вечером. Из-за школьных взносов для Николь. Вот я и задумалась.

— А из-за чего поскандалили-то?

— Патрик на меня обозлился за то, что я поставила его перед фактом. Что, по-моему, достаточно справедливо.

— А вы что, не обговорили это заранее? — удивленно спросила Элла.

— О нет. Это был чистой воды экспромт. В любом случае, если бы я спросила его заблаговре-

Теннис-party

менно, он ни за что бы не согласился. Патрик по сути своей чертовски скуп.

— Я думаю, это была замечательная идея, — твердо произнесла Элла. — Не то чтобы я вообще одобряла частное образование, но Николь — особый случай. А вы точно можете это себе позволить?

— Думаю, да, — сказала Кэролайн. — В смысле — а если бы у нас было двое детей? Нам ведь тогда в любом случае пришлось бы это себе позволять, верно?

— Или трое, — сказала Элла.

— Или пятеро, — подхватила Кэролайн. — Всякое бывает.

Внезапно лицо ее омрачилось, и она молча задушила сигарету.

Глава 11

К часу дня Патрик всю хлопотал у гриля.

— Терпеть не могу барбекю, — время от времени повторяла Кэролайн. Она сидела, развалившись на белом шезлонге, ела шоколадный торт со сливочной помадкой и курила. — Жуткая дрянь.

Всякий раз, заявляя это, Кэролайн с провокационным видом поглядывала на Патрика, но тот оставался невозмутим.

— Барбекю — это прекрасно! — с удивлением возразила Энни. Она раздавала детям хот-доги в булочках, и на щеке у нее красовалось пятно кетчупа. — Это так здорово! Ребрышки пахнут изумительно, — ободряюще сообщила она Патрику.

— Они почти готовы, — отозвался тот. — Кому ребрышко?

— Кому ребрышко? — пренебрежительно подхватила Кэролайн. — Кому обгорелую кость со съезжившимся кусочком мяса?

Теннис-party

— Стивен, давай,— сказала Энни.— Возьми себе добавку. Ты почти ничего не ел. А тебе стоит подкрепиться после тенниса.

Энни хихикнула. Матч между ней, Стивеном, Патриком и Кэролайн был бесцельным мероприятием, проведенным исключительно по настоянию Патрика. Он длился всего сорок минут, и за это время Стивен с Энни умудрились выиграть лишь два гейма, невзирая на подбадривающие вопли Дона.

— Сейчас,— отозвался Стивен, приложившись к кружке с пивом.— Давай сперва ты.

У Стивена не было аппетита. С того момента, как он решил переговорить с Патриком о расторжении сделки, ему хотелось разделаться с этим побыстрее. Он был уверен, что Патрик заставит его почувствовать себя идиотом, раз он отказывается от такой возможности. Наверное, было бы легче немного отложить этот разговор или вообще позвонить Патрику, когда они вернутся домой. Но при мысли о том, чтобы продлить это соглашение о залоге — пусть даже на несколько часов,— Стивену становилось не по себе. Некоторое время он стоял рядом с грилем, пытаясь улучшить момент и переговорить с Патриком. Но вскоре гриль окружили дети; они совали туда сосиски и просили сделать их с кетчупом, но чтобы без горчицы, и без лука, и без салата.

Стивен видел, как Николь неловко ухватила свой хот-дог и откусила большой кусок, и скри-

вился даже прежде нее, когда она обожгла язык. Николь ахнула и машинально открыла рот, пытаясь охладить его, и покраснела — не от боли, — Стивен это знал, — а от смущения, от того, что ее за этим застали. У Стивена знакомо зануло внутри. Николь во многих отношениях была очень похожа на него. Он тоже способен был глотнуть в гостях обжигающе горячего чая и улыбаться, словно ничего не произошло. Он способен был свернуть не на ту улицу и так и ехать по ней, вместо того чтобы повернуть обратно. «Конечно, дети всегда походят на родителей, — подумал Стивен, глядя, как Николь быстро вздохнула несколько раз, пытаясь избавиться от жжения во рту, а потом с деланно небрежным видом хлебнула холодной воды. — Но почему-то никто не предупреждает, что дети наследуют отнюдь не только наши лучшие свойства, но также и недостатки, и фобии». Стивен улыбнулся Николь.

— Ну, как хот-дог? — спросил он.

— Классно, — ответила Николь. — Очень вкусный.

— Не слишком горячо? — не удержался от вопроса Стивен.

— Вовсе нет, — сказала Николь, как он и предполагал. — В самый раз.

Чарльз с Крессидой сидели рядом на траве. Они кое-как протянули утро, обмениваясь короткими вежливыми фразами и стараясь не смот-

Теннис-party

реть друг на друга. Когда они все же встречались взглядами, в глазах их светилось неверие. С ними попросту не могло такое случиться.

Они спустились к ланчу, изобразив напускное согласие, запасшись улыбками и извинениями за опоздание и достаточно правдоподобно изобразив хорошее настроение, чтобы избежать удивленных взглядов. Но все, похоже, почувствовали напряженность между супругами Мобин. Никто не стал к ним подсаживаться, никто не попытался втянуть их в общую шутиливую застольную беседу. Их все избегали — молчаливо и, возможно, бессознательно. Даже Мартина с близнецами уселись в стороне, вместе с прочими детьми.

Крессида рассеянно пощипывала травинки и вяло жевала куриную ножку, которую ей всучил Патрик. Она не чувствовала вкуса еды и ничего не соображала от горя. Ей хотелось спокойно посидеть где-нибудь и подумать, но мысли ее путались и словно бы ходили по кругу. Крессиде казалось, что существует какая-то упущенная деталь, что-то необъясненное, и все встанет на свои места, стоит только обнаружить этот дополнительный фактор. Что-то вертелось у нее в голове — догадка, воспоминание, наблюдение. Крессида искала ответ, но так и не наткнулась хоть на какую-нибудь подсказку.

Ей почти удалось вытеснить из памяти ночную сцену. Конечно же, Чарльз вовсе не хотел бить ее. Он просто был взвинчен. И она сама виновата,

что заснула и позволила ему обнаружить письмо прежде, чем рассказала обо всем. Задним числом Крессиде пришло в голову, что, возможно, стоило бы сохранить это все в тайне до тех пор, пока она не повидалась бы с мистером Стэнлейком и не выяснила, не кроется ли здесь ужасная ошибка. Вдруг на самом деле письмо было адресовано вовсе не ей? Крессиде представилось, как мистер Стэнлейк улыбается, рвет письмо и обещает серьезно поговорить с виновником, доставившим ей столько беспокойства. А она благодарно улыбнется и попросит мистера Стэнлейка позаботиться, чтобы впредь подобных ошибок не повторялось. Он похлопает ее по руке и велит подать чай.

Эта картина была такой утешительной, что Крессида лелеяла ее еще какое-то время. «В конце концов, люди каждый день допускают ошибки, — рассуждала она. — Например, часто телефонный номер набирают неправильно — почему же письмо не может быть отослано не по тому адресу?» Она исподтишка взглянула на утрюмое лицо Чарльза. Как бы он обрадовался, если бы она сказала ему, что все это лишь дурацкая ошибка! Чем больше Крессида размышляла об этом, тем сильнее убеждалась, что определенно так и есть. Эта мысль подбадривала.

Чарльз, почувствовав взгляд жены, быстро поднял голову и увидел, как по губам Крессиды скользнула легкая улыбка. Крессида сосредото-

Теннис-party

ченно грызла куриную ножку, судя по виду отнюдь не озабоченная ситуацией. В глубине души Чарльзу хотелось вознегодовать: как она может оставаться столь беззаботной, когда они на грани разорения! Но он словно оцепенел внутри — не мог пробудить в себе никаких сильных эмоций. Когда он преднамеренно напоминал себе об огромной куче денег, которую они в конечном итоге должны отдать, и старательно переводил это в термины материального достатка, его захлестывал гнетущий ужас. Но ужас был какой-то абстрактный: как будто Чарльз знал, что ему предлагается бояться, — вот и боялся. Так же как он не смог до конца поверить, что все деньги Кресиды принадлежат и ему тоже. Потому никак не мог соотнести с собственной жизнью требование выплатить миллион фунтов. Другие люди имеют дело с такими деньгами. Но не он.

Время от времени Чарльз поглядывал на Эллу. Когда он увидел ее в первый раз в этот день, на него внезапно нахлынуло воспоминание о прошедшей ночи. Теперь же Чарльз никак не мог перестать мучить себя — тыкать в больное место, как мальчишка тыкает в синяк. Но его чувства по отношению к Элле тоже оцепенели. Чем дольше Чарльз смотрел на нее, тем более приглушенной делалась боль. Страсть прошлой ночи ускользнула, и Чарльз, как ни старался, не мог ее пробудить. Он напоминал себе, что не далее как двенадцать часов назад неистово занимался лю-

бовью, что он погружался в жаждущую плоть Эллы со странным, смешанным чувством знакомости и новизны, что он стонал, что она вскрикивала, что он, похоже, плакал. Но чем больше думал об этом, тем больше похожим на сон казалось произошедшее. Ощущения становились все более размытыми, воспоминания о ее коже, ее волосах — даже о ее губах — стирались из памяти. Чарльз чувствовал себя опустошенным и слабым. Пустым местом.

Патрик, стоящий у гриля, посматривал на Чарльза; тот сидел, мрачно уставившись в землю и не желая присоединяться к обществу. Судя по всему, у них с Крессидой вчера вышла ссора — вероятно, из-за Эллы. Патрику неприятно было думать о том, что могло произойти между этими двоими прошлой ночью. Но даже если худшего и не случилось, отправиться на ночную прогулку с бывшей любовницей — неподобающее поведение для женатого мужчины. Особенно для мужчины, женатого на таком очаровательном создании, как Крессида. Патрик сочувственно взглянул на Крессиду. Она сидела в одиночестве, словно бледное пятно на траве, и вертела в руках всю ту же куриную ножку, которую он вручил ей полчаса назад.

При взгляде на Крессиду враждебность Патрика по отношению к Чарльзу усилилась. Он до сих пор страдал из-за их вчерашней стычки и возмущался тем, как Чарльз отверг его предло-

жение. Со времени женитьбы Чарльз стал вести себя так, словно родился и вырос в окружении богатства, как будто неким образом стоит выше всех окружающих. Конечно, деньги были не его — это знали все. Не найди Чарльз себе богатую жену, он по-прежнему сидел бы на Сеймур-роуд, зарабатывая на жизнь этим своим жалким хипповским центром. Крессида подняла его на несколько ступеней — и в принципе Патрик был не против этого. Но вы только гляньте, как он с ней обращается! Отправляет ложиться спать одну, как прошлым вечером, исчезает куда-то вместе с Эллой и даже сейчас совершенно игнорирует жену.

Патрик взглянул на светлую кожу Крессиды, на трепещущие ресницы, на изящные руки. «Крессида — настоящая леди, — подумал он. — Она не станет ни жаловаться, ни поднимать суматоху, ни защищаться; она из тех людей, кому свойственно страдать молча. И она выбрала своим защитником претенциозного, заносчивого Чарльза — который, как бы то ни было, женился на ней ради ее денег». В душе у Патрика вспыхнуло возмущение, и он, не глядя, что делает, кинул сосиску на траву.

— Папа! — воскликнула Джорджина. — Какой ты неуклюжий!

Она заливисто расхохоталась, и к ней, увидев, что произошло, присоединилась Кэролайн.

— Черт! — воскликнул Патрик, наклонившись и попытавшись ухватить сосиску щипцами.

— Да ладно, еды в любом случае хватит,— сказала Энни.— Патрик, может, присядешь? Ты же, наверное, сам изжарился.

— Да, иди присядь,— подхватила Кэролайн.— Выпей чего-нибудь.

Когда Патрик уселся, к нему подобрался Дон.

— Я тут заглянул в расписание турнира...— начал он.

— В самом деле? — без энтузиазма отозвался Патрик.

Когда Патрик объявил, что финалистами турнира являются он сам, Кэролайн, Чарльз и Крессида, произошла небольшая стычка. Дон, судя по виду, был шокирован. Валерия принялась много-словно выражать недоумение. Патрик ушел разжигать огонь под грилем.

— Я посмотрел, как вы получили результат,— продолжал Дон.— Я полагаю, это действенный метод, хотя прежде с таким не сталкивался.

— Вот и хорошо,— отозвался Патрик.

— И я полагаю, раз Валерия повредила руку,— не унимался Дон,— мы навряд ли выиграли бы все наши матчи.

— О да! — громко, ехидно провозгласила Кэролайн.— И вы, конечно же, не захотели бы заставлять ее пройти через финал. С такой-то травмой!

Дон слегка покраснел.

— Я подумал,— скорбно произнес он,— не нужен ли вам судья для финала? Поскольку я не буду играть, решил вызваться добровольцем.

Теннис-party

— Что ж...— протянул Патрик и оглядел остальных в поисках помощи.— Вы как думаете?

— Конечно! — воскликнула Энни.— Это будет замечательно!

— И поскольку у нас есть судейское кресло...— протянула Кэролайн.

— Вот именно,— сказал Дон.— Просто жалко его не использовать.

— Да, вы правы,— согласился Патрик. Эта идея нравилась ему все больше и больше.

Зеленое судейское кресло — точно такое же, как в Уимблдоне,— висевшее у корта, было приобретено за немалую цену по спортивному каталогу для профессионалов, но им редко пользовался кто-либо, кроме Джорджины.

— Мы можем позвать молодежь подавать мячи,— сказала Кэролайн.— Джорджина, ты позавчера рвалась этим заниматься. Как насчет поработать?

— На самом деле,— отозвалась Джорджина,— нам пора заняться нашим представлением.

Она вскочила и окликнула остальных.

— Пусть все сядут в ряд,— скомандовала она взрослым.

— А как насчет мячи подносить? — поинтересовалась Кэролайн.

— Может быть,— отозвалась Джорджина.— Но сперва представление. Мы вернемся, как только переоденемся.

— Ладно,— согласилась Кэролайн.— Можете не спешить,— крикнула она вслед Джорджи-

не.— И почему дети всегда хотят устроить какое-нибудь представление для своих родителей? — спросила она у Энни.— Я сама была такая же.

— И я тоже,— согласилась Энни.— Я обожала шарады. И у нас были чудесные маскарадные костюмы.

Патрик воспользовался представившейся возможностью. Он неспешно подошел к сидящей Крессиде, мягко улыбнулся и сказал:

— Дети собираются устроить для нас спектакль. Не хотите посмотреть?

— Наши дети? — Крессиде, явно сбитая с толку, принялась озираться.

— Они в доме, переодеваются для представления,— объяснил Патрик.— Ими руководит Джорджина.

— А, понятно. Да, конечно.

— Они на некоторое время задержатся,— сказал Патрик и непринужденно присел на корточки.— Чудесный выдался денек,— заметил он, посмотрев на небо.

— Да, чудесный,— пробормотала Крессиде.

— Я обычно по такой жаре теряю аппетит,— сообщил Патрик.— Я и не знал, что вам это тоже свойственно.

— Э-э, да,— рассеянно отозвалась Крессиде.

— А если приходится готовить — это еще ужаснее!

Патрик весело рассмеялся и исподтишка взглянул на Крессида — проверить, расслабилась ли

она. Он сам толком не понимал, к чему это все, но отчего-то ему хотелось показать Крессиде, что не все мужчины похожи на Чарльза, что есть и такие, которым она может доверять, — возможно, даже поверять тайны.

Крессиде устремила взгляд на свои ногти, чувствуя, как на лице проступает румянец. Она вдруг вспомнила, что работа Патрика как-то связана с финансами. Вдруг он может знать, не является ли это письмо ошибкой. Наверное, стоит спросить у него. Какое это было бы облегчение, если бы Патрик смог ее успокоить! Крессиде открыла было рот — и закрыла снова. Если она упомянет о письме, он наверняка попросит дозволения взглянуть на него. А хочет ли она, чтобы Патрик, относительно чужой человек, читал ее корреспонденцию? Хочет ли она, чтобы Патрик знал, насколько велико предъявленное требование? Не удастся ли ей обсудить эту тему как-нибудь обиняком?

Крессиде бросила взгляд через плечо. Чарльз встал и направился к террасе. Рядом никого не было.

— На самом деле, — сказала Крессиде, — я хотела кое о чем вас спросить.

Она покраснела и опустила взгляд.

Сердце Патрика забилось быстрее от смеси гордости и страха. Крессиде доверяет ему. Он был прав. Ей нужен человек, на которого она могла бы положиться. Но что ему говорить, если она спро-

сит его об Элле? Патрик быстренько составил в уме несколько утешительных фраз. Конечно же, со стороны Чарльза было нехорошо вот так уходить с Эллой — но, с другой стороны, произошло ли что-нибудь на самом деле? И хотя Патрик только порадовался бы, если бы Чарльз оказался в неловком положении из-за своего неблагодарного поведения, он не мог заставить себя сказать что-нибудь такое, что причинило бы боль Крессиде.

— Это касается письма, — сказала Крессиде.

У Патрика упало сердце. Неужели Чарльз все это время переписывался с Эллой? Неужели их роман и не прерывался? Он мысленно снова выругался в адрес Джорджины за то, что ей взбрело в голову пригласить в гости Эллу. На его взгляд, этой распутной, наглой женщине здесь было вообще не место.

— Письмо? — непринужденно переспросил он, приготовившись преуменьшить его значение. — Я как-то никогда не был склонен к писанию писем.

— А деловые письма? — тихо спросила Кэролайн. — Ведь деловые письма вы пишете.

— Да, конечно, — с удивлением отозвался Патрик.

Так она говорит не о письме от Эллы?

— Во всяком случае, — добавил он, — моя секретарша их пишет. Если что-то идет не так, я виню ее.

Теннис-парти

Он хохотнул. Отчасти Патрик сожалел, что вызвал Крессида на откровенность. Хотя, честно говоря, он особо и не вызывал. Но конечно же, был весьма не прочь ее выслушать. А вот теперь у него возникло неприятное ощущение, что ему вовсе не хочется слушать рассказ о ее проблемах. Вдруг она втянет его в какой-нибудь скандал?

— Я получила вчера письмо,— сказала Крессида,— и мне кажется, что оно может быть ошибкой. На самом деле я почти уверена, что это ошибка.

Она подняла голову и взглянула на Патрика большими голубыми глазами. Потом вдруг изменилась в лице, и взгляд ее скользнул куда-то за плечо Патрика. Тот повернулся и увидел, что к ним шагает Стивен.

— Привет, друзья,— нарочито веселым тоном произнес он.— Патрик, можно тебя на пару слов? Крессида, ты не возражаешь?

Крессида тут же замкнулась.

— Нет-нет, ничуть,— вежливо отозвалась она. Стивен улыбнулся.

— Кажется, молодежь вот-вот устроит представление для нас,— сказал он.— Но мне хотелось поймать тебя до начала.

Стивен умолк, явно ожидая, что Патрик встанет. Патрик не знал, злиться ему или радоваться.

— Ладно,— отозвался он в конце концов, вставая и отряхивая брюки.— Мы с вами поговорим попозже,— пообещал он Крессиде, потом поду-

мал, не звучит ли это компрометирующе. Но Стивен был не тот человек, чтобы удивляться, отчего это Патрик с Крессидой болтают наедине.

Они молча отошли в сторону; по дороге Стивен краснел все больше. Он никак не мог заставить себя произнести заготовленную речь. Сама эта тема вызывала у него замешательство и стыд. Он уже почти готов был смириться с займом, как-нибудь выкрутиться с платежами и ни о чем не говорить. Но растущее убеждение в том, что с этим делом нужно разобраться как можно скорее, в конце концов заставило его заговорить.

— Это насчет сделки,— неловко произнес он.— Я передумал.

Он отвел взгляд, сам не свой от смущения. Патрик даже не сбился с шага. Он привык к таким вещам.

— Бывает,— весело отозвался он.— Нельзя же принять серьезное решение и ни в чем не усомниться. Это только естественно. Но я тебя уверяю, ты оказал сам себе немалую услугу.

— Возможно,— сказал Стивен.— Но на самом деле мне не хочется брать огромный заем под залог дома. Во всяком случае, пока я не закончил докторантуру.

— Не такой уж огромный,— возразил Патрик.— Он вполне тебе по средствам.

— Понимаю,— кивнул Стивен.— Я уверен, что ты прав. Но знаешь...— Он заставил себя посмотреть на Патрика.— Мне не по себе от этого

Теннис-парту

займа. Я не похож на тебя или Чарльза,— добавил он.— Я не привык иметь дело с крупными суммами и не привык брать в долг. Я потеряю сон и покой. Потому,— помедлив, произнес Стивен,— я решил отказаться от сделки.

— Вообще-то зря,— сказал Патрик с неприкрытым смехом.— Завтра ты сам над собой посмеешься, вспоминая этот разговор. Но можешь не волноваться.— Он весело сверкнул глазами.— Не бойся, я не стану тебе о нем напоминать!

— Вообще-то нет.— Голос Стивена был тверд.— Я хочу расторгнуть сделку.

— Это может оказаться несколько затруднительно,— задумчиво произнес Патрик.— Видишь ли, существуют штрафные санкции за досрочное расторжение. Ты можешь получить обратно меньше, чем вложил.

— Но я же заключил ее только вчера! — возмутился Стивен.

— Я понимаю, это глупость, верно? Но все эти фонды устроены одинаково. Они вознаграждают тех, кто придерживается выбранного курса, и штрафуют тех, кто ушел досрочно.

— А досрочно — это на сколько?

— В твоем случае — любой срок менее десяти лет. Но не беспокойся. Я уверен, что до этого не дойдет. Если хочешь, я вместе с тобой просмотрю твои счета и высчитаю, как тебе наверняка справиться с ежемесячными платежами по займу.

— Патрик, ты меня не понял. Я хочу расторгнуть сделку.

— Я понимаю,— сочувственно отозвался Патрик.— Но если ты ее расторгнешь, ты точно понесешь убытки. Тебе придется выплатить штраф немедленно. Он может составить даже несколько тысяч фунтов. Я бы очень не советовал тебе это делать.

Стивен охнул и явно упал духом. Некоторое время оба собеседника молчали.

— На самом деле,— задумчиво произнес Патрик,— выход есть.

Стивен поднял голову.

— Ты можешь переключиться на наш гарантированный инвестиционный фонд.

— Гарантированный?

Стивен посмотрел на Патрика. Гарантированный. Это слово звучало утешительно.

— Ну да,— отозвался Патрик.— Совершенно безопасный. Даже не знаю, почему я раньше не сообразил предложить тебе этот вариант. Он предназначен специально для людей наподобие тебя, которые не любят рисковать.

— Да, это про меня,— сказал Стивен, вымученно попытавшись пошутить.

— Я все прекрасно понимаю. Ты не принадлежишь к числу крупных инвесторов современности, верно? — сочувственно произнес Патрик.

— Вообще-то да,— пожал плечами Стивен.— Так уж обстоят дела. Не люблю я долги. И никогда не любил.

— Ну вот и выход! — сказал Патрик довольным тоном.— Замечательно! Предоставь разо-

Теннис-парти

браться с этим мне. Я переведу твои капиталовложения в наш стопроцентно гарантированный фонд, и ты сможешь спать спокойно.— Он улыбнулся Стивену.— Так ты абсолютно точно сможешь перекрыть платежи по займу.

Энтузиазм Патрика подействовал на Стивена приободряюще, невзирая на терзавшие его сомнения.

— Ты думаешь, этот вариант лучше? — осторожно спросил он.

— О господи, конечно! Мне следовало бы подумать об этом прежде. С этим фондом ты получишь все наилучшее. И помещение капитала, и безопасность. Мы с тобой займемся этим в понедельник, идет?

Стивен посмотрел на него.

— Ладно,— отозвался он в конце концов.

Похоже, другого выхода не было. Придется довериться Патрику и надеяться на лучшее.

Некоторое время они шли молча.

— Слушай, а отчего вдруг такая паника? — небрежно спросил Патрик.

Стивен покраснел.

— Да не из-за чего,— сказал он.— Просто я нервничаю из-за такого большого долга.

— Но это ведь не долг, если ты зарабатываешь больше, чем требуется на выплаты,— сказал Патрик, улыбаясь Стивену.

— Так-то оно так...— протянул Стивен.— Но мне стало казаться, что мне следовало бы вчера взять бумаги с собой и подумать.

— Не обязательно, — непринужденно откликнулся Патрик. — Если дело тебе выгодно, его совершенно незачем откладывать.

— Но большинство людей берут хотя бы день на размышления, — стоял на своем Стивен. — По крайней мере, так...

Он умолк, не договорив.

— Что?

— Да нет, ничего, — отозвался Стивен.

Патрик слегка напрягся.

— С тобой кто-то поговорил? — небрежно поинтересовался он. — Что-то тебе посоветовал? Извини за любопытство, — добавил он, улыбнувшись Стивену.

Стивену явно было неловко.

— Не совсем, — ответил он. — Я хотел сказать...

— Не волнуйся, — успокоил его Патрик. — Я знаю, как это бывает. Тебя просят не пересказывать, о чем был разговор.

— Да, — согласился Стивен и отвернулся.

Патрик посмотрел на Стивена, исполнившись всевозрастающей гневной уверенности. Чарльз. Это наверняка Чарльз, мать его перемать, Мобин. Судя по всему, этот высокомерный ублюдок узнал, о чем они говорили со Стивеном, и посоветовал ему прикрыть сделку. Но, черт возьми, как Чарльз об этом узнал? В памяти у Патрика снова зазвучал ровный голос Мобина: «И честно говоря, мне кажется, что пытаться провернуть свои дела с кем-то из гостей — это немного че-

Теннис-party

ресчур. Встреча ведь планировалась как дружеская, разве нет? Прибереги свои диаграммы для офиса». Паршивый ублюдок! Уверен, что оказал Стивену услугу, не иначе. А на самом деле поставил его в затруднительное положение. Лучше бы своими делами занимался! Больше уделял внимания жене и меньше совал нос туда, куда не просят!

— Поросятки, вы уже слишком польшие, что-пы сидеть тома,— произнесла Мартина, изобразив неопределенный жест.— Вам пора идти искать счастья. Только перегитесь волка!

Тоби и близнецы Мобины, наряженные в розовые футболки, смотрели на нее с явным изумлением.

— Брысь! — прошипела с края поляны Джорджина.— Тоби, уходи!

Внезапно вспомнив, что ему надлежит делать, Тоби схватил близнецов за руки и повел прочь с лужайки.

— А аплодировать надо? — шепотом спросила Энни.

— Думаю, да,— ответила Кэролайн и энергично захлопала в ладоши.

Джорджина посмотрела на них с неодобрением.

— Спектакль еще не окончен!

— Мы знаем,— отозвалась Энни.— Это аплодисменты в конце акта.

У края лужайки был установлен ряд стульев, и взрослые восседали на них, держа бокалы с напитками. Энни со Стивеном сидели в середине ряда, но Стивен не следил за представлением. Энтузиазм, которым его заразил Патрик во время разговора, быстро угас, и собственное положение представилось ему ясным как божий день. Он только что согласился взять огромный заем под залог дома. Это казалось явным. Он не мог позволить себе выбросить несколько тысяч фунтов — или сколько там, по словам Патрика, он должен заплатить, чтобы расторгнуть сделку. Но действительно ли этот самый гарантированный фонд — выход из положения? Что значит — гарантированный? Стивен был сбит с толку. Патрик на самом деле ничего об этом не сказал. Все произошло слишком быстро.

На лужайке появился один из близнецов. Он рассеянно посмотрел на аудиторию и сунул палец в рот. «Какой милый!» — подумала Энни и повернулась к Чарльзу, собравшись улыбнуться ему. Но Чарльз сидел, подперев рукой голову, и угрюмо смотрел в землю.

— Привет, поросенок!

Энни удивленно подняла взгляд. Это оказалась Николь, облаченная в подобие костюма с галстуком, а на лице у нее были нарисованы усы. Николь робко улыбнулась Энни, потом обратилась к близнецам:

Теннис-party

— Позвольте предложить вам превосходную солому для вашего дома! Это лучшая солома на рынке! Лучше вам нигде не найти — попомните мое слово!

Николь неловко попыталась открыть большой рукой застёжки портфеля, который был при ней. Зрители безмолвствовали. В конце концов портфель раскрылся и всеобщему обозрению предстал пучок соломы.

— Вы только посмотрите, сэр! — продолжала Николь. — Лучшая, высококачественная солома для постройки домов! Всего за пять золотых!

С конца ряда донеслось шумное сопение. Это Кэролайн пыталась удержаться от смеха.

— Какая прелесть! — приглушенно воскликнула она.

— Так как, сэр, по рукам? — спросила Николь. — Уверяю вас, солома — самый лучший современный материал для строительства домов. Кирпичи — это старомодно. Солома — то, что вам нужно.

Она поклонилась близнецам, вручила им пучок и ушла с лужайки. Взрослые разразились аплодисментами, а Кэролайн расхохоталась.

— Николь великолепна! Патрик, она совсем как ты!

Возмущенный, Патрик резко вскинул голову. Все повернулись в его сторону; слышались сдавленные смешки. Даже Чарльз поднял голову и усмехнулся.

Патрик побелел от гнева. Это что же, его видят таким? Торгашом-крохобором? Что так сказала Кэролайн — неудивительно; примерно такого замечания от нее и следовало ожидать. Но то, что она заявила об этом при гостях, среди которых были и его клиенты, наполнило его жаркой яростью и замешательством. Особенно его бесил Чарльз, сказавший Стивену, что тому стоит попытаться расторгнуть сделку. Чарльз, мнящий себя высшим существом. Патрику нестерпимо было даже глядеть на его холеное, загорелое лицо. Стивен, в конце концов, ничего в этом не понимал. А вот Чарльз понимал. И еще Чарльз знал, что Патрику позарез нужна эта сделка.

И вот они все сидят и смеются над ним. Героическим усилием воли Патрик удержался от того, чтобы встать и уйти прочь. Он натянуто улыбнулся и глотнул «пиммза». На лужайке появился второй близнец, а следом за ним — Николь с портфелем.

— Вы строите дом, сэр? — Теперь ее голос звучал доверительно. Она явно наслаждалась комизмом роли. — Позвольте предложить вам чудесный хворост! Это самый лучший строительный хворост. Полностью волкоустойчив. Гарантированно защищен от проникновения волков любых форм и размеров. Вам ни на что не придется жаловаться, сэр!

Николь вручила содержимое портфеля. Апплидисменты снова потонули в хохоте.

Теннис-party

— Она просто чудо! — сказала Элла, вытирая глаза.

— Поразительно, правда? — сказала Энни. — Я и не знала, что она может быть настолько потешна.

На лужайке появился Тони.

— Я хочу кирпичи! — громко провозгласил он.

— Еще рано! — прошипела Джорджина.

На сцену поспешно вышла Николь.

— Привет, поросенок, — сказала она. — Позвольте предложить вам солому или хворост.

Последовала пауза.

— Давай! — прошипела с края лужайки Джорджина.

Тоби просиял.

— Я хочу кирпичи, — заявил он.

— А может, солому? — с надеждой поинтересовалась Николь. — Или хворост?

— Я хочу кирпичи, — повторил Тоби.

— А может, картон? — предложила Николь.

— Я хочу кирпичи, — сказал Тоби.

Николь вздохнула.

— Вы совершаете большую ошибку, — сказала она. — Не говорите потом, что я вас не предупреждал. Вот вам.

Она вручила Тоби кирпич и решительно увела его со сцены.

— Антракт! — объявила Джорджина.

— Разве они не прелесть? — сказала Энни, повернувшись к Крессиде.

Но Крессиде усталилась куда-то перед собой; лицо у нее было напряженное, а в глазах стояли слезы. Энни быстро отвела взгляд и случайно посмотрела на Патрика. Патрик был мрачен, словно туча. Энни снова отвела взгляд. Стивен разговаривал с Доном. Валерия вроде бы болтала с Эллой, которую, похоже, на удивление заинтересовало то, о чем рассказывала собеседница. Тогда Энни посмотрела на Кэролайн. Та тоже заметила состояние Крессиды и взирала на нее с неприкрытым любопытством.

— Действие второе! — звонко объявила Джорджина и строго взглянула на Кэролайн. — И постарайтесь не смеяться.

Кэролайн не обратила внимания на замечание. Она продолжала смотреть на Крессиду. Вид молодой женщины, бледной, едва не плачущей, задел в ней какую-то струнку и пробудил сострадание. Сегодня утром они с Эллой весело смеялись над Чарльзом, но никто из них и не подумал, как ково должно быть Крессиде. Несчастная, очевидно, узнала, что произошло между Чарльзом и Эллой; возможно, она размышляла, не оставить ли его, а может, даже думала о разводе. Внезапно Кэролайн сделалось совестно за свое обращение с Крессидой. Она всегда считала ее холодной, высокомерной — и вот Крессиде в ужасном состоянии из-за этого придурка Чарльза. Кэролайн почувствовала, как в ней поднимаются смутные феминистические настроения. Почему несчаст-

Теннис-парты

ная женщина должна страдать из-за ублюдка, женившегося на ней исключительно из-за ее богатства?

Тут вдруг раздался взрыв смеха, и Кэролайн оглянулась на лужайку. Один из близнецов сидел в большой картонной коробке, накрытой сверху соломой. За спиной у него появилась Джорджина, наряженная в длинный черный плащ и смахивающая скорее на Дракулу, чем на волка.

— Поросенок, поросенок, — нараспев произнесла она, —пусти меня в домик.

Малыш непонимающе посмотрел на нее. Он определенно был слишком мал, чтобы ему можно было поручать роль, но с края лужайки доносился писклявый голос Мартины:

— Нет, нет, не пущу я тебя, ни за что!

— Тогда я плюну, и дуну, и разнесу твой дом! — завопила Джорджина и ринулась на коробку.

Малыш испуганно скривился и пронзительно заорал. Джорджина же, не обращая на это внимания, принялась изо всех сил дуть на коробку, и вой малыша сменился перепуганным ревом.

Внезапно к реву добавился плач среди зрителей.

— Оставь его в покое! — всхлипывая, закричала Крессида. По щекам у нее текли слезы. — Оставь его!

Она вскочила, выбежала на лужайку и подхватила сына. Тот заревел, уткнувшись ей в ру-

башку. С края лужайки тоже донесся рев — заплакался второй близнец, решив поддержать брата. Не глядя по сторонам, Крессида подхватила и его, быстро зашагала к дому и скрылась за дверью.

Чарльз несколько мгновений сидел неподвижно, а затем, когда все обернулись к нему, встал, что-то пробормотал и отправился следом за женой. Несколько минут все молчали. Похоже, никто не знал, что тут можно сказать. Момент выдался неловкий. Потом раздался чей-то голос.

— О господи, — невыразительным тоном произнесла Элла. — Надеюсь, это не из-за меня.

Кэролайн внимательно взглянула на нее.

— Я тоже надеюсь, — отрезала она. — И все мы.

Глава 12

— Извините,— сказала Крессида, обращаясь к Кэролайн.— Не знаю, что это на меня нашло. Наверное, я слишком долго просидела на солнце.

Женщины стояли у теннисного корта, ожидая, пока подойдут их партнеры по финалу турнира.

— Скорее это Джорджина чересчур раскомандовалась,— отозвалась Кэролайн.— Она прямо маленькая наци. На самом деле это мы должны извиняться — за нее. Она и без того уже отличилась.

— В самом деле? — вежливо переспросила Крессида.

Кэролайн мысленно обругала себя.

— Ну да,— неловко произнесла она.— Сказала Элле, что та может приехать сюда погостить. И даже не спросила ни у меня, ни у Патрика.

Кэролайн отвела взгляд от лица Кресиды, ей было неловко. И как ей только хватило ума заго-

ворить об Элле? Но Крессида явно держала себя в руках.

— Да, лишние гости — это всегда проблема, — пробормотала она. — Люди отчего-то этого не понимают. Они звонят в последний момент и спрашивают, нельзя ли им взять с собой двоюродную бабушку или крестника, и как им откажешь! Это ужасно утомительно. Я всякий раз делаю пару лишних десертов — на всякий случай.

Она устало улыбнулась Кэролайн. А ту внезапно захлестнуло иррациональное чувство вины. Кэролайн взглянула на бледное, осунувшееся лицо Крессиды, на тени у нее под глазами, на тонкую руку, сжимающую теннисную ракетку.

— Для меня это не проблема, — откровенно призналась она. — Поскольку я ничего не готовлю.

— В самом деле? Но вчера вечером...

— Все заказное, — сообщила Кэролайн. — Я думала, вы знаете. Неужто, по-вашему, я похожа на человека, который приготовит тарталетки с морепродуктами? — Она шутливо подмигнула Крессиде. — Повариха из меня скверная. Когда я впервые пригласила Патрика к себе на обед, то заказала говядину «Веллингтон». Мне доставили ее к задней двери, я прошла по черной лестнице, через кухню — и подала ее Патрику. Он решил, что я достала блюдо из духовки! — Кэролайн заливисто рассмеялась, а Крессида хихикнула. — Я никому никогда об этом не говорила. Не выдавайте меня Патрику!

Теннис-party

— Нет-нет, ни за что,— пообещала Крессида и посмотрела на Кэролайн круглыми глазами.— И что, он вправду вам поверил?

— Конечно! — отозвалась Кэролайн.— Мужчины — они же ничего не замечают. Он даже не обратил внимания, что говядина была в лотке из фольги.

Крессида снова хихикнула.

— Потрясающе!

— Иногда Патрик просит меня снова приготовить говядину «Веллингтон», — сказала Кэролайн, — а я ему говорю, что не буду этого делать, потому что она должна быть связана с особым воспоминанием.

— Так вы с тех пор никогда больше ее не заказывали?

— Никогда, — ответила Кэролайн. Она сунула в рот сигарету и потянулась за зажигалкой.— То кафе разорилось, а я не хочу рисковать и обращаться к другому поставщику. Вдруг они готовят это блюдо иначе?

Она перехватила взгляд Крессиды, и женщины снова рассмеялись. Крессида, глядя, как Кэролайн прикуривает, несколько раз хихикнула — отрывисто, почти болезненно. Кэролайн подняла взгляд.

— Хотите? — спросила она.

— Сигарету? — Крессида помедлила.— Я не курила с самой школы.

— Берите-берите,— посоветовала Кэролайн.— Успокойте нервы.

Она протянула Крессиде пачку. Помедлив мгновение, Крессида взяла сигарету.

— Они с ментолом,— предупредила Кэролайн.— Вам может не понравиться.

Крессида несколько раз нерешительно затянулась.

— Мятная! — воскликнула она.

— Приятные, правда? — сказала Кэролайн. Она приветливо улыбнулась Крессиде.— Заодно чистят зубы.

— Что, вправду? — удивилась Крессида, потом увидела лицо Кэролайн и рассмеялась.— Я всегда верю тому, что мне говорят.

— А я — наоборот,— сказала Кэролайн.— Я никогда не верю тому, что мне говорят. Очень полезная привычка — помогает ни во что не вляпаться.

— А если вам говорят правду?

Кэролайн пожала плечами.

— Тогда вы вскорости об этом узнаете.

Крессида озадаченно кивнула и выпустила струйку дыма. Кэролайн смотрела на нее, неглубоко затягиваясь, и вдруг ощутила глубокую, почти материнскую нежность к этой женщине.

— А вы никогда не пытались ее приготовить? — спросила вдруг Крессида.

— Кого — ее?

— Говядину «Веллингтон».

Кэролайн сделала глубокую затяжку и иронически взглянула на Крессиду.

Теннис-party

— Я — и говядина «Веллингтон»? Да я по домоводству еле-еле дотягивала до троечки! Я же вам говорила: повариха из меня никудышная.

И Кэролайн с удовольствием выпустила струйку дыма.

— Я могу научить вас, как ее готовить.

Кэролайн медленно оглядела Крессида, подзревая, что та шутит.

— Научить? Это в каком смысле?

Вопрос прозвучал несколько более резко, чем предполагалось.

Лицо у Крессиды слегка вытянулось, но она продолжила, немного нерешительно:

— Я могу заехать — или вы можете заехать ко мне, — и я покажу вам, как это делается. Я много раз готовила говядину «Веллингтон». И уверена, что вам это тоже под силу.

— Заехать к вам домой?

— Это вовсе не обязательно, если вам неудобно, — сказала Крессида. — Я вполне могу приехать к вам.

— Нет-нет, — медленно произнесла Кэролайн. — Я часто навещаю в Силчестер. Мне нетрудно будет зайти к вам. А вы вправду думаете, что я смогу научиться это готовить?

— Совершенно уверена, — отозвалась Крессида и робко улыбнулась Кэролайн. — Вы могли бы приготовить ее для Патрика. В качестве сюрприза.

— О господи! Да он глазам своим не поверит! — воскликнула Кэролайн. Она улыбнулась

Крессиде.— Только я должна вас предупредить: ученица я неспособная. Но очень постараюсь слушать внимательно. Вы уверены, что выдержите?

— Конечно! — обрадовалась Крессиде.— Это даже интересно!

Глаза ее заискрились, и она огляделась по сторонам, ища, где бы затушить окурок.

— Крессиде! Ты что, куришь? — раздался громоподобный голос Чарльза.

Глаза Крессиды потускнели, а взгляд встревоженно заметался. Даже ее кожа вдруг показалась безжизненной.

— Это я виновата, — громко произнесла Кэролайн.— Нервы ни к черту! — пробормотала она себе под нос.

Чарльз размашистым шагом вышел на корт.

— Я и не знал, что ты куришь, — сказал он.— Это дорогостоящая привычка — ты в курсе?

Крессиде промолчала. Чарльз выжидающе уставился на нее; взгляд его был холодным, лицо — жестким.

— Я просто подумала, почему бы не попробовать, — произнесла в конце концов Крессиде чуть дрожащим голосом.

Кэролайн резко вздохнула и посмотрела на Чарльза со внезапно вспыхнувшей ненавистью. Тот с вызовом взглянул в ответ — а потом отвернулся, нетерпеливо фыркнув.

— Привет! — донесся до них веселый голос Энни.— Все сейчас подойдут! — сообщила она.— Патрика задержал какой-то телефонный звонок.

Теннис-party

В руках Энни держала кучу бутылок и пластиковое ведро со льдом.

— Я подумала, что стоит кое-что прихватить,— добавила она.— Никто не хочет выпить? У меня тут лимонад и апельсиновый сок.

— Хорошо бы взять какой-нибудь воды на корт,— сказала Кэролайн.— Я сейчас принесу.

Когда Кэролайн ушла, Крессида вдруг почувствовала себя незащищенной, как будто кто-то убрал изолирующий барьер между нею и Чарльзом. Она исподтишка взглянула на мужа. Лицо его по-прежнему было суровым, с пролегшими глубокими складками и тенями — на самом деле ему это шло. Он выглядел... Крессида покопалась в памяти, подбирая нужное слово... Угрюмым. Неприветливым и угрюмым. Да, конечно. Тип мужчины, в которого полагается отчаянно влюбляться. Только вот Крессида такие мужчины никогда не привлекали. Она полюбила Чарльза за его покладистость и добродушие, за широкую улыбку и уравновешенный характер. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. А сейчас невольно испытывала страх. Она боялась снова остаться наедине с Чарльзом. Она не хотела выслушивать его крики и угрозы, снова испытывать это напряженное, отвратительное молчание.

— Ага! Наши достойные финалисты!

К корту размашистой походкой подошел Дон, с соломенной шляпой на голове и с блокнотом в руках. Он пристроил блокнот на зеленом судей-

ском кресле, потом извлек из кармана рулетку, прошел в центр корта и принялся важно измерять сетку.

— Немного низко! — заявил он. — Энни, вы мне не поможете ее подправить?

— Черт! — сказала Энни, но послушно встала. — Как-то все чересчур серьезно.

Пока Энни вертела ручку туда-сюда, Крессида смотрела прямо перед собой, избегая взгляда Чарльза. Она подумала про себя, что Стивен выглядит таким веселым, открытым человеком. Счастливица Энни...

— Чуть выше! — скомандовал Дон. — Нет, чуть ниже... немного вниз... Чуть-чуть вверх... да, вот так! Стоп, стоп! — Он радостно улыбнулся Чарльзу и Крессиде. — Надо все привести в порядок, прежде чем начинать.

— Совершенно верно, — натянуто отозвался Чарльз.

На тропинке, ведущей к корту, появились Кэролайн с Патриком.

— Слушай, — сказала Кэролайн, — давай-ка разгромим этого засранца.

Патрик удивленно уставился на нее.

— Кого — Чарльза?

— Его самого. Он редкостный ублюдок.

Патрик взглянул на Чарльза, на его белокурые волосы и надменное загорелое лицо, и нахмурился.

— Обеими руками «за».

Теннис-party

— Тогда не выкидывай свои обычные штучки на корте,— сказала Кэролайн.

— А вот это уже наглость! — возмутился Патрик, потом добавил: — Кстати, я думал, что тебе нравится Чарльз.

— Он, сволочь такая, гуляет налево.

— А! — отозвался Патрик.— Я так и думал, что с него станется. А ты как об этом узнала?

— От Эллы,— бросила через плечо Кэролайн.— Они занимались этим вчера ночью. На поле.

— На нашем поле?!

— Угу. Решили позволить себе некоторые вольности.

Чарльз с Крессидой вышли на корт.

— Привет,— бодро произнесла Кэролайн.— Сейчас, я немного потянусь.

Она выбрала место на корте и проделала на показ несколько упражнений на растяжку.

— Что-то у меня подколенные сухожилия не в порядке,— громко пожаловалась Кэролайн, перехватив взгляд Патрика.

Она быстро взглянула на Чарльза. Тот стоял, мрачно глядя под ноги. «Что за мерзавец,— подумала Кэролайн.— Изменил жене и даже не способен этим насладиться».

Чарльз тем временем размышлял, в состоянии ли он вообще участвовать в этом матче. Все вокруг казались раздражающе веселыми, а у него было тошно на душе. Только Крессида выгля-

дела удрученной, ему под стать. А она начала нестерпимо раздражать его, с этими ее трепещущими ресницами, с бледным лицом, с дурацкими рыданиями. Очевидно, теперь все винят его. Дьявол! Вот ведь ирония судьбы!

— Готово! — объявила Кэролайн. — Давайте разминаться.

Чарльз ухватил пару мячей и сердито залепил ими в Кэролайн, пытаясь дать выход раздражению.

— О господи! — взвизгнула Кэролайн, когда очередной мяч влетел прямоком в ограду у нее за спиной. — Я же не Штеффи Граф! Крессида, ты что-то ни одного удара еще не сделала.

Она осторожно пробила в сторону Крессиды, но мяч угодил в сетку.

— Дерьмо! — вырвалось у Кэролайн.

— Прошу прощения, — хмыкнув, подал голос Дон. — Я буду вынужден попросить вас не употреблять ругательств. Это против правил федерации.

— Что? — Кэролайн изумленно уставилась на него. — Вы что, шутите, черт возьми?

— А кроме того, неприятно для игроков и зрителей.

— Бред собачий! — возмутилась Кэролайн и повернулась к зрителям. — Кого-нибудь мои высказывания задевают? — громко спросила она.

Никто не ответил.

— Вообще-то, ма, меня задевают, — вежливо произнесла Джорджина.

Теннис-party

— Ты не считаешься,— отрезала Кэролайн.— И вообще, я думала, что ты будешь подавать мячи.

— Мы надолго здесь не задержимся,— сообщила Джорджина.— Николь хочет поездить на Аравии, пока они не уехали домой.

— Так поприноси мячи хоть до этого времени,— нетерпеливо произнесла Кэролайн.

— На самом деле,— сказала Джорджина,— мы, возможно, уйдем прямо сейчас. Заглянем к вам попозже, посмотреть, как у вас дела,— вежливо добавила она.— Ник, пошли.

— Ничего не понимаю,— пожалала плечами Кэролайн, когда Джорджина отправилась прочь вместе с Николь и Тоби.— Она всю прошлую неделю только и твердила, что будет подносить мячи!

— Может, она сообразила, что на самом деле это довольно тяжелая работа,— со смехом отозвалась Энни.— Твоя дочь очень неглупа.

— Давайте начинать! — нетерпеливо произнес Патрик.— Кто кидает жребий?

— Я кину,— назойливо заявил Дон.— Орел или решка?

— Решка.

— Нет, орел. Значит, подают Чарльз и Кресида.

— А мы выбираем сторону,— сказала Кэролайн.— Я предоставляю решать тебе.

Патрик сердито взглянул на нее. Он никогда не мог понять, кому вздумалось изобрести этот

выбор стороны. На кой оно нужно? Все равно ведь на одной стороне весь матч не просидишь! Патрик взглянул на солнце — на него как раз набежало светлое, просвечивающее облачко, — потом обратно на корт, но так ничего и не сообразил. Как там говорят? Выставь его на солнце? Но с какой стороны будет солнце? Патрик огляделся по сторонам. Все ожидали, что он решит.

— Пускай та сторона, — упрямо произнес Патрик, указав на противоположную сторону.

Раз уж он не может руководствоваться никакими разумными причинами, по крайней мере сделает так, чтобы этот ублюдок Чарльз прошагал через корт безо всякого смысла.

Миновав сетку, Чарльз заметил Эллу, безошибочно узнаваемую в своем голубом наряде; она спустилась с насыпи босиком. Элла уселась рядом с Мартиной и принялась разговаривать с одним из близнецов. При взгляде на нее — свободную, ничем не обремененную, не связанную никакими обязательствами — Чарльза затопила холодная ярость. У Эллы был вид человека, который всего лишь ненадолго остановился по пути к чему-то гораздо более увлекательному, который тактично заглянул поздороваться, но уже предвкушает, как уйдет навстречу намного большему удовольствию.

А ведь он прошлой ночью и вправду думал, что станет частью этих удовольствий. Чарльз посмотрел на Эллу и осознал вдруг, что ее на са-

Теннис-party

мом деле совершенно не волнует, навестит он ее в Италии или нет. Она не стала больше поднимать эту тему, не бросила на него ни единого выразительного, заговорщического взгляда. Она просто собралась уехать, в свой идиллический дом в Италии, и оставить его с женой, двумя детьми и возможным разорением. «Эгоистичная сука!» — в ярости подумал Чарльз.

Тут Элла, словно бы разгадав его мысли, посмотрела в его сторону и сняла солнечные очки, чтобы лучше видеть. Чарльз поспешно отвернулся и натолкнулся на веселый взгляд Кэролайн, подошедшей к сетке.

— Ты сегодня выглядишь каким-то усталым, Чарльз,— сказала она.— Надеюсь, ты хорошо спал?

— Да-да,— поспешно отозвался Чарльз.

— Возможно, тогда все дело в том, что ты поздно лег,— сказала Кэролайн, следя взглядом за Крессидой, которая прошла на другой конец корта.— Элла мне сказала, что вы повеселились допоздна.

Кэролайн взглянула ему в глаза, на лице ее было написано неприкрытое презрение. Чарльз словно током ударило. Она знает, что произошло прошлой ночью. Эта паршивая сука, Элла, ей рассказала. Почему? Почему она рассказала Кэролайн?

Кэролайн по-прежнему смотрела на него в упор, и Чарльз не мог отвести взгляд. Он оцепе-

нел, словно кролик под взглядом удава. Он был во власти Кэролайн, и она об этом знала. Если она захочет, то без малейших колебаний расскажет обо всем Крессиде. А может, даже расскажет при всех. Бесчувственная, вульгарная, несдержанная женщина. Неудивительно, что Крессида ее терпеть не может. Надо было послушать жену и отказаться от приглашения на этот прием.

В конце концов Кэролайн отпустила Чарльза.

— Кажется, нас ждут, — сказала она. — Пора пойти по местам.

Чарльз смотрел, как Кэролайн неспешно идет к Патрику. Собранные в хвост волосы подпрыгивали в такт шагам, безвкусные золотые браслеты блестели на солнце. «Что она знает о его неприятностях?» — со злостью подумал Чарльз. Между ней и Патриком не стоят денежные проблемы. Они себе бездельничают в свое удовольствие, а он угодил в такие передряги. Чарльз отошел к дальней стороне корта и подобрал пару мячей.

— Я буду подавать, — коротко бросил он Крессиде.

— Финал турнира Белого дома, — нараспев произнес Дон. — Кэролайн и Патрик Чанс против Чарльза и Крессиды Мобин. Судьи на линии готовы. — Он повернулся к зрителям. — Есть добровольцы?

— Это ваша работа, — лениво откликнулся Стивен, обнимая Энни. — Мы здесь для того,

Теннис-парты

чтобы аплодировать. И в любом случае знаток здесь вы.

— Ну, в общем, да,— польщенно отозвался Дон. Он поправил шляпу и уселся в кресло.— Игроки готовы.— Он посмотрел сперва в одну сторону, потом в другую.— Приступаем!

Крессида стояла у сетки, глядя на траву перед собой. Она не чувствовала никакого вкуса к игре, да и к реальной жизни тоже. Она стояла в правильной стойке, держа ракетку наготове; позади что-то ворчал Чарльз при каждой подаче. От его голоса Крессида вздрогнула — так раздраженно и грубо он звучал. А когда мяч врезался в сетку перед ней, Крессида испуганно вздрогнула. Удары мячей об ракетки казались ей все громче и громче; мячи словно бы свистели мимо все быстрее и быстрее. «Теннис — довольно опасная игра,— уныло подумала Крессида.— И довольно ожесточенная — на свой лад».

— Двойная ошибка! — зычно провозгласил Дон.— По тридцати!

— Не везет,— прошептала Крессида.

Но Чарльз ее не услышал. Он гневно взмахнул ракеткой.

Следующая его подача получилась слабой. Патрик отбил ее с маху и послал мяч Крессиде. Та так и стояла на одном месте, у сетки, и с несчастным видом смотрела в землю. Она вскинула ракетку машинальным, отработанным движением, но слишком поздно. Мяч пронесся мимо нее и приземлился у задней линии.

— Что ты там говорила про мои выходки на корте? — поинтересовался Патрик у Кэролайн.

Чарльз взбешенно посмотрел на Крессида.

— Ты просто не могла его взять, дорогая, — сказал он с напускной веселостью.

— Извини, — еле слышно, почти шепотом произнесла Крессида.

— Тридцать — сорок, — распевно произнес Дон.

Чарльз нахмурился и высоко подбросил мяч. Он вложил в подачу весь свой вес и отправил пушечный удар в квадрат противников. Кэролайн метко ударила по мячу, когда тот подлетел к ней, и послала его высоко в воздух. Крессида машинально изготовилась бить высокую подачу, но тут сзади раздался голос Чарльза:

— Оставь! Это мой!

Чарльз кинулся вперед, занеся ракетку для удара, и с маху врезал по мячу.

— Аут! — Патрик поднял голову и самодовольно улыбнулся Чарльзу. Ничего, сейчас этот ловкач немного подрастеряет свою спесь. — Улетел примерно на фут за край, — уточнил он. — Не повезло. Кажется, гейм наш.

Пока пары менялись местами, Чарльз гневно сверкнул глазами на Крессида. Она даже играть в теннис как следует и то не может! Дьявол, ведь это единственное, что она вроде как должна делать хорошо.

Внезапно ему вспомнился один давний теннисный матч — это было незадолго до их свадьбы.

Теннис-party

Он сидел и смотрел, как Крессида с кем-то играет в тени кедра. Где же это происходило? Чарльз не мог припомнить ничего, кроме того, как тогда выглядела Крессида — в старомодном теннисном наряде, с заниженной талией — словно модница двадцатых годов. И еще — как она играла. Аккуратно, ловко, уверенно, но не агрессивно. Потом, пробив завершающий, победный удар, Крессида поймала его взгляд и робко улыбнулась, теребя жемчужное кольцо, которое носила на пальце не снимая. Тогда он вправду любил ее. Или думал, что любит. Возможно, это одно и то же.

Глава 13

За время игры уверенность Крессида разлетелась вдребезги. Она не могла сосредоточиться на мяче, рука с ракеткой дрожала, удары выходили неудачные и слабые, все рефлексy притупились и замедлились. Изготовившись подавать, Крессида, к ужасу своему, поняла, что вот-вот расплачется. Она смахнула слезы рукавом, а потом, чтобы остальные ничего не заметили, быстро подбросила мяч и ударила по нему наугад.

— Ошибка,— сказал Дон.

Крессида попыталась собраться для второй подачи. Но вид стоящего у сетки Чарльза, с его напряженными, сердитыми ногами и грозно выпрямленной шеей, лишил ее всяческого присутствия духа. Она подбросила мяч невысоко, и тот слабо стукнулся о сетку.

— Ошибка,— повторил Дон.— Ноль — пятнадцать.

Теннис-party

Крессида быстро отвернулась, собрать мячи для следующей попытки. Ей и вправду необходимо сосредоточиться. Она играет ужасно. Они и так уже проигрывают со счетом два — четыре. Чарльз жутко зол на нее.

В обычных обстоятельствах Крессида сумела бы выбросить все из головы и собраться. Но в конце последнего гейма, когда они подошли к сетке за мячами, Кэролайн взяла ее за руку и подбадривающе подмигнула.

— Уроды эти мужики, — сказала Кэролайн. — Все они одинаковы. Держись!

Крессида нерешительно улыбнулась в ответ, стараясь сохранить спокойное лицо.

— И передай своему мужу, — добавила Кэролайн громче, — что, если он еще раз на тебя наорет, я ему дам по яйцам!

Грубоватое дружелюбие Кэролайн захлестнуло Крессиду, словно морская волна. Оно приободрило ее на краткий миг — и оставило дрожащей и испуганной; Крессиде никак не удавалось вернуться к своему сухому, сдержанному самообладанию. Она медленно подобрала два мяча и сделала глубокий вдох. Это долго не протянется. Сет почти закончен. Во всяком случае, будет закончен, если они с Чарльзом вдруг не выиграют несколько геймов. Крессида отошла обратно к дальнему краю корта и несколько раз постучала мячом о землю, глядя на него в жалком замешательстве. Что плохого, если ей хочется как

можно быстрее проиграть этот сет? Она даже не помнила, сколько они сыграли — один или все три. Может, они проиграют этот сет, и все закончится. Внезапно Крессиду охватило неудержимое стремление поскорее попасть домой, в знакомое, безопасное место.

Патрик смотрел на встревоженное лицо Крессиды — она стояла, постукивая мячом о землю перед подачей. Ему подумалось, что даже если бы не его собственная обида на Чарльза, одного вида этой несчастной женщины хватило бы, чтобы тронуть сердце любого порядочного мужчины. Ну и что, если сегодня она играет неважно? По крайней мере, она знает, как вести себя на корте. Она постоянно держалась безукоризненно вежливо и любезно и вносила в игру нотку элегантности.

В конце концов Крессида все-таки пробила подачу — слабый, жалкий удар. Патрик даже подумал было, не направить ли мяч в сетку, в качестве символического жеста. Но самодовольная физиономия Чарльза была слишком сильным искушением. Патрик размахнулся и изо всех сил врезал по мячу, направив его в Чарльза. Тот быстро отскочил в сторону — но на лице его, как с удовлетворением заметил Патрик, отразился ужас. Так значит, он не настолько хладнокровен, как кажется. Они оба проследили, как мяч приземлился.

Теннис-party

— Аут! — победно воскликнул Чарльз.—
Прямо за линией!

— Вы уверены? — раздался недовольный голос Дона.— На мой взгляд, мяч упал на поле.

— Он был за линией,— заявил Чарльз. В голосе его зазвучали стальные нотки.— Верно, Крессида?

— По правде говоря,— отозвалась Крессида,— я толком не заметила.

— Ты должна была заметить! На поле он упал или за линию?

Патрика передернуло от его грозного тона.

— Ладно-ладно! — поспешно произнес он.— Мяч упал за линию! О'кей, Дон? По пятнадцати.

Проходя мимо Кэролайн, Патрик прошептал:

— Давай отдадим им несколько очков.

— Отдавать очки этому ублюдку? Ты что, издеваешься?

— Да не ему!.. — нетерпеливо произнес Патрик.

Тут в их разговор, хмыкнув, вмешался Дон:

— Миссис Мобин подает!

Первый мяч Крессиды прилетел в сетку. Второй пошел низко и далеко.

— Хороший удар! — воскликнула Кэролайн, взглянув на Патрика, и улыбнулась Крессиде.

— Извините,— с легким упреком произнес Дон.— Но на этот раз мяч действительно упал за линию. И довольно далеко.

— Все нет! — возмутилась Кэролайн.

— Боюсь, да.

— А вот и нет!

— Да! — пронзительно провозгласила Валерия, сидевшая на насыпи рядом с кортом. — Он упал за линию. Извините, — добавила она, обращаясь к Крессиде, — но я видела.

— Корова тупая! — пробормотала Кэролайн. И сказала громко: — Ладно, очко наше.

— Пятнадцать — тридцать, — укоризненно произнес Дон. — Миссис Мобин подает.

Крессиде почувствовала, что атмосфера изменилась. Патрик с Кэролайн заговорщически переглядывались, лупили по мячам без разбора и восклицали чересчур громко. Неожиданно Крессиде выиграла гейм.

— Отлично, Крессиде, — сказала Кэролайн, когда они менялись сторонами.

Чарльз посмотрел на нее с подозрением.

В следующем гейме всякий раз, когда Кэролайн адресовала удар Крессиде, ее подачи оказывались на удивление слабыми. И с каждым отбитым мячом, перелетающим через сетку, уверенность Крессиды крепла. После нескольких успешных ударов справа она почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы подойти к сетке и пробить удар с лёта через весь корт. Мяч пролетел мимо Патрика и приземлился в углу площадки.

— Гейм выиграли мистер и миссис Мобин! — объявил Дон. — Четыре гейма.

Теннис-party

Чарльз стоял и смотрел то на Патрика, то на Кэролайн.

— Вы отдаете очки,— заявил он вдруг.

— Вот еще! — отрезала Кэролайн.— Чарльз, ты подаешь.

Но Чарльз не стронулся с места.

— Вы пытаетесь отдать нам этот гейм,— сказал он.— В чем дело? Вы считаете, что мы не умеем играть в теннис?

— Чарльз... — нерешительно произнесла Крессида.

— Чарльз, не носи чепуху,— рявкнул Патрик.

— Чепуху? Черта с два! Я знаю, что вы думаете! Вы думаете: бедняжечка Крессида что-то дерьмово играет — давайте отдадим им несколько очков!

— Ублюдок! — возмутилась Кэролайн.— Да как ты смеешь так говорить!

— Однако же это чистая правда, так? Вы с Патриком решили проявить к нам снисходительность. Что ж, спасибо, но не стоит! Думаю, я вполне смогу обойтись без благотворительности со стороны Чансов! — едко, с презрительной ухмылкой произнес Чарльз.

— Что, черт побери, все это значит? — возмутилась вдруг Кэролайн.

Она широко расставила ноги и подбоченилась.

— Я предоставляю выяснить это тебе,— заявил Чарльз.

Они с яростью уставились друг на друга.

— Да что вы, успокойтесь! — поспешил вмешаться Патрик.

Он взглянул на насыпь. Все сидели не шевелясь и в возбуждении смотрели на Патрика с Кэролайн.

— Будет тебе, Чарльз, — произнес Патрик, пытаясь говорить весело и непринужденно. — Давай доиграем, да и все.

— Да что такой тип, как ты, может знать про игру? — огрызнулся Чарльз.

— Чарльз, ну в самом деле...

— Чарльз, я не думаю...

— Успокойтесь...

Чарльз не обращал внимания ни на кого.

— Что, черт возьми, человек вроде тебя знает про игру? — выкрикнул он. — Ты, разбогатевший плебей, пригласил нас сюда, потому что думал, что мы принадлежим к светскому обществу, что у нас есть деньги, что мы можем купить какой-нибудь из твоих паршивых инвестиционных планов!

Он остановился перевести дыхание. Но тут его остановил взбешенный голос Кэролайн:

— Да заткнись ты!

Ее возглас разнесся над кортом; возникла пауза — все молча пытались осмыслить ситуацию заново. Стивен, который собрался было встать, решил притормозить. Дон, намеревавшийся сказать что-нибудь успокоительное, захлопнул рот и уткнулся взглядом в блокнот. Все остальные

безмолвно глядели на Кэролайн — как она медленно подходит к Чарльзу.

— Лучше заткнись по-хорошему, — медленно, размеренно произнесла она. — Ты считаешь себя выше нас? Ты думаешь, что лучше Патрика? Что ж, по крайней мере, он женился на мне не из-за моих паршивых денег! И он, по крайней мере, достаточно хорошо воспитан, чтобы, приехав к кому-нибудь в гости, не болтаться там всю ночь в поле с какой-то девкой! — Она сорвалась на визг. — Если ты учился в частной школе, это еще не значит, что ты лучше! Патрик стоит миллиона таких, как ты! — Кэролайн повернулась к Крессиде. — Я бы на твоём месте ушла от него! — начала было она.

Но Крессиде уставилась на нее, белая как мел; ее трясло.

— О чем ты? Какое поле? — прошептала Крессиде.

Кэролайн непонимающе взглянула на нее.

— Да с Эллой же! — сказала она, не подумав.

И сообразила, что ляпнула не то, когда лицо Крессиды исказилось. Но было поздно.

— Дьявол! Я думала, ты знаешь. Паршиво. Извини, пожалуйста. Я думала, у тебя из-за этого такой несчастный вид.

Крессиде казалось, что она очутилась в кошмаре. Все, чего она страшилась, произошло. Их личную жизнь обсуждают посреди теннисного корта. Перед зрителями. Крессиде почти не слы-

шала новый поток извинений со стороны Кэролайн. Ее унижение достигло предела.

Сидевшие на насыпи Энни со Стивеном встревоженно переглянулись.

— Скажи что-нибудь! — прошептала Энни. — Это же ужасно!

— Не могу! — прошипел в ответ Стивен. — Что я, по-твоему, могу сказать? Пусть говорит Дон. Он судья.

Они дружно посмотрели на Дона. А тот с нарочитым вниманием уставился в свой блокнот.

— Крессида, идем отсюда! — вдруг зычно рявкнул Чарльз. — С нас довольно!

Крессида не шелохнулась. Казалось, она вообще его не слышит.

— Крессида!

Голос Чарльза задребезжал.

— С чего это вдруг она должна идти с тобой?

Кэролайн толкнула Чарльза в грудь. Тот немного покачнулся, словно от удара, и злобно взглянул на нее.

— Отчего это ей вообще куда-то идти с каким-то мерзавцем, загулявшим налево? — не унималась Кэролайн. — Извини, Крессида, — добавила она. — Я не хотела тебе напоминать.

Крессида подняла голову. На губах ее появилось подобие улыбки.

— Ничего страшного, — прошептала она.

Кэролайн улынулась в ответ.

Теннис-party

— Если хочешь, заночуй у нас,— сказала она.— Ты вовсе не должна куда-то там ехать с ним. Можешь остаться хоть на неделю.

Чарльз хохотнул.

— Чушь! — заявил он.— Давай, оставайся с Кэролайн и Патриком. Посмотрим, сколько инвестиционных планов они сумеют продать тебе за неделю. Ты думаешь, они твои друзья? Думаешь, Кэролайн добра к тебе? Да они уже к завтрашнему утру раскрутят тебя на подпись под договором! О господи!

— Стивен! — прошипела Энни.— Скажи что-нибудь! Это просто отвратительно!

Но Стивен, сам не свой от нетерпения, слушал Чарльза. Чарльз повернулся к Кэролайн.

— Ты думаешь, твой драгоценный Патрик такой замечательный? — спросил он.— Попробуй рассказать об этом тем людям, у которых он выманил деньги! — Он бросил презрительный взгляд на Стивена.— Торгаши все одинаковы! Он тебя продаст в мгновение ока, если решит, что сможет хорошо на тебе заработать. Мошенник дерьмовый.

Внезапно Чарльз развернулся к Патрику.

— Почему ты нас пригласил? Не потому, что ты к нам хорошо относишься, и не потому, что хотел с нами повидаться. О господи, нет, конечно! Исключительно для того, чтобы попытаться навязать мне свой дрянной фонд. Чтобы отметить зарубками на столбике кровати еще несколько

добытых тысяч. Это тебя теперь радует? Ты от этого балдеешь?

— Так ты и нас за этим пригласил?

Все изумленно повернулись на возглас. Это был Стивен. Он вскочил, красный как рак, и гневно смотрел на Патрика.

— Ты за этим пригласил нас с Энни? Чтобы подписать нас на этот инвестиционный фонд?

Воцарилась потрясенная тишина.

— Какой инвестиционный фонд? О чем ты?

Энни уставилась на Стивена, но тот избегал ее взгляда. Чарльз медленно повернулся к ним.

— О господи! Он что, тебя подловил? Стивен?

Ответа не последовало. Стивен опустил взгляд. Чарльз повернулся обратно к Патрику.

— Дерьмо ты, — негромко произнес он. — Неужто ты вправду думаешь, что Стивен может позволить себе вкладывать деньги в какой-нибудь из твоих паршивых, так называемых уникальных инвестиционных планов? Ты действительно думаешь, что он может позволить себе рисковать деньгами в подобных финансовых спекуляциях? Боже милостивый. — Чарльз резко повернулся к Стивену. — Как ты мог на это повестись?

Стивен безмолвствовал.

— О господи! — простонал Чарльз. — Это все была одна сплошная попытка раскрутки, да? Я поверить не могу, что он тебя в это втянул.

— Заткнись! — внезапно взорвался Патрик. — Ты и так уже достаточно натворил! Я знаю, что

Теннис-party

ты говорил со Стивеном. Я знаю, ты сказал, что ему не следовало подписывать договор. И нечего делать вид, будто ты ничего об этом не знал!

— Ты о чем? — нетерпеливо бросил Чарльз.— Я не говорил со Стивеном.

— Не морочь мне голову! — яростно воскликнул Патрик.— Я знаю, ты советовал забрать бумаги на день, подумать, а не подписывать сразу. И знаю, что ты сказал ему, чтобы он мне не доверял.

— Я ему ни слова не говорил,— отозвался Чарльз.

Они дружно повернулись и посмотрели на Стивена.

— На самом деле,— сконфуженно произнес Стивен,— я поговорил с Доном.

— С Доном?

Потрясенный Патрик выглядел почти комично.

Все уставились на Дона, по-прежнему восседающего в судейском кресле.

— Простите, о чем идет речь? — переспросил Дон, подняв взгляд от блокнота.— Я проверял счет. Представляете, у нас восемнадцать двойных ошибок.

— Вы что, не слушали? — недоверчиво переспросил Патрик.

— Я не люблю ссоры как на корте, так и за его пределами,— сказал Дон, поджав губы.— Вы что-то хотели?

Захваченный врасплох Патрик чуть не потерял дар речи.

— Нет-нет,— быстро произнес он и огляделся вокруг.— Может, продолжим?

— Как это — продолжим?! — Голос Энни был чистым и решительным.— Мне кажется, кое-что требует объяснений. Что это за инвестиционный фонд?

— Ничего такого, о чем следовало бы беспокоиться,— быстро произнес Патрик.— Стивен, все в порядке. Я порву документы. Забудь. Как будто ничего не было.

— Забудь? Ты уверен? — Стивен удивленно посмотрел на него.— Но ты же сказал, что я не могу расторгнуть сделку.

— Он сказал тебе, что ты не можешь расторгнуть сделку?! — издевательски воскликнул Чарльз.— Он забыл тебе сообщить, что у тебя есть две недели, чтобы передумать. Время на размышление. Верно, Патрик?

— Что, вправду? — Стивен с недоверием уставился на Патрика.— Ты же заявил, что уже поздно! Ты сказал, что, если я разорву сделку, мне это обойдется в несколько тысяч фунтов!

— Ах вот как! — Голос Чарльза был полон мстительного веселья.— Похоже, наш любезный хозяин дома не очень порядочно обходится со своими гостями. А нет ли каких-нибудь регулирующих норм в продаже инвестиционных планов? Предусмотрена ли подача жалоб?

Теннис-party

— Слушайте, я же сказал, что история окончена,— сказал Патрик, стараясь не глядеть на Стивена.

— Ты меня нарочно обманул. Одурачил.

Стивен пытался пробудить в себе хоть какой-то гнев. Но облегчение было настолько сильным, что заглушило все остальные чувства. Оно было близко к эйфории. У него нет никаких долгов. Все в порядке. Внезапно Стивен почувствовал, что у него подгибаются ноги.

Он хлопнулся на насыпь и натолкнулся на строгий взгляд Энни.

— Не сейчас! — сказал Стивен.

— Нет, сейчас! А ну-ка объясни, что происходит!

— Да ничего,— отмахнулся Стивен.— Я думал вложить кое-какие деньги в фонды Патрика. Но все-таки не буду этого делать.

— Какие деньги? У нас что, появились какие-то деньги?

Стивен промолчал.

— Нет уж, выкладывай! Можешь все рассказать, потому что я все равно так или иначе узнаю!

— Я собирался взять заем под залог дома,— быстро произнес Стивен.— Но теперь все конечно. Ведь верно, Патрик?

Патрик кивнул с ничего не выражающим лицом.

— Заем под залог дома? Ты чем думал?

Магеллиан Уикхем

— Ой, не начинай! — раздраженно отозвался Стивен.

— Сколько ты собирался взять?

Стивен опять промолчал.

— Стивен...

— Восемьдесят тысяч.

— Сколько?! — У Энни от потрясения вырвался смешок. — Да ты шутишь!

Стивен пожал плечами.

— Восемьдесят тысяч фунтов? Восемьдесят тысяч фунтов под залог дома? При том, что у нас нет никаких доходов?

— О господи! Замолчи! Да, я сделал ошибку. Да, это целая прорва денег. Да, я вовремя опомнился. Может, на этом и покончим?

— Восемьдесят тысяч фунтов... — изумленно повторила Энни и повернулась к Кэролайн. — Ты представляешь?

Кэролайн попыталась изобразить изумление, но было поздно. Она виновато посмотрела на Энни. Та ответила взглядом, в котором смешивались понимание и неверие.

— Ты все это знала, — сказала Энни ничего не выражающим голосом. — Ты знала, что Стивен подписал договор на эту кучу денег. Так?

Кэролайн пожала плечами.

— Я никак не могу повлиять на то, что делает Патрик. Я ему сказала, что считаю это неправильным.

— Но мы же вроде как друзья,— с изумлением произнесла Энни.

— Именно это я и сказала Патрику,— защищаясь, ответила Кэролайн.— Я сказала, что ты моя единственная настоящая подруга.

— Но если я твоя единственная настоящая подруга,— опасно тихим голосом поинтересовалась Энни,— почему ты мне не рассказала, что происходит?

— Я не могла,— виновато отозвалась Кэролайн.— Патрик сказал, что, если я буду советовать людям расторгнуть сделку, он потеряет репутацию.

— И ты решила, пусть лучше он успешно уболтает людей взять заем, который они не смогут выплатить?

— Ну, возможно, вы бы смогли его выплатить,— хрипло ответила Кэролайн.— В смысле, это не так уж много. И раз мы будем платить за Николь...

Она внезапно умолкла.

— Постой-ка! Так вон оно что! Так вот почему вы предложили заплатить за обучение Николь! Поверить не могу!

Николь как раз бежала по тропинке к корту — посмотреть, кто выиграл матч. Она слышала из-за ограды взволнованный голос матери, но не поняла, о чем та говорит. Николь выскочила на насыпь, поочередно обвела взглядом потрясенные

лица присутствующих и сказала чуть дрожащим голосом:

— Но за мое обучение не нужно платить. Я учусь в государственной школе. А она бесплатная.

Она снова оглядела всех, поблескивая очками, но все взрослые, похоже, потеряли дар речи. Наконец Валерия набрала воздуха в грудь.

— Твоя мама говорит про другую школу, — сказала она медовым голосом. — Про чудесную школу в сельской местности, с добрыми учителями и с местом, где можно бегать и играть.

Она улыбнулась Николь.

— О-особая школа? — запинаясь, спросила Николь.

— Да! — весело отозвалась Валерия. — Оособая школа для особенных маленьких девочек.

Николь сделалась белой как мел и сглотнула. Она посмотрела на Энни, на Стивена, опять на Энни. Потом резко развернулась и помчалась прочь, подволакивая больную ногу. Заворачивая за угол, она разрыдалась.

— О господи! — воскликнул Стивен, вскакивая. — Николь! — позвал он.

— Я сама! — сердито одернула его Энни. — Ты и без того достаточно натворил!

Когда Энни ушла, воцарилось молчание. Стивен огляделся. Валерия по-прежнему сидела на стуле, наблюдая за происходящим; глаза ее блес-

Теннис-party

тели. Мартины и близнецов не было видно. Элла тоже отсутствовала. Патрик с Кэролайн сердито смотрели друг на друга. Крессида тихо опустилась на корт и села, обхватив колени. Стивен подумал, что ей бы стоило понимать, что ее юбка коротковата для такой позы. Но его мысль прервал голос Чарльза.

— Стивен, недоумок чертов! — воскликнул Чарльз. — Как тебя угораздило взять и подписать бог знает что? Ты же вроде как должен быть умным!

— Но теперь ведь все в порядке, — пробормотал Стивен.

— А могло и не быть! Ты мог бы разориться! Я просто думать об этом не могу! Не понимаю, что на тебя нашло!

— А как насчет обычной зависти?! — огрызнулся Стивен со внезапно вспыхнувшей яростью. — Как насчет того простого факта, что все здесь присутствующие богаты, а мы бедны? Как насчет этого — для начала?

Чарльз удивленно уставился на него.

— Я не знал, что ты так это все воспринимаешь...

— Я никогда этого так не воспринимал! Вправду не воспринимал. Но посмотри на нас! Мы близимся к середине жизни, все вокруг преуспевают, а у меня даже нет работы!

— У тебя есть твоя диссертация, — неловко произнес Чарльз. — Это больше, чем работа. Это достижение.

— Тебе хорошо говорить! Но это достижение не оплачивает счета! Мы находимся не в таком привилегированном положении, как ты, Чарльз.

— Привилегированное положение! — У Чарльза вырвался короткий, горький смешок. — О господа! Да ты понятия не имеешь, каково мое положение.

— На мой взгляд — очень даже ничего, — отрезал Стивен.

— Это потому, что ты ничего о нем не знаешь. — Чарльз помолчал и глубоко вздохнул. Когда он заговорил снова, голос его звучал совсем иначе. — Что ж, я могу тебе сказать. Мы все равно что разорены.

Он резко выдохнул. Воцарилось потрясенное молчание. Кэролайн бросила быстрый взгляд на Крессиду, но та сидела все так же недвижно, опустив голову. Все прочие неуверенно переглядывались. Чарльз посмотрел в небо.

— Почти облегчение сказать об этом, — пробормотал он.

Патрик взглянул на Чарльза с интересом. Он что, серьезно? Или свихнулся?

— В чем дело? Что-то с Печатным центром? — отважилась спросить Кэролайн. — Не может быть, чтобы он обанкротился!

— Если бы с Печатным центром! — с горечью произнес Чарльз. — По крайней мере, я стал бы банкротом, только и всего. По крайней мере, мое банкротство не было бы неограниченным. — Он

произнес последнее слово нарочито тщательно, с отчаянием и насмешкой над собой.— Неограниченное, мать его так, обязательство,— добавил он.— Бесконечное обязательство. О господи! — испустил он отчаянный вопль, разнесшийся над кортом.

На несколько мгновений все застыли. Потом заговорил Патрик.

— «Лондонский Ллойд»? — тихо спросил он. Чарльз удивленно вскинул голову.

— Откуда ты?..

Его взгляд метнулся к Крессиде. Та по-прежнему сидела на корте, сжавшись в комок, как будто пыталась закрыться от всего мира.

— Полагаю, она тебе сказала,— с презрением произнес Чарльз.

— На самом деле она ничего не говорила,— спокойно отозвался Патрик.— Это было всего лишь предположение.

Крессиде медленно подняла голову. Лицо у нее было бледным; ее трясло.

— Вы хотите сказать,— едва слышно произнесла она,— что это не ошибка?

Патрик нахмурился.

— Я точно не уверен,— мягко произнес он.— Но предположил бы, что это не ошибка.

— Конечно, никакая это не чертова ошибка! — завопил Чарльз.— Ты, сука пустоголовая! Так вот ты о чем думала? Нет, ты точно умственно неполноценная!

Лицо Крессиды исказилось, и она сжалась еще сильнее. Кэролайн возмущенно посмотрела на Чарльза, но любопытство заставило ее промолчать.

— Ну давай, говори! — крикнул Чарльз Кэролайн, заметив ее взгляд. — Ты думаешь, что я поганый ублюдок, который женился на Крессиде из-за ее денег! Конечно, ты так думаешь! Может, и так. Но сейчас я могу сказать лишь одно: ничего хорошего мне это не принесло!

Стивена передернуло.

— Что ты в самом деле, Чарльз, — серьезно произнес он. — Ты же не имеешь этого в виду.

— Я не имею этого в виду? — Глаза Чарльза заблестели. — Откуда ты знаешь? Да ты принялся скулить из-за займа в восемьдесят тысяч фунтов. А знаешь, сколько должны мы? — Он сделал паузу для пущего эффекта. — Я тебе скажу. Миллион фунтов.

Чарльз огляделся, желая увидеть произведенное его словами впечатление. Кэролайн явно была изумлена. Патрик, судя по виду, не был удивлен. Стивен опустил взгляд — ему, похоже, было неловко.

— Может, меньше, — продолжил Чарльз более спокойным тоном. — Или больше. Наш долг неограничен. Возможно, когда близнецы станут совершеннолетними, мы все еще будем его выплачивать. Бог знает, сможем ли мы отдать их в приличную школу. Но я бы предположил, что

Теннис-парту

это маловероятно.— Его глаза лихорадочно заблестели.— И как, по-твоему, я должен себя чувствовать?

Чарльз огляделся, и его взгляд упал на Стивена, пунцового от смущения.

— Ты счастливчик,— сказал он без злобы.— У тебя есть друзья, которые могут себе позволить помогать тебе.— Он посмотрел по сторонам.— Нет ли у кого лишнего миллиона фунтов — одолжить нам? — насмешливым тоном произнес он.— Мы были бы ужасно признательны. И мы постараемся вернуть. Честное слово.

Он коротко, горько рассмеялся, подбросил теннисный мяч и с силой швырнул его об корт. Потом метнул следом ракетку, опустился наземь и обхватил голову руками.

Глава 14

Когда Энни отыскала Николь, девочка безудержно рыдала, свернувшись в клубок на земле и наполовину забившись под куст. Почувствовав прикосновение, Николь испуганно вскинула голову и попыталась подняться. Но Энни схватила ее и удержала. Последовала короткая молчаливая борьба; в конце концов Николь сдалась и уткнулась мокрым, горячим лицом в футболку матери, горько рыдая и вздрагивая всем телом. Энни прижала ее к себе; она ничего не говорила — лишь тихонько покачивалась и гладила дочку по голове.

— Ну вот, — сказала Энни через некоторое время, когда Николь немного успокоилась. — И из-за чего это все?

— Я н-не хочу уезжать! — Вопль Николь перешел в рыдание, и из глаз снова хлынули слезы. — Я н-не хочу в спецшколу!

— В спецшколу?

Теннис-party

— Для таких, как я. Для больных.

— Солнышко! — Потрясенная Энни отстранила Николь и внимательно посмотрела ей в лицо. — Так вот что ты подумала! Что мы собираемся отослать тебя в спецшколу?

— Т-так г-говорят д-девчонки в шк-коле, — вздрагивая, произнесла Николь. — Они г-говорят, что м-меня отошлют в спецшк-колу д-для таких, к-как я. Они в-все в-время это г-говорят.

Энни потрясенно уставилась на Николь. Она подумала, что ей нельзя давать волю гневу. Если она выйдет из себя, Николь только станет хуже.

— Послушай меня, — медленно и отчетливо произнесла Энни. — Ты не поедешь ни в какую спецшколу. Ты останешься там, где ты есть. Эти девчонки выдумывают всякую чушь.

Николь хихикнула, но в глазах ее застыло недоверие.

— Но Валерия сказала...

— Валерия говорила не об этом, — объяснила Энни. Она почувствовала, как Николь напряглась. — Послушай. Я тебе расскажу, о чем говорила Валерия. О чем говорили мы все. А ты об этом подумаешь. Идет?

Николь кивнула, но осталась все такой же напряженной.

— Когда ты станешь немного старше, — сказала Энни, — ты пойдешь в среднюю школу.

— Да, в Мэримаунт, — согласилась Николь.

Маделин Уикхем

— Может быть, в Мэримаунт,— сказала Энни.— А может, куда-нибудь еще. Джорджина рассказывала тебе про свою школу?

— Да,— осторожно отозвалась Николь.

— Как по-твоему, это хорошая школа?

— Да.

— Если захочешь, можешь подумать о переходе туда.

— В школу Святой Екатерины,— задумчиво произнесла Николь.

Энни почувствовала, что девочка немного ослабилась.

— Верно,— подтвердила она.— Но тебе нужно очень серьезно подумать о том, в какую из этих школ тебе хочется больше. Школа Святой Екатерины — это пансион.

Николь кивнула.

— Я знаю,— сказала она.— Там спят в дортуарах. И нужно брать отпускной билет.

Энни попыталась понять, что за чувства отражаются на лице дочери, но послеполуденное солнце играло на ее очках.

— Ладно,— сказала Энни,— если ты не хочешь, мы больше не будем об этом говорить. У тебя еще куча времени на размышления.

— А я вправду смогу пойти в эту школу, если захочу?

— Я точно не уверена,— честно призналась Энни.— Это зависит от нескольких вещей. А ты

Теннис-party

сильно огорчишься, если из этого ничего не выйдет?

Некоторое время Николь смотрела на мать. Она покачала головой, потом кивнула, потом хихикнула.

— Не знаю.

— Ах ты глупышка! — воскликнула Энни и пощекотала Николь по животу. — Глупышка! Ты по-прежнему боишься щекотки? Что-то мне кажется, что да!

Николь взвизгнула и засмеялась.

— Ма, перестань! — выдохнула она.

— Извини, я не расслышала, — сказала Энни. — Ты что-то сказала?

Николь зашлась смехом.

— Перестань! Хватит!

В конце концов Энни смилостивилась. Она подняла руки над головой.

— Вот! Я прекратила.

Несколько секунд Николь была на взводе, ожидая новой атаки, потом плюхнулась наземь, продолжая хихикать. Энни посмотрела на дочь.

— Может, вернемся к остальным? Или побудем здесь еще?

— Побудем здесь, — решила Николь. Она положила голову Энни на колени и закрыла глаза. Через некоторое время она спросила: — А почему Валерия сказала, что я пойду в особую школу?

— Она имела в виду симпатичную, приятную, дружелюбную школу, — объяснила Энни. — По-

нимаешь, особая не значит плохая. Многие вещи особенные потому, что они замечательные.— Она помолчала.— Вот как ты в этой сегодняшней пьесе. Ты была особой, потому что была очень смешной.

Николь подняла голову и слегка зарделась.

— Это все Джорджина придумала,— сказала она.

— Но Джорджина не сыграла бы это так здорово, как ты.

Николь порозовела еще сильнее, и вид у нее сделался довольный.

— Пожалуй, больше всего мне понравилось,— продолжала Энни,— как ты говорила бедному поросенку, что хворост волкоустойчив.

Николь вдруг расхохоталась.

— Это было так смешно! — сказала она.— А потом волк пришел и сдул их всех.

— Бедный поросенок,— сказала Энни.

— Скорее уж глупый,— рассудительно произнесла Николь.— Напрасно он мне поверил. Он должен был подумать: «Разве хворост удержит волка? Да нипочем!»

— Я понимаю,— согласилась Энни.— Именно так ему следовало бы подумать. Но не все же такие благоразумные, как ты.

Она улыбнулась дочери и вдруг крепко сжала ее в объятиях.

— Не все такие благоразумные, как ты,— повторила Энни.— Далеко не такие.

Теннис-парту

Через некоторое время Николь встала. Она убрала волосы с лица и шмыгнула носом.

— Мне нужно было узнать, кто выиграл теннисный матч,— сказала Николь.— И рассказать Джорджине.

— Я не уверена, что его кто-то выиграл,— отозвалась Энни.— Кажется, они решили остановиться.

«И слава богу, что ты не пришла раньше!» — подумала она. Ей вдруг стало стыдно за эту отвратительную перебранку, за вопли и взаимные оскорбления людей, которые считались друзьями.

— Тогда я пойду и так и скажу,— решила Николь.

Кажется, ей вдруг захотелось поскорее уйти — возможно, от смущения. Что ж, она почти вступила в этот трудный возраст, когда из-за всего то и дело смущаешься. Или, может, в нынешнее время он наступает раньше.

— Иди,— согласилась Энни.— Можешь сказать Джорджине, что счет был почти равный.

— Угу.

И Николь убежала, не оглядываясь, оставив Энни с мокрым пятном на футболке и с ощущением пустоты на коленях, в том месте, где лежала ее голова. Энни посидела еще несколько минут, запрокинув голову, подставив лицо солнцу и ни о чем не думая. Потом на солнце напоззло облако, воздух сделался холоднее, а порыв ветра задрал подол ее юбки.

Энни медленно встала, чувствуя себя старой и разбитой, и отряхнулась. Медленно и неохотно она зашагала к корту, представляя, какое ужасное столкновение поджидает ее там. Но у корта не было никого, кроме Стивена. Стивен сидел в шезлонге и потягивал пиво из банки.

Энни подошла и села рядом с мужем. Некоторое время они молчали. Потом Стивен поинтересовался:

— С Николь все в порядке?

— Теперь да. Она подумала, что мы хотим отослать ее в спецшколу. — Энни вздохнула. — Девчонки в классе говорят, что ее отдадут в школу для калек. Можешь себе представить?

— Сейчас я могу представить все, что угодно.

— Я сказала ей, что она, возможно, пойдет в школу Святой Екатерины.

— И что она об этом думает?

— Я толком не поняла.

Они немного помолчали.

— Боже, ну я и дурак, — сказал вдруг Стивен. — Не представляю, что на меня нашло на этих выходных. Я хотел... — Он умолк. — Даже не знаю. Хотел быть богатым, преуспевающим — как остальные. Я думал, что Патрик сможет превратить меня в денежный мешок и мы купим дом побольше или еще что-нибудь...

— Но я не хочу дом побольше, — уверила его Энни.

Теннис-party

— Да,— согласился Стивен.— И я не хочу. Но об этом легко забыть.— Он дурашливо улыбнулся жене.— Я не такой рассудительный, как ты.

— Но я вовсе не рассудительная,— удивленно возразила Энни.— У меня есть свои фантазии.

— В самом деле?

Энни покраснела.

— Ну, ты знаешь. Всякие глупости. Наряды. Украшения.

— Я куплю тебе наряды и украшения,— решительно заявил Стивен.— Я куплю тебе столько украшений, сколько ты сможешь на себя на-весить.

— В самом деле?

Взгляд Энни смягчился.

— Подожди,— сказал Стивен,— пока мою диссертацию не опубликуют под всеобщие аплодисменты. В честь этого мы закупи́м двойную порцию нарядов и украшений.

Энни расцвела.

— Здорово! Жду не дожусь.

Стивен глотнул пива.

— Пожалуй, сяду за нее сегодня вечером. У меня появилось несколько идей.

— Отлично! — с энтузиазмом воскликнула Энни. Она оглядела пустое место происшествия.— Так прием окончен?

— Думаю, да,— отозвался Стивен,— поскольку все гости отправились по домам.

— Совсем все?

Магеллиан Уикхем

— Дон и Валерия точно ушли. Они попросили меня попрощаться с тобой от их имени. На самом деле Дон разобиделся. Он считает, что мы отнеслись к турниру недостаточно серьезно.

Энни хихикнула.

— Бедный Дон! Боюсь, мы не соответствуем его требованиям.

Пару минут она радостно посмеивалась, наслаждаясь глупым, ребяческим юмором, теплым солнцем, покоем момента. Потом зевнула во весь рот, потянулась и посмотрела на Стивена.

— Ну что, пора домой?

— Пожалуй, да.— Стивен встал, протянул руки и рывком поднял Энни.— Пойдем соберем вещи вместе. Я не хочу больше здесь болтаться.

Войдя в дом, они наткнулись в холле на Кэролайн.

— А, Кэролайн! — нервно произнесла Энни.— Мы тут подумали, что нам, пожалуй, пора.

— Да, я так и думала,— жалобно произнесла Кэролайн.— Вы, наверное, меня теперь ненавидите.

— Вовсе нет! — воскликнула Энни.— Конечно же нет! Мы замечательно провели время. Правда, Стивен?

— Да, замечательно,— согласился Стивен.

— Даже несмотря на то, что сделал Патрик?

— Патрик ничего не сделал,— твердо произнес Стивен.— Я сам виноват, что ввязался в си-

Теннис-party

туацию, с которой в действительности связываться не хотел. Никакого вреда он мне не причинил.

— Ох, хорошо! — Кэролайн радостно улыбнулась им обоим. — Значит, мы по-прежнему друзья?

— Друзья.

— И вы позволите нам заплатить за обучение Николь в школе Святой Екатерины?

Энни взглянула на Стивена.

— Возможно, — осторожно произнесла она.

— Только не говорите нет! — взмолилась Кэролайн. — А то я буду думать, что вы решили, будто я заглаживаю вину Патрика! А это неправда! Я люблю Николь и хочу, чтобы она училась в лучшей школе. Ну пожалуйста! Скажите, что вы разрешите ей туда перейти!

Энни улыбнулась. Кэролайн невозможно было противостоять.

— Что ж, — сказала Энни. — Если Николь захочет, мы ее отпустим. Решать ей.

— Конечно, она захочет туда перейти! — заявила тут же повеселевшая Кэролайн.

— Может, и не захочет, — предупредила Энни. — Мы сообщили ей эту новость не самым лучшим образом.

Кэролайн охнула, и вид у нее сделался удрученный.

— Она сказала, что не хочет туда?

— Не совсем, — признала Энни.

— Тогда все в порядке! Она непременно согласится! Я буду ждать с нетерпением!

Энни закатила глаза и выразительно взглянула на Стивена.

— Эта женщина свихнулась, — сказала она.

— Вовсе и нет! — Кэролайн посмотрела на них. — Я просто не хочу терять друзей.

— Ты нас не потеряла, — сказала Энни.

— Но нам и вправду надо идти, — вмешался Стивен. — Мне очень жаль, что наш праздник закончился таким неподобающим образом.

Кэролайн пожала плечами.

— А на что вообще годится праздник, если он не заканчивается неподобающим образом? Надеюсь, вы поняли, что все это было тщательно спланировано?

И она рассмеялась.

— Да, конечно, — согласился Стивен. — Я так, на всякий случай.

Когда Стивен с Энни поднялись наверх, в холл вышел Патрик.

— Они уезжают? — спросил он у Кэролайн.

— Да, — ответила она. — Могу тебя порадовать: они не держат на тебя зла. И еще могу сообщить, что они не против, чтобы мы заплатили за обучение Николь.

— Превосходно! — язвительно отозвался Патрик и перехватил взгляд Кэролайн. — На самом деле, — сказал он уже другим тоном, — это хорошо. Малышка заслужила свой шанс.

Теннис-party

— Вот и я так подумала, — с облегчением проговорила Кэролайн.

Патрик внимательно посмотрел на нее.

— Ты прямо-таки набросилась на Чарльза, — сказал он. — Мне даже не верится.

— Он настоящее дерьмо! — отрезала Кэролайн.

— Я в курсе, — сказал Патрик. — Но тебе вовсе не обязательно было вмешиваться.

— Еще как обязательно! — возразила Кэролайн. — Он принялся валить все на тебя!

Она посмотрела на Патрика. Глаза ее блестели на удивление ярко. Мгновение спустя Патрик заключил ее в объятия.

— Я очень тебя люблю, — сказал он. — Ты это знаешь?

— Что-то такое слыхала, — отозвалась Кэролайн. — Но я не верю слухам.

Тут она умолкла, потому что Патрик припал губами к ее губам.

— Очень трогательно, — донеслось от входа.

Это была Элла. Из-за солнечного света, бьющего в дверной проем, ее волосы превратились в сияющий ореол, а вот лицо видно было смутно.

— Извините, что помешала. Я за своей сумкой.

— О, ты уезжаешь? — спросила Кэролайн, неуверенно попытавшись изобразить сожаление.

— Да, пожалуй, — ответила Элла. — А что?

Несколько мгновений женщины смотрели друг на друга. Потом Патрик высвободился из объ-

ятий Кэролайн, резко кивнул Элле и вышел из холла.

— Извини, что назвала тебя девкой,— поспешно произнесла Кэролайн.

Элла пожала плечами.

— Ничего страшного. Меня подобные слова не задевают.

— Как ты можешь быть так спокойна? — Кэролайн изумленно посмотрела на собеседницу.— После всего, что произошло!

— А что такого произошло? Я трахнула Чарльза. Только и всего.

— С этого все и началось.

— Ты изменила отношение к этому делу,— заметила Элла.— Любопытно.

— Ну да,— неуступчиво отозвалась Кэролайн.— Все мы меняемся.

Элла быстро скользнула взглядом по лицу Кэролайн и слегка кивнула.

— Понятно. Я здесь нежеланный гость, так? Кэролайн промолчала.

— Что ж. Мне не понадобится много времени, чтобы собрать вещи.

— А что ты будешь делать дальше? — не сдержала любопытства Кэролайн.

— Что буду делать? Думаю, отправлюсь прямиком в Италию. С меня довольно этой страны.

— А...

Любопытство Кэролайн угасло столь же быстро, как и вспыхнуло. Жизнь Эллы в Италии, как

та ее описывала, была слишком далека от представлений Кэролайн о подобающем образе жизни, чтобы хоть сколько-то ее интересовать.

Когда Элла направилась к лестнице, Кэролайн подумалось: неужели это и вправду та пухленькая, дружелюбная девушка, которая жила вместе с Чарльзом на Сеймур-роуд и боготворила его? Да, все они изменились после того, как уехали. Кроме разве что Стивена с Энни. Но, впрочем, они ведь и не уезжали оттуда. Некоторое время Кэролайн стояла, размышляя об этом; у нее было ощущение, будто она на пороге какого-то открытия. Но мысленные усилия оказались чересчур велики. Кэролайн раздраженно тряхнула головой и огляделась по сторонам.

— Мы уезжаем, — донесся со стороны лестничной площадки дрожащий голос Крессиды.

Элла, поднявшаяся до середины пролета, насмешливо взглянула на Кэролайн и пожала плечами. В следующее мгновение из-за угла показалась Крессида. Она спустилась на пару ступеней, увидела Эллу и остановилась. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Крессида чуть заметно подалась назад; у Эллы напряглись плечи. Они напомнили Кэролайн двух неожиданно столкнувшихся котов.

Потом Крессида улыбнулась. Это была улыбка хорошо воспитанной женщины; улыбка, порожденная чувством долга; улыбка, способная скрыть тысячу эмоций.

— До свидания,— сказала Крессида.

Она, кажется, хотела сказать что-то еще, но передумала. Кэролайн одобрительно кивнула. И вправду, говорить больше было не о чем.

— До свидания,— непринужденно ответила Элла.

Последовала краткая пауза, как будто никто из них не мог решить, в какую сторону двинуться. Но вдруг Элла кинулась вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Она добежала до верха и исчезла в коридоре. Крессида посмотрела вниз, встретила взглядом с Кэролайн и улыбнулась с неприкрытым облегчением.

— Тебе не обязательно уезжать,— сказала Кэролайн, взглянув на чемодан Крессиды.— Ты спокойно можешь остаться здесь.

— Знаю,— отозвалась Крессида.— Но мне захотелось вернуться домой. Попробовать во всем этом разобраться.

По лестнице спустился Чарльз, нагруженный сумками. Он встревоженно взглянул на Крессида, потом на Кэролайн.

— Спасибо за гостеприимство,— сказал он.— И извини. Мне больше нечего добавить.

— Не надо передо мной извиняться,— отозвалась Кэролайн более резко, чем собиралась. Чтобы загладить свой тон, она взглянула на Чарльза доброжелательно.— Берегите себя,— сказала она.— И дайте нам знать, если... ну, ты понимаешь... если мы можем чем-нибудь помочь.

Чарльз безмолвно кивнул.

Кэролайн проводила их до подъездной дорожки и помахала вслед их «бентли». У Чарльза, высунувшегося из окна, вид был изможденный, и Кэролайн попыталась отыскать в себе хоть каплю злорадства, чтобы приободриться. Обычно она находила возможным позлорадствовать над несчастьями даже ближайших друзей. Но эта беда была как-то чересчур велика для злорадства. У Кэролайн при одной лишь мысли о ней по спине бежали мурашки.

Когда Мобины скрылись из виду, Кэролайн вернулась в дом и задумалась, чем бы ей заняться. Все разъехались или готовились к отъезду. Но было еще тепло. Еще можно немного позагорать.

Кэролайн отправилась на кухню и наполнила бокал белым вином, потом вскрыла пакет с арахисом и высыпала его в мисочку. А для комплекта добавила баночку маринованных оливок. Поставив все это и бутылку вина вдобавок на поднос, Кэролайн вышла на террасу. Ее шезлонг стоял как раз так, чтобы с удобством позагорать на послеполуденном солнышке, и вскоре Кэролайн уютно устроилась, закрыв глаза и подняв ноги. «По крайней мере, хоть дождя нет», — лениво подумала она. Им и вправду очень повезло с погодой. А завтра, если повезет, тоже будет жарко, и она сможет позагорать с открытой грудью.

Когда Стивен с Энни вытащили Николь и Тоби на террасу попрощаться с Кэролайн, то обнаружили, что она спит в шезлонге.

— Ничего,— прошептала Энни.— Мы можем написать ей письмо.

У машины их ждал Патрик.

— Спасибо за чудесные выходные,— сказала Энни.— Все вправду было замечательно.

— Спасибо, Патрик,— с некоторой робостью произнес Стивен.— Извини за беспокойство.

— Не валяй дурака,— отозвался Патрик.— Это твое право — решать, что делать со своими деньгами.

— Пожалуй, да,— согласился Стивен.

Они осторожно вывели машину с подъездной дорожки и укатили, помахав на прощание Патрику.

— Ну, слава богу за это,— сказал Стивен.

— За что? — тут же полюбопытствовала Николь.

— Ни за что,— сказал Стивен.

— За хорошо проведенное время,— объяснила дочери Энни.— Ты ведь это имел в виду, правда, Стивен?

— Э-э... да,— согласился Стивен.— За хорошо проведенное время.

Он утопил педаль газа, и машина рванула вперед, как будто не меньше его самого торопилась убраться отсюда, подальше от чудесно проведенного времени, обратно к дому и настоящей жизни.

Теннис-party

Последней уехала Элла. Она закинула сумку на заднее сиденье своей машины и огляделась, нет ли кого из хозяев, чтобы попрощаться. Но никого видно не было. Элла пожала плечами, скользнула на переднее сиденье и аккуратно вывела машину с подъездной дорожки. Вскоре ее маленький автомобиль мчался по автостраде. Элла открыла панель в крыше и принялась напевать себе под нос. Она уже позабыла про Кэролайн и Патрика, про Энни и Стивена и про весь этот теннис-пати. Мыслями она была на холмах Тосканы, со своей любовницей Мод Веннингс. Мод сейчас, наверное, сидит у своей виллы, попивает «Стрегу»* и задается вопросом, не пора ли Элле вернуться. Дело в Англии — так ей сказала Элла. Неоконченное дело. Но теперь ее ничто здесь больше не держало.

* «Стрега» (*ит. la strega* — ведьма) — знаменитый итальянский травяной ликер с горько-сладким вкусом.

Литературно-художественное издание

Маделин Уикхем

ТЕННИС-PARTY

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Редактор *Е. Ампелогова*
Художественный редактор *С. Киселева*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *Н. Шабунина*
Корректоры *М. Ахметова, Е. Шнитникова*

ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет» E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: international wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24А. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 501-91-19. **Во Львове:** ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

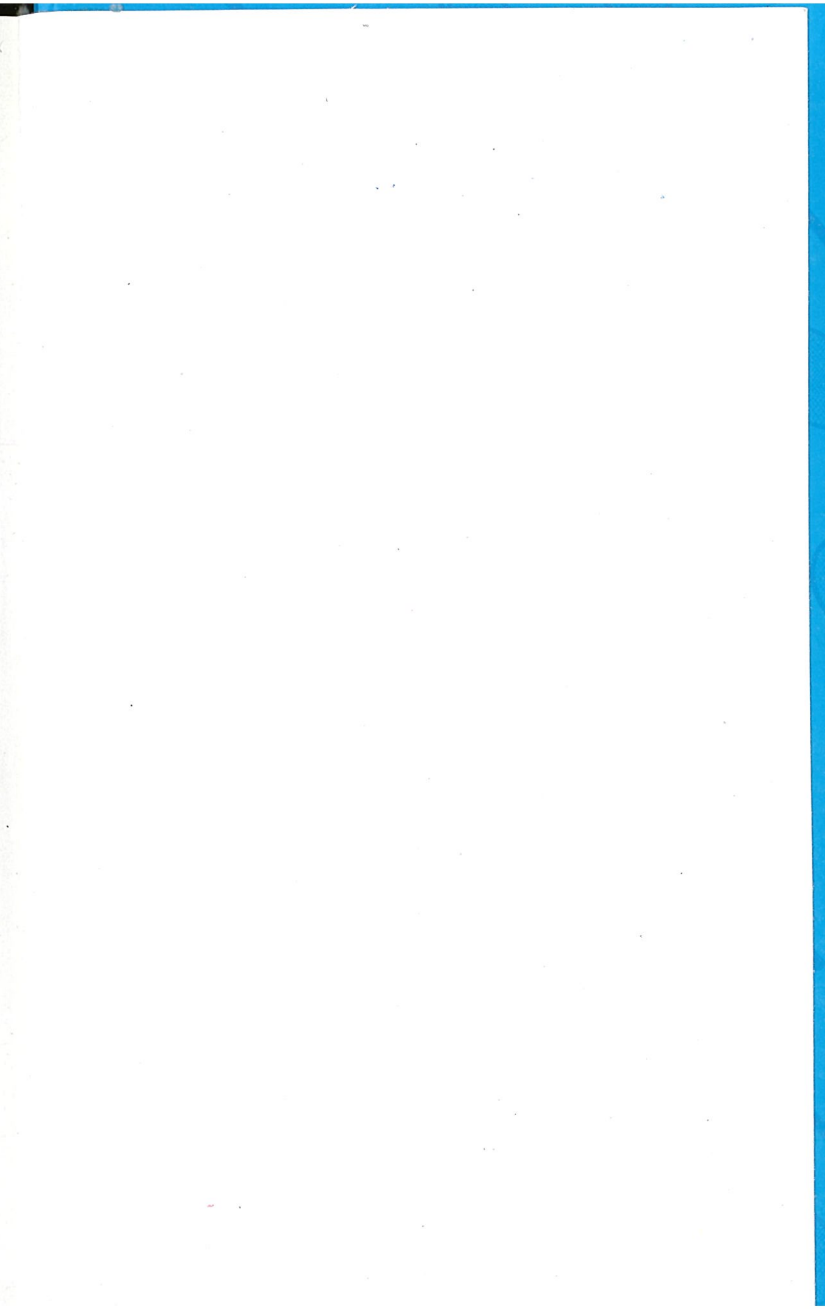
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Подписано в печать 24.10.2007.
Формат 75х90 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 14,38.
Тираж 12 000 экз. Заказ № 6766.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

80

07-88558

Это была идея Патрика — собрать друзей на уик-энд и провести турнир по теннису, ведь возле его замечательного дома имеется превосходный корт, которому мог бы позавидовать Уимблдон. И никто, даже любимая жена Патрика Кэролайн, не догадывается об истинной причине этого приглашения. Четыре супружеские пары собираются на солнечной террасе, и с первым же мячом, перелетевшим через сетку, начинаются эти два незабываемых дня, наполненных переживаниями и страстями, радостью общения и неприятными открытиями, появлением непрошенных гостей и подлинными потрясениями.

Маделин Уикхем — настоящее имя писательницы Софи Кинселлы, автора суперпопулярной серии романов про Шопоголика.

2007121198

ISBN 978-5-699-24891-9

9 785699 248919 >